

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1980

8

10.335
1980

0.335

980

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Стихи. Переводы Ирэны Сергеевой и Юрия Милорава 3
- ЗУРАБ КУХИАНИДЗЕ. Стихи. Переводы Олега Игнатьева, Галины Павловской и Даниила Джанашвили. (Вступительное слово Гурама Асатиани). 53

ПРОЗА

- ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Рассказы. Перевод Ушанги Рижинашвили. 7
- РЕВАЗ ГАБРИАДЗЕ. Бриллиант маршала де Фантье (Поэма о старом Тбилиси) 60

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

- МИХО МОРЧИЛАДЗЕ. Живвальские хроники. Перевод Александра Златкина 102

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ. Историческая трилогия Григола Абашидзе 117
- ТЕДО БЕКИШВИЛИ. Свет «Тумана» 131
- МИХАИЛ РАЗМАДЗЕ. Поэзия труда 138

8

1980

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ДЖУАНШЕР БАТЕЙШВИЛИ. Я. П. Полонский и «тифлисский» период его жизни. (К творческой биографии поэта) 139
- ЕЛЕНА КИАСАШВИЛИ. А. С. Пушкин и его грузинское окружение в критических статьях Георгия Леонидзе 150
- АНАИДА БОСТАНДЖЯН. Поэзия сближает народы 158

ИСКУССТВО

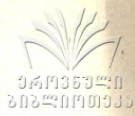
- ДАВИД АНДРИАСОВ. Монумены — гимны героизму 163

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

- ВИКТОР КАЛНИН. Свидетельствуют архивы . . . 174

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Из французских поэтов. ЛОТРЕАМОН. РЕМБО.
МАЛЛАРМЕ. Вступительное слово Бачаны
Брегвадзе. Перевод и послесловие В. Козового . 181
- ХРОНИКА 220
- ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 222

сказанный,
все же...
Слава былая
встает из тумана
мертвого царства —
Мцхета!
Поезда выкрик,
резкий, гортанный,
прочь отменяет
это.

2.

Голос Вахтанга
в пространстве хранится,
тело — землю одето.
Город какой
с этим небом роднится
так же, как
Мцхета?..
Славное прошлое!
Славное очень!
Кто возражает?
Только скажу я,
прямо скажу я:
то, что сегодня —
знаю!

И на небо идти дано
нам тропкою невиданной,
но на землю
вернемся мы,
вверх откуда идти дано...
Даже дождь, с неба падая,
от земли начинается.
Все — и злое, и доброе —
все землей называется.
Так скажу я, любовь суля, —
Шота, жил бы,
сказал бы так:
— Нет, не все на земле — земля,
и земле не равна земля!

И завидую я тому,
кто сказал так, наш край ценя:
— Дай немного. Где рожден,
той земле и предай меня.

* * *

Кружится судьба.
Кружится земля.
Шорох нарушает тишину.
Белые весной,
черные зимой —
ветки ударяют по окну...
Тянется ко мне
ветреная ветка...
Лист уже в стекло поглядел...
Ах, как подросла
девочка-соседка!
Как садовник наш
поседел!

Перевод Ирэны СЕРГЕЕВОЙ.

* * *

Случись необычайное что-то —
И не поверю.
Повсюду на крышах
Снег обреченно ржавеет.
Черная ночь —
Как копирка черная, сочная,
И день наступает —
Дня предыдущего копия точная.

* * *

Деревья черны на небесном фоне,
Безмолвие черное, белое.
И
Будто у кельнера пролилось кофе,
Ворона
С липы
На снег
Слетела.

Безмолвие черное, белое.
 Из Грузии жду письма я давно.
 Остыло кофе в чашке, наверно.
 И липы играют в снежки вороньем.

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ

В кафе человечек маленький входит.
 Сидит собака за пазухой у него.
 И собака с хозяином схожа настолько —
 Будто это кенгуру продает
 Кому-то собственного детеныша
 И покупателя ищет,
 И вижу, боится все же:
 А вдруг и вправду найдется прохожий
 И даст равнодушно —
 Как раз сколько нужно.

* * *

Никому не ясно, лишь чинаре только,
 Дереву с поэтом, только им одним:
 Отчего, перебегая перекресток, —
 Женщина смеется без причины.
 Никому не ясно, облаку лишь только,
 Небу и поэту, только им одним:
 Отчего, вдруг под дождем промокнув, —
 Женщина смеется без причины.

* * *

Допустим, добился все же,
 Того, о чем так мечтал,
 Сегодня завидуют те,
 Которым завидовал сам.
 А дальше?

Перевод Юрия ММЛОРАВА.

РАССКАЗЫ

ВЕЧЕР

С полгода назад в нашем дворе сделали баскетбольную площадку. Не успели еще рабочие толком огородить ее металлической сеткой, как мальчишки принялись гонять мяч. Почему-то они все время играли в футбол, и никто даже не вспоминал о баскетболе. На баскетбольные щиты взбирались мальчишки и оттуда наблюдали за игрой взрослых.

Я не играл в футбол уже лет десять. В школе и в студенческие годы я играл изрядно, но с тех пор много воды утекло, весу прибавилось, а волос поубавилось. Теперь в футбол играет мой сынишка.

Вокруг баскетбольной площадки высятся огромные здания. У мальчишек из нашего двора множество болельщиков. Вечером после работы мужчины выходят на балконы посмотреть на игру. Иные даже умудряются судить с балкона.

Однажды, облачившись в спортивную форму, я собрался во двор. Жена сказала: этого еще не хватало, поглядим, до чего ты додумаешься завтра. Мать места себе не находила от ужаса: где это видано, чтобы отец семейства гонял мяч, что, дескать, соседи скажут. Отец крикнул вслед: смотри, как бы шею себе не свернул.

Я стоял на своем. Тогда мать посоветовала: хотя бы друзьям позвони, что ли, не станешь же ты, в самом деле, один якшаться с мальчишками, позору не оберешься.

Материнский совет пришелся мне по душе. Я бросился к телефону. Через полчаса пришли Нодар, Тенгиз и Гиви. Тенгиз на шесть лет старше нас, и на голове у него ни единого волоса. Когда Тенгиз появится на пло-

щадке, у кого повернется язык сказать что-либо о дру-
гих.

Нашими противниками были ребята восемнадцати-двадцати лет. Сначала они не приняли нас всерьез, но уже минут через десять убедились, что не тут-то было.

Появление на площадке «старичков» еще долго служило соседям пищей для пересудов. Но со временем они привыкли к нам, хотя безоговорочно приняли сторону молодых.

Через пару недель полку «старичков» прибыло: к нам примкнули соседи и друзья.

Команды комплектовались по-разному: то «женатки» против холостых, то довоенные против послевоенных, а то гурийцы против всей остальной Грузии.

Позже, когда нас стало много, мы учредили несколько команд — в каждой по четыре игрока, включая вратаря. На крохотной баскетбольной площадке иначе было не разминуться. У ребят из нашего двора была самая сильная команда, и название ей дали соответствующее: «Берегись». Ребята из соседнего двора прозвали свою команду — «Верняк». Мы нарекли себя — «Погибшие таланты», хотя противники окрестили нас «Танкистами», намекая на наш вес.

Мне и моим друзьям доставляли особую радость победы над двадцатилетними: значит, есть еще порох в пороховницах, значит, можно по-прежнему числиться в молодых.

Наискосок от баскетбольной площадки, в окне прямо напротив нас я изредка видел красивую девушку лет двадцати трех. Во всяком случае так мне казалось издали. Во двор она не выходила, да и на улице я не встречал ее ни разу. Наши матчи она не смотрела, невзначай, бывало, кинет взгляд в окно и все. Но стоило мне забить гол, как я тут же почему-то поглядывал на ее окно. Иногда, когда она появлялась на балконе, я из кожи вон лез, чтобы сыграть получше, но именно в эти минуты игра у меня не клеилась.

Однажды мы играли так долго, что едва держались на ногах. Только собрались шабашить, как во дворе откуда ни возьмись появилась та девушка. Приятная дрожь пробежала по моему телу. Сопровождаемая подругой, она подошла к площадке и остановилась возле входа. Тут же, недалеко от площадки, позади продо-

вольственного магазина, валялось множество деревянных ящиков. Ребята выбрали который получше и принесли его девушкам. Девушки удобно устроились на ящике. Время матча истекло. Мы предложили ребятам поиграть еще полчаса. Они безропотно согласились.

Появление девушек вдохновило нас, усталости как не бывало. Мы разыграли мяч и яростно ринулись в схватку.

Время от времени я бросал взгляд на «свою» девушку. Вблизи она выглядела совершенно иначе, нежели на расстоянии — более привлекательной и юной.

Мяч был у Нодара. Я пошел вперед, ожидая, что Нодар выдаст мне мяч. Но Нодар и не думал о пасе, пытаясь обвести сразу двоих. В итоге мяч у него отобрали. Мяч перехватил Тенгиз, но и он не собирался с ним расставаться. Злой, как черт, я вернулся назад, завладел мячом и на полной скорости рванулся с ним к воротам противника. Справа открылся Нодар, но я, как бы не заметив его, ударил по воротам. Я знал, что под мяч подставят ногу, но удар все же нанес. И промазал.

— Ты что, ослеп? Я же совершенно свободен! — заорал Нодар.

— А ты, ты-то почему не дал мне паса? — огрызнулся я.

Мяч вновь оказался у Нодара, но и на сей раз он не отпасовал его мне; таскал, таскал, потом ударил, но, боже, что это был за удар!

— Мазила! Нет чтобы мне отдать! — озверел я.

— А ты покричи погромче, может, и отдам! — не остался в долгу Нодар. Его взбесил не столько мой язвительный окрик, сколько собственный промах.

Тем временем ребята вколотили нам три гола кряду. Девушки азартно болели за них и аплодировали изо всех сил. Кто знает, может, они болели бы и за нас, пойдя у нас игра, но мы никак не могли забить гола, и аплодировать было нечему.

В окне показалась моя жена.

— Чего тебе? — неохотно отозвался я.

— Я тебе денег брошу, купи кило макарон.

— Ты что, не видишь, я играю?! — вконец рассвирепел я, пристыженно поглядывая в сторону девушек. Я был уверен, что они в душе смеются надо мной. Пока я разговаривал с женой, Нодар с Тенгизом тоже успели

переругаться. Так или иначе, я с грехом пополам обладал мячом, замысловатым финтом обвел противника и нанес удар издали. Удар получился потрясающий. Мяч влетел в ворота. Мужчины, свесившиеся с балконов, зааплодировали.

Я взглянул на девушек. И они хлопали в ладоши. Это окончательно вывело из себя Нодара. Ждать теперь от него паса было совершенным безумием. На сей раз он попытался было обвести троих. Я и Тенгиз, освободившись от опеки, оказались в отличной позиции, но что толку, Нодару было не до нас. В довершение всего щупленький юнец отобрал у Нодара мяч и во весь опор помчался к нашим воротам... Потерявший голову Нодар подставил ему ногу, и юнец упал как подкошенный. Чуть погодя он с трудом поднялся и, не сказав ни слова, проковылял к краю площадки. При этом он так посмотрел на Нодара, словно говорил — вот вы, оказывается, какие.

— Молодец! Здорово это у тебя получилось! — съязвил Тенгиз.

— Тоже мне дело! Это, брат, футбол, а не балет какой-нибудь, — попытался съехидничать Нодар.

В ответ на выпад Нодара ребята врезали нам еще один гол. Малыши бурно захлопали и освистали нас. Делать нечего, игра явно не ладилась, да и как могло быть иначе? Еще минут пять, и мы все бы насмерть переругались.

К счастью, в окно свесилась женщина.

— Манана! — крикнула она.

— Иду, мама! — встала, отряхивая платье, девушка.

Стоило девушкам уйти, как Нодар отдал мне пас. Я внезапно почувствовал страшную усталость. Поэтому я быстренько отделался от мяча, отпасовав его Тенгизу. Он ударил с ходу. Мяч прошел выше ворот и упал в сад.

— Я чертовски устал. Хватит! — сказал Нодар.

— Как скажешь, — согласился я, вытирая со лба пот.

— Интересно, который час. Я уже опаздываю, — сказал Тенгиз.

Я кликнул жену, брось, дескать, деньги на макароны. Потом повернулся к ребятам.

— Вы поднимитесь наверх, а я куплю макарон и боржому. Мигом обернусь.

— Нет, я лучше пойду, — отряхивая брюки, сказал Нодар. Ему явно было не по себе.

— Поднимитесь на минутку, отдохнем, попьем кофе, — не отступался я, чувствуя, что каждому из нас немножко стыдно.

Ребята не поддавались. Потом, попрощавшись, они ушли. Я купил макарон и вернулся домой. Ноги подгибались от усталости. На втором этаже я остановился передохнуть и невольно посмотрел на площадку. Ребята по-прежнему без усталости гонялись за мячом. Я отдыхал, наблюдая одновременно за их игрой. Настроение резко упало. К тому же мне было стыдно перед друзьями, как-никак — они гости.

— Ты не идешь? — открыла дверь мать.

— Иду, иду! — тихо отозвался я и зашагал вверх по лестнице.

НА МОРЕ

— Дайте мне, пожалуйста, 207-й номер, если можно! — сказал Резо администратору гостиницы.

— Но 207-й занят! — невозмутимо ответил администратор, не поднимая головы.

— Может, мы попросим постояльца перебраться в другой номер?

Измученный администратор поднял, наконец, голову и быстро взглянул на Резо. Он хотел было сказать что-то резкое, но, увидев решительное лицо молодого человека и его сверкающие глаза, осекся и промолчал.

— Да, да, может, попросим! — веско подчеркивая каждое слово, тихо повторил Резо. В его голосе звучали одновременно и просьба, и приказ, и обещание, и еще нечто таинственное, что так сбивает человека с толку.

— Трудную задачу вы мне задали! — помолчав некоторое время, сказал администратор и устался в конторскую книгу. — Боюсь, ничего у нас не выйдет.

— А вы попробуйте!

Администратор поднял телефонную трубку.

— Я подожду вас там! — спокойно, вполголоса произнес Резо. Потом, подойдя к газетному киоску в вестибюле гостиницы, купил местную газету и небрежно

развернул ее. Делая вид, что читает, он то и дело бросал взгляд в сторону администратора, следя за выражением его лица.

Закончив разговор, администратор положил трубку и посмотрел на Резо. Резо по-прежнему глядел в газету, хотя прекрасно видел, что администратор кончил говорить по телефону. Администратор замялся, не зная, звать полного таинственности молодого человека или дожждаться, пока тот подойдет сам.

Наконец Резо сложил газету и посмотрел на администратора. Словно бы только сейчас увидев, что тот закончил телефонный разговор, Резо не спеша направился к нему.

— 207-й освободится через два часа.

— Отлично. А пока я оставляю у вас портфель. У меня дела в городе, — сказал Резо, протягивая администратору кожаный портфель через барьер.

Администратор взял портфель и положил его за шкаф.

— Вот мои документы и деньги. Оформите покуда. — Резо положил на стойку деньги, паспорт и заполненную гостиничную карточку. Потом, вытащив из кармана сигарету, вышел на улицу. Он тут же пожалел, что не оставил еще и пальто, но возвращаться не хотелось, и он пошел по набережной.

Стоял теплый январский день. На небе — ни облачка. За пальмами колыхалось море, густо-синее, с черноватым отливом, как бывает обычно зимой. Гуляющие по набережной все больше были без пальто.

В олеандровой аллее Резо повстречался какой-то паренек. Резо, верно, не обратил бы на него внимания, если бы тот не вздрогнул. Долговязому, сутуловатому пареньку было лет тринадцать-четырнадцать. Его крупные темные печальные глаза показались Резо очень знакомыми.

Паренек остановился и уставился на Резо. И Резо тоже невольно замедлил шаг.

«Где бы я его мог видеть?» — подумал он и инстинктивно потянулся за сигаретой. Неторопливо закурив, он искоса поглядел на паренька.

«Где бы я его мог видеть?» — напряг память Резо.

Паренек, словно бы опомнившись, опустил голову, быстро прошел мимо Резо и бегом продолжил свой путь. Резо поглядел ему вслед. Худой позвоночник резко обозначился сквозь тонкий свитер.

Внезапно паренек оглянулся. Резо быстро отвел взгляд, как бы разглядывая цветы. Когда он поднял голову, паренька и след простыл.

Резо так и не смог припомнить, где он видел эти крупные, печальные глаза. Пожав плечами, он швырнул окурок в урну, повернулся и пошел своей дорогой. Вновь выйдя на набережную, он вдруг почувствовал спиной чей-то настойчивый взгляд. Резо стремительно обернулся. На углу улицы он увидел все того же паренька. Словно испугавшись Резо, паренек нырнул за угол и испарился.

«Кто бы мог быть этот парнишка? И почему он вздрогнул, увидев меня? И с чего бы ему следить за мной? Где я его мог видеть раньше?».

Все полтора часа, пока он бродил по городу, мысль о мальчике не оставляла его. К тому же им овладело безотчетное беспокойство: все мерещилось, что кто-то, подглядывая, ходит за ним по пятам. Спину по-прежнему жег взгляд того паренька. Иногда он останавливался и резко оглядывался, ожидая увидеть огромные печальные глаза притаившегося за кустами олеандра или магнолией паренька. Но его нигде не было видно.

«И все-таки, где я видел этого парнишку? А ведь я его действительно где-то видел, наверняка видел». Он долго простоял на набережной, не сводя глаз с горизонта. А там море и белесый туман незаметно переливались друг в друга.

Резо поглядел на часы. Пришла пора возвращаться в гостиницу.

Странное чувство овладело им, когда он переступил порог 207-го номера. Закрыв дверь, он бросил портфель на пол, а пальто повесил на спинку стула. Некоторое время Резо постоял так, переводя взгляд с кровати на стены и обратно. Здесь все было точно так же, как и два года назад: старинный шкаф с зеркалом, кровать и финский столик. Даже графин был прежний — черный керамический графин с глазурью. Из окна, если не подходить к нему вплотную, виднелось

море и только море. Казалось, что гостиница ^{стоит} посреди моря.

Резо не помнил, сколько времени простоял так, не двигаясь. Наконец он, не раздеваясь, растянулся на кровати и уставился взглядом в потолок.

Ничто не надоедает так, как море зимой. Вокруг все напоминает о лете. Вечнозеленая растительность, пальмы, магнолии, чистое небо и яркое солнце. И настроение у человека тоже летнее, но холодное море и пустынный пляж каждую минуту напоминают, что на дворе зима.

Все было точно так же, как и тогда, два года назад. И погода, словно две капли воды, походила на тогдaшнюю — безоблачное небо и яркое солнце.

Семь дней показались Резо семью веками. Ему надоело расточать официанткам банальные комплименты, и однажды вечером он решил было возвратиться в Тбилиси. Тяжелый камень словно бы спал с его сердца, он освобожденно вздохнул и стал собираться к отъезду. Неожиданно он вспомнил, что вечером зван в гости к другу. Он быстро схватил телефонную трубку. Но телефон молчал. Резо раздосадованно бросил трубку на рычажок и направился к дежурной по этажу.

В полутемном коридоре он внезапно увидел стройную женскую фигурку. Резо умерил шаг, пытаясь разглядеть лицо женщины. Она открыла дверь, и свет, хлынувший из комнаты, внезапно ярко высветил ее красоту. Женщина почувствовала настойчивый взгляд Резо, холодно смерила его взглядом и закрыла за собой дверь. Взгляд женщины показался Резо многозначительным, он даже вычитал в ее лице нечто похожее на обещание. Но щелкнул замок, и Резо остался стоять в темном коридоре. Сердце учащенно забилося. Взгляд женщины переполнил надеждой все его существо, и сладостная дрожь ожидания прошла по всему телу.

Резо по инерции подошел к дежурной по этажу.

— Что вам угодно? — спросила дежурная.

— Может, вы, наконец, почините мой телефон?! — нашелся Резо и улыбнулся, не желая, чтобы голос его звучал сердито.

— А что с ним стряслось? — довольно равнодушно спросила дежурная, неохотно поднимаясь со стула.

— Не имею понятия. Я в этом разбираюсь плохо. Может, вы с ним справитесь?

Дежурная стала возиться с аппаратом. Резо не терпелось выяснить, что за женщина живет в 207-м номере, но он молчал, не желая выказать лихорадочное возбуждение, овладевшее им.

Дежурная долго вертела аппарат в руках, а потом, передернув плечами, повернулась к Резо:

— Мастера не будет до утра, потерпите как-нибудь до завтра, — сказала она, окинув жадным взглядом апельсины, сваленные на столе.

— Не могли бы вы избавить меня от этих апельсинов? — беспечно сказал Резо. — Я их терпеть не могу, а мои знакомые все несут и несут.

— Уф, их столько, что в карманах они никак не поместятся, — заблестели глаза у дежурной. — Можно, я за сумкой схожу?

Резо задымил сигаретой, подсел к письменному столу и, напустив на себя деловой вид, схватил ручку.

Вернулась дежурная и сыпала в кошелку все апельсины.

— У меня здесь где-то еще бутылочка коньяку завалилась. Во время работы я обычно не пью. — Резо встал и, небрежно бросив на стол ручку, вытащил из шкафа коньяк.

— Большое вам спасибо, — вконец растаяла дежурная.

— Да, а вы не скажете, что за женщина живет в 207-м номере? — как бы между прочим спросил Резо.

— Она москвичка, Магдой ее зовут.

— Русская? — удивился Резо.

— Да нет, грузинка, но живет в Москве. Ее муж в автомобильной катастрофе погиб, вот она и перебралась в Москву, к родителям, года четыре назад, — подмигнула дежурная.

— А вы и шоколад прихватите с собой. Нечего ему тут портиться! — сказал Резо, словно бы и не обратив внимания на слова дежурной.

— Спасибо, сынок! — сказала дежурная, пристроив шоколад в кармашке своего белого халата.

— Очень прошу вас, предупредите коммутатор, если ко мне кто-нибудь позвонит, пусть перезвонят по вашему номеру.

Выпроводив дежурную, Резо уселся в кресло, заложил ногу на ногу и закурил.

— Вот это женщина! — громко сказал он, встал, опустил пепельницу на пол рядом с диваном и прилег на диван. Положив под голову руки, он устался в потолок.

Ей, видно, что-то около двадцати восьми. Нет, если я случайно не повстречаюсь с ней сегодня, не надо ее искать. Не то еще спугнешь, чего доброго.

Резо повернулся и, вдавив сигарету в пепельницу, лег ничком.

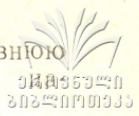
Ни свет ни заря Резо вышел в коридор и, схоронившись за кадкой с пальмой, стал дожидаться незнакомки. Увидев ее, направлявшуюся в кафе, Резо незаметно вышел из своего укрытия и как бы невзначай поздоровался с ней. Незнакомка поздоровалась в ответ и тут же спохватилась, но было уже поздно.

«На первый раз достаточно», — подумал Резо и пошел в город. В полдень они носом к носу столкнулись у газетного киоска в вестибюле гостиницы. Резо улыбнулся. Незнакомка вполношенно изобразила губами нечто похожее на улыбку. Испугавшись, как бы Резо не заговорил с ней, она попыталась было ретироваться, но Резо, опередив ее, вышел на улицу.

Вечером они встретились в кафе. Магда уже сидела за столиком и ужинала. Резо оглядел столы, словно бы случайно увидел Магду, улыбнулся ей и направился к столу напротив. Магда пила чай, изо всех сил стараясь не смотреть в зал. Она боялась встретиться взглядом с глазами Резо, в упор смотревшего на нее.

Женщина была в черном свитере, и ее длинные белые пальцы красиво смотрелись на его фоне.

На следующий день Резо пошел завтракать в город и не возвращался в гостиницу до самого вечера. «Так будет лучше, пусть не думает, что я хожу за ней по пятам», — решил он. Когда приспела пора ужина, Резо, подумав, что пролог слишком уж затянулся, вновь схоронился в вестибюле. Магда вошла в кафе. Ровно через пять минут Резо отворил стеклянную дверь, ведущую в небольшой уютный зал, и вновь оглядел столы. Увидев

Магду, он широко улыбнулся, словно встретил давнюю знакомую, потом уважительно кивнул и немелко правился к ее столику.

— Разрешите поужинать вместе с вами? — выдвигая стул, спросил он у Магды.

— Вы, как я погляжу, не очень-то и ждете моего согласия! — иронически улыбнулась Магда.

Резо опешил.

— Я могу поставить стул на место! — запинаясь проговорил он.

— Отчего же? Не стоит труда. Попробуем поужинать вместе. Впрочем, предупреждаю вас, не воображайте, что это меня к чему-то обяжет! — холодно отчеканила женщина и посмотрела Резо прямо в глаза.

Чего только нельзя было увидеть в ее глазах — грусть, жесткую иронию, утраченную надежду, горький слух.

Резо сел, но настроение у него вконец испортилось. Женщина одной фразой разрушила все его заранее и тысячу раз продуманные планы.

— Не думал, признаться, что вы мне скажете такое, не то я бы наверняка не осмелился подойти к вам, — немного помолчав, сказал Резо, потом неторопливо достал из кармана сигареты, закурил и положил коробку на стол.

— Может быть, это прозвучит для вас несколько театрально, но жизнь приучила меня к подобным разговорам.

— Разрешите закурить? — запоздало спохватился Резо.

— Ради бога, — негромко засмеялась Магда.

Ее смех, пусть даже ироничный, несколько подбодрил Резо.

— В Париже все это выглядело бы обычным! — осторожно нашаривал обходной путь через Францию Резо.

— Не знаю, как было бы в Париже... — начала было Магда и потянулась к коробке за сигаретой.

— Прошу прощения. Мне даже в голову не пришло предложить вам сигарету! — засуетился Резо, зажигая спичку.

Магда глубоко затянулась, проводила дым глазами и закончила оборванную фразу:

— Не знаю, как было бы в Париже, но одно я знаю твердо: даже ничего не значащая улыбка придает мужчине дерзости.

ЖЕНЩИНЫ
202301033

Настроение у Резо снова испортилось. Расстояние между ними, которое сократил было давешний смех, вновь увеличилось. Увеличилось неизмеримо.

Тягостное молчание прервал приход официанта.

— Я, кажется, испортила вам настроение? — с улыбкой спросила Магда, когда официант удалился.

— Что вы, наоборот! — растерялся Резо и тут же обозлился на себя: с чего это я заикаться стал.

— Вы тут зачем? — спросила Магда, и Резо сразу оказался в своей стихии.

— В отпуске я. Пописываю кое-что.

— Ах, вы к тому же и писатель! — сказала Магда, вдавив сигарету в пепельницу.

— Да! — покраснел Резо, тщетно пытаюсь угадать, не сквозила ли в ее голосе ирония.

— А как ваша фамилия?

Резо назвал, тут же добавив:

— Моя фамилия ничего не говорит вам, не так ли?

— Это вовсе ничего не значит. Я живу в Москве и плохо знаю молодых грузинских писателей.

— Не сказал бы, что я так уже и молод. Во всяком случае, я давно вышел из того возраста, когда любое упоминание критиком твоего имени или даже хула в твой адрес доставляют удовольствие.

Магда улыбнулась, и Резо с радостью отметил, что расстояние между ними вновь сократилось.

— Магда! — сказал Резо.

— Ого, вы даже знаете мое имя?!

— Д-да! — растерялся Резо, оказавшись в ловушке.

— Вы, верно, знаете и то, что я вдова.

— Да!

— Приятно убедиться в вашей честности! — Магда вновь потянулась к коробке.

Официант принес кофе, пирожные и апельсины.

Резо чувствовал, что плохо владеет собой. Какая-то непонятная сила подталкивала его к откровенности. Он попытался было побороть искушение, но слова признания уже подступили к языку, и он был не в силах совладать с ними.

— Магда, вы очень красивая! — неожиданно брякнул он.

Магда ничего не ответила. Глаза ее уставились в одну точку, а рука с пирожным застыла в воздухе.

— Вы очень красивая, — тихо повторила она слова Резо, а потом, как бы придя в себя, отпила кофе и добавила: — Это вы красивый, Резо, очень красивый. Искренний и хороший. Я это почувствовала, но вы будете гораздо лучше, если не станете говорить ничего больше. Я настоятельно прошу вас об этом.

— Ты мне нравишься, очень нравишься, Магда! Магда засмеялась.

Резо проснулся поздно. Посмотрев на часы, он поразился. Оказывается, он проспал целых двенадцать часов кряду. Почувствовав острый голод, Резо вскочил с постели. Комната была пронизана солнечными лучами. Как и вчера, стояла безоблачная погода. Резо распахнул дверь, ведущую на балкон, ожидая, что в комнату ворвется теплый воздух. Но холодная струя полоснула его по лицу и голой груди. Резо немедленно захлопнул дверь.

Быстро одевшись, он вновь распахнул балконную дверь. Потом сбежал по лестнице и направился в ресторан через улицу от гостиницы.

Огромный зал был пуст. Резо выбрал столик у окна. Пожилая официантка, узнав его, с улыбкой направилась к нему.

— Что-то ты к нам зимой зачастил! — еще не дойдя до столика, начала она.

— Да. Я приезжаю сюда работать, — ответил Резо, пытаясь вспомнить, как ее зовут.

Официантка облокотилась на спинку стула напротив, выставив полуобнаженную грудь. Резо никак не мог вспомнить ее имени. А вот то, что он за ней приударял, вспомнил. Женщина похохатывала, бывало, над неуклюжими комплиментами Резо и чуть ли не вдвое обсчитывала его. Резо стало неловко. Теперь эта женщина показалась ему безнадежно старой. Тщетно пытаясь скрыть морщины на лице, она обильно употребляла косметику. Породистая ее грудь была обнажена больше прежнего.

— Этот столик обслуживает Алла. Она сейчас придет.

Резо так и не вспомнил, как ее зовут.

— Вы приехали без жены? Какая у вас замечательная супруга! — При воспоминании о Магде официантка невольно перешла на «вы» и в знак одобрения почмокала губами.

— Она не жена мне! — с горечью произнес Резо.

— Разве она была не жена? А я-то думала, что она твоя супруга! — Потрясенная открытием, официантка выпрямилась, отодвинула стул и села. — Я даже представить себе не могла, что она не твоя жена. Ах, какая красивая женщина. И какие у нее были глаза, какие ноги! Неужели она и вправду не твоя жена?

Резо засмеялся.

Подошла Алла. Она тоже узнала Резо и широко ему улыбнулась. Резо заказал завтрак.

— Я была убеждена, что она твоя жена. Боже мой, какие у нее были глаза! — снова сказала официантка, как только Алла отошла.

— Магда моя родственница! — В голосе Резо слышались неуверенные нотки. «Так как же зовут официантку?»

— Да, да, ее ведь звали Магдой. Боже мой, какие у нее были глаза. Я была уверена, что она твоя жена. Вы так подходили друг другу. Мне кажется, она была чуть постарше тебя, не так ли?

— Напротив, она моложе меня на год.

— Неужели? Боже, какие у нее были глаза!

Внезапно Резо напрягся. В углу зала стоял долговязый, худой сутуловатый подросток и, тараща большие печальные глаза, искал кого-то.

Официантка уловила смену выражения глаз Резо и невольно последовала за их взглядом.

— Да это же мой мальчик, Гиви, неужели ты не узнал его? — обрадовалась женщина.

— Узнал, как же, — кивнул головой Резо и, почувствовав облегчение, свободно вздохнул.

«Боже мой, какой я дурень», — успокоенно подумал он и вновь посмотрел на паренька.

Парнишка наконец увидел и мать, и Резо. Официантка встала и направилась к сыну.

79135920
30110333

Алла принесла завтрак. Вполглаза посматривая па мать с сыном, Резо неторопливо ел. Паренек был чем-то раздосадован и упрямо качал головой. Мать показыва глазами на столик, садись, мол, там. Но паренек снова мотнул головой и ушел.

— Ну и катись к черту! — отчетливо услышал Резо. Поперхнувшись, он поспешно отпил кофе.

«Нина», — неожиданно вспомнил он имя официантки.

Резо от счастья парил в небе. Еще бы, Магда согласилась пойти с ним на концерт и надела шикарное платье с глубоким вырезом на спине. Резо даже не поинтересовался, какой же сегодня был концерт. Он то и дело восторженно глядел на Магду. Магда всем существом ощущала восторженный взгляд юноши, и довольная улыбка время от времени пробегала по ее губам. Но временами она хмурилась и недовольно грозила Резо указательным пальцем правой руки, не смотри на меня, мол. Но Резо все равно смотрел на нее во все глаза, чувствуя, что Магде приятен его настойчивый взгляд.

После окончания концерта, помогая Магде надеть пальто, Резо невольно коснулся рукой ее голой спины. Магда вздрогнула и передернула плечами. Резо, почувствовав дрожь, пробежавшую по ее телу, напрягся. Магда, быстро опомнившись, застегнула пуговицы пальто и направилась к выходу. Резо покорно последовал за ней. Они шли молча, боясь нарушить воцарившуюся тишину.

До гостиницы было всего десять минут ходьбы. Резо, казалось, хотел что-то сказать, но никак не осмеливался. Магда вся была в ожидании того, что скажет ей юноша. А дорога была безбожно коротка и вот-вот должна была подойти к концу.

Из ресторана гостиницы доносился непривычный для зимнего времени гам. Утром на теплоходе прибыли немецкие туристы.

— Может, зайдём в ресторан? — наконец осмелел Резо.

— А почему бы и нет! — с радостью согласилась Магда.

Дверь из гостиницы в ресторан оказалась запертой, и им снова пришлось выйти на улицу, чтобы попасть в ресторан через центральный вход.

— Вход запрещен! — преградил им путь швейцар.

— Не понимай! — тут же отозвался Резо.

— Мы — туристы! — по-немецки пояснила Магда.

— Пардон, мадам! — почему-то по-французски извинился швейцар, принимая у них пальто.

— Вот не думал, не гадал, что ты изъясняешься по-немецки! — обратился к Магде Резо, когда они вошли в зал.

— Сказать по правде, я когда-то знала его, и притом изрядно, мой дорогой! — сказала Магда, оглядывая зал. — Я что-то не вижу свободного столика.

— Посмотри туда, видишь, за столиком возле оркестра сидит один мужчина.

Они направились к свободному столику.

— Вы позволите? — по-немецки обратилась Магда к симпатичному белобрысому молодому человеку.

— С удовольствием! — улыбнулся тот.

Они сели. Воцарилась тишина. Официант явно запаздывал. Немец попивал кофе. По всему было видно, что он был не прочь поговорить.

— Отличный кофе! — наконец изрек он, допив кофе и поставив чашку на середину стола.

— Вы правы, местные жители всегда варят отличный кофе!

— Как, так вы не местные?

— Нет, я из Тбилиси.

— Что он сказал? — спросил Резо.

— Хвалит кофе.

— Но почему ты произнесла «Тбилиси?»

Магда засмеялась.

— А вы откуда приехали? — повернулась она к немцу.

— Из Мюнхена!

— Откуда он? — спросил Резо.

— Из Мюнхена!

Подошел официант.

— Магда, скажи ему, что мы просим его быть сегодня нашим гостем.

Немец с благодарностью раскланялся.

— Спроси, что он будет пить — шампанское или коньяк?

— Шампаньер, шампаньер, — угадал немец.

Резо заказал две бутылки шампанского, кофе и шоколад. Потом, достав из кармана сигареты, протянул их немцу.

Немец кивком поблагодарил его и в свою очередь протянул сигареты сначала Магде, а потом Резо, что-то сказав при этом.

— Что он сказал? — переспросил Магду Резо.

— Он предлагает нам свои сигареты.

Официант принес шампанского, кофе и шоколаду. Резо ловко откупорил бутылку и разлил шампанское по бокалам.

— Переведи ему, пусть он здоровствует, — попросил Магду Резо, чокнувшись с немцем.

Немец что-то сказал и выпил.

— О чем это он? — спросил Резо.

— Говорит, что был в плохом настроении сегодня вечером — проиграл товарищу пари в тире. Вообще-то, говорит, я стреляю неплохо, но сегодня не повезло. Очень, мол, рад, что встретил вас.

Резо снова разлил шампанское по бокалам.

— Ауф дас воль ирер фрау! — провозгласил немец, чокаясь с Резо.

Словно угадав недовольство Резо, немец улыбнулся и снова чокнулся с ним.

Магда вздрогнула, кровь прилила к ее лицу. Видно, немец принял ее за жену Резо. От Резо не укрылось Магдино смущение.

— Что он сказал такого? — спросил Резо.

— Ничего. Просто выпил за мое здоровье.

— Будь счастлива, Магда! — Резо опорожнил свой бокал.

Оркестр стал играть какую-то мексиканскую мелодию, и тучная певица запела по-испански.

— Не оберешься позору, если наш гость кумекает по-испански! — пробормотал Резо. Потом повернулся к Магде: — Скажи ему, чтобы он не судил о грузинской культуре по этому оркестру.

Магда перевела. Немец засмеялся.

— Да и у нас в ресторанах играют не лучшие оркестры.

Резо опять разлил по бокалам шампанское.

— Выпьем за здоровье нашего гостя.

— Благодарю, благодарю! — догадался немец.

— Вы, наверное, играете, как и все немцы? — спросила Магда.

— О, нет. Когда я был в том возрасте, в котором учатся музыке, вся Германия играла на автоматах.

Мексиканскую мелодию сменил твист.

— Я был в одной семье, здесь, в Батуми, — начал со смехом немец. — И пользовался успехом, как иностранец, особенно среди молодежи. Но стоило им узнать, что я не танцую твист, цена мне упала до минимума. Иностранец, не танцующий твист, — это было уже слишком.

Магда рассмеялась.

— О чем он? — спросил Резо.

Магда перевела. Резо захохотал и принялся откупоривать вторую бутылку.

— Этим бокалом выпьем за немецких композиторов: да здравствуют Бетховен, Моцарт, Вагнер, Шуберт, Штраус...

— И австрийцы туда же? — улыбнулась Магда.

— А что, разве австрийцы не те же немцы?

Немец с любопытством переводил взгляд с Резо на Магду.

Магда перевела и взяла сигарету.

— Нет, австрийцы не немцы! — сказал немец, предупредительно чиркнув спичкой.

— Спасибо! — сказала Магда.

Немец погасил спичку и бросил ее в пепельницу.

— А какая между ними разница? — спросил Резо.

— Австрийцы всегда выигрывали войны, а немцы всегда проигрывали.

— Почему ты не пьешь? — спросил Резо.

— Больше не могу.

— Выпей ради меня, пожалуйста.

Магда улыбнулась и отпила вина.

— Наверное, у них старые счеты с австрийцами? — спросил Резо.

— С австрийцами нам делить нечего, — улыбнулся немец и закурил. — А вот англичане совсем другое дело. Англичане всегда были беспристрастны к нам.

— Но почему же?

— Не знаю, может, потому, что войну-то они выиграли, а вот хозяйства так и не наладили. А мы, наоборот, войну проиграли, но хозяйство устроили гораздо лучше.

Туристы стали расходиться. Немец выпил еще один бокал и любезно распрощался с сотрапезниками.

Ресторан сразу опустел, и Магда поехала.

— Пойдем, Резо,

В ответ Резо выпил шампанского и налил еще.

— Хватит пить, Резо. Пойдем уже.

— Магда!

— Резо, я догадываюсь, что ты хочешь сказать, но, прошу тебя, не говори ничего.

— Я люблю тебя, Магда.

— Не говори глупостей, пожалуйста. Пойдем уже!

— Это не глупости. Я люблю тебя, Магда!

— Если ты не встанешь, я уйду сама! — Магда встала.

Резо мгновенно отрезвел.

— Прошу прощения. Пойдем, Магда.

Швейцар предупредительно подал им пальто.

— Хочешь, погуляем немного? — предложила Магда.

Резо кивнул.

Они пошли по набережной. Оба молчали.

Была тихая, лунная ночь. В порту стоял огромный расsvеченный теплоход. Тишину нарушала лишь музыка, лившаяся из теплоходовских репродукторов. Потом музыка сразу смолкла. И стали отчетливо слышны плеск волн и шорох гальки.

— Резо! — повернулась к нему Магда. — Я пойду. Не хочу, чтобы в гостинице видели, что мы были вместе. Ты возвращайся попозже. Завтра я весь день буду занята, как, впрочем, и послезавтра.

— Магда!

— Ничего не говори больше, Резо, умоляю тебя. Я знаю, что ты мне хочешь сказать. И не желаю, чтобы ты все испортил, понимаешь, не желаю.

Магда ушла.

Ошеломленный Резо долго стоял не двигаясь. Наконец он решил вновь вернуться в ресторан, но дверь оказалась запертой. Махнув рукой, он побрел в гостиницу.

Магда услышала звук его шагов и прильнула к двери.

«А вдруг он постучится, вдруг постучится» — утешенно билось Магдино сердце. Она вовсе не была убеждена в том, что не откроет, если Резо постучится.

Резо замедлил шаг и остановился. Потом расстроено прижался к двери лбом. Магда отчетливо слышала оглушительный стук своего сердца. И даже не на шутку испугалась, как бы не услышал Резо. Между ними была лишь дверь толщиной в десять сантиметров. Лишь десять сантиметров отделяли их друг от друга.

Магда не помнила, сколько простояла так. Наконец она вздохнула с облегчением — Резо ушел.

Почти успокоившись, Магда легла в постель, но сон к ней не шел. Комнату освещал яркий электрический свет, бьющий из порта. Магда курила сигарету за сигаретой, тупо уставясь в потолок.

«Так что же все-таки случилось со мной?» — думала она.

Магда поняла, что жесткий тон и ирония, которыми она пыталась оградить себя после гибели мужа, были насквозь фальшивы и беспочвенны. Молодое тело жаждало тепла. Резо одним махом сокрушил ее стойкость. Она была покорена красотой юноши, его глазами, полными доброты, его искренностью, правда, Магда не верила, что Резо любит ее. Да и сама мысль об этом казалась ей смехотворной. Но в одном она была убеждена твердо: в эту минуту Резо действительно верил в свою любовь.

Пепельница переполнилась окурками. Сигарет больше не осталось. Магда посмотрела на часы. Шел четвертый час.

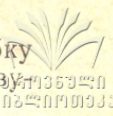
«Как быстро летит время!» — подумала Магда, поворачиваясь лицом к стене и пытаясь уснуть.

Вдруг зазвонил телефон. Магда вскочила в мгновение ока, схватила трубку и тут поняла, что выдала себя.

— Магда, — раздалось в трубке.

Магда молчала.

— Ответь мне, Магда, слышишь? Я знаю, что ты не спишь, не можешь спать. Ответь мне, слышишь? Ответь, не то я сойду с ума!

Магда отрешенно молчала. Телефонную трубку она положила на постель, но голос Резо отчетливо звучал в тишине.

— Я ведь знаю, что ты не спишь. Позови меня, и я приду, только позови. Я ведь знаю, что ты хочешь быть со мной, позови, и я приду к тебе...

Магда осторожно положила трубку на рычажок. Телефон зазвонил снова. Магда накрыла аппарат подушкой. Но приглушенный звонок телефона слышался еще долго. Наконец затих и этот звук. Магда вновь осталась одна...

Резо проснулся на заре. Быстро одевшись, он бросился к Магдиному номеру. Но Магды нигде не было. Лишь уборщица сонно убирала номер.

— Где Магда? — спросил Резо, обмирая.

— Уже два часа будет, как она сдала номер и уехала в аэропорт.

Резо опрометью скатился по лестнице. Поймав такси, он во весь дух помчался в аэропорт. Двадцать минут пути показались ему целой вечностью. Наконец вдали показалось здание аэропорта. Не дав машине толком остановиться, Резо выскочил из нее и как сумасшедший влетел в зал ожидания. Но увидев Магду, сидящую в кресле, он мигом успокоился. Прислонившись спиной к стене, Резо закрыл глаза и нашарил в кармане сигареты. Потом вышел на стоянку, расплатился с таксистом, закурил и невозмутимо направился в зал ожидания.

Магда побледнела и медленно поднялась с кресла. Она решила твердо стоять на своем и резко отчитать юношу. Но увидев воспаленные глаза Резо и его дрожащий подбородок, Магда растерялась, и голос ее дрогнул.

— Резо, оставь меня в покое, умоляю тебя, оставь меня, пожалуйста!

— Ты никуда не уедешь, Магда. Ты должна остаться тут.

— Я не смогу остаться, Резо. Пойми, это невозможно. У меня семилетний сын, Резо, и я не могу изменить ему, слышишь! Оставь меня в покое, если ты и вправду любишь меня. Я не могу остаться, не могу...

Магда осталась.

Теперь Резо жалел, что снова приехал в этот город. Ему было нестерпимо стыдно своего ребячливого порыва. И надо же, подобно героям старинных романов, ему ну просто позарез было необходимо остановиться в том самом номере, в котором некогда жила Магда. На сей раз комната эта оказалась ему какой-то узкой и смешной. Потрескавшийся потолок неприятно подглядывал за ним сверху.

Закурив, он прилег на кровать. Душа не лежала к работе. А на улице уже стемнело. Может, пойти прогуляться, подумал Резо, но вставать было лень. Он развернул газету, однако и чтение не увлекло его. Отшвырнув газету подальше, Резо уткнулся лицом в подушку.

Зазвонил телефон. Резо подтащил столик поближе к кровати и снял трубку. Звонил Дуде, его местный приятель. Забегу через час, сообщил он, будь в полной готовности.

— Через час, — повторил Резо, положил трубку и натянул одеяло.

Когда явился Дуде, Резо спал. Дуде шумно распахнул оставленную незапертой дверь и включил свет.

— Да ты никак спишь?

Резо нехотя открыл глаза и, потянувшись, приподнялся.

— А ну, быстренько собирайся, народ ждет! — Чувствовалось, что Дуде был порядком на взводе.

Резо, понимая, что увернуться не удастся, хмуро стал натягивать одежду.

— Быстрее, быстрее! — подгонял его Дуде. А сам подошел к телефону и чертыхаясь принялся куда-то названивать. Потом, так и не дозвонившись, в сердцах швырнул трубку. — Тоже мне телефон, черт бы его подрал!

Резо посмотрелся в зеркало и провел ладонью по щеке.

— Не вздумай только бриться. Этого еще не хватало! — взревел Дуде.

За столом сидела пьяная публика. Резо уже успел пожалеть, что дал себя уговорить.

— Познакомьтесь, мой тбилисский друг — писатель Резо Диасамидзе! — церемонно представил его Дуде.

Резо понял, что его профессия не произвела гостей никакого впечатления.

На столе были навалены куры, шашлык, рыба, сыр, соленья и зелень. Сотрапезники были пожилыми людьми. От выпивки глаза их помутнели и налились кровью. Некоторые развязали галстуки, обнажив волосатую грудь. Рядом со столом стояла целая батарея пустых бутылок. Скатерть была вся в вине и подливке.

— Четыре стакана этому писателю! — приказал тамада, разрывая твердыми пальцами курицу.

Резо узнал тамаду — директора ресторана.

В ресторане не осталось никого, кроме них. Для посторонних дверь была заперта.

Резо всучили четыре полных стакана. Никто его не слушал и, пробормотав: — За все тосты, выпитые до моего прихода, — Резо один за другим выдул все четыре стакана. Ему хотелось побыстрее опьянеть, чтобы не видеть эти жирные сытые рожи, от которых на душе делалось мучительно.

— К вашему сведению, все расходы, связанные с нашей пирушкой, я беру на себя! — подбоченился пузатый коротышка, хлопнув себя по брюху левой рукой, а правой вытащил из кармана солидную пачку ассигнаций.

— А ну спрячь свои денежки, да подальше! — с издевкой прокричал кто-то.

Коротышка скомкал несколько десятков и швырнул их музыкантам. Только сейчас Резо заметил, что за столом сидело несколько ребят с гитарами наперевес.

— «Страну цветов» сыграйте, да побыстрому... — закуражился было коротышка, но тамада прервал его.

— Выпьем за вновь прибывших. Наш гость — писатель. Что может быть лучше писателя, человека, несущего с собой культуру и просвещение.

— Это который — писатель? — спросил коротышка. Он только теперь увидел Резо и тут же протянул ему руку. — Здравствуйте, молодой человек. Жора Миндиашвили. — Он ухватил Резо за руку, потом обнял и полез целоваться к нему своими мокрыми губами. Резо едва оторвал его от себя.

— Да здравствуют вновь прибывшие! — заорал коротышка благим матом, схватил стакан и пролил вино себе на брюки.

Кто-то посыпал солью его мокрые брюки.

— А ну, налей! — заупрямился Миндиашвили.

— Помолчи, Жора, дай слово вымолвить! — осерчал тамада.

— Налейте, говорю я вам, дайте выпить за здоровье вновь прибывших.

— Будь здоров, сынок. Дадут мне здесь спокойно выпить? — нахмурился тамада и едва не проглотил вино вместе со стаканом.

— Куда ты меня привел? — шепнул Резо Дуде.

— Ха, кабы я повел тебя к местным писателям, они бы тебя в кофе утопили. А эти люди — сильные мира сего. Нина, Нина! — неожиданно окликнул он официантку.

Нина подошла и поздоровалась с Резо.

— Ах, ты уже знаком с Ниной?! Впрочем, кто ее не знает, она ведь добрая фея всего нашего поколения. Погляди, какая у нее породистая грудь! Но, цыц! Ниночка — пассия директора нашего ресторана. Не так ли, Ниночка? — Дуде повернулся к официантке и ущипнул ее за ляжку. — Вах, не пристало тебе стареть, бедняжечка!

Нина захихикала.

Жора Миндиашвили дремал стоя, но заслышав хихиканье Нины, он вдруг встрепенулся и схватил Нину за полную руку.

— Жора, не мешай нашему пиршеству! — рассвирепел тамада и дал Нине знак, чтобы она убиралась прочь.

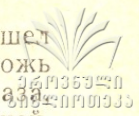
Нина попыталась было уйти, но Жора не отпустил ее.

— Внимание! Я предлагаю тост за потрясающую грудь нашей Нины!

— Чтоб ты лопнул, пузан несчастный! — прошипел тамада. Он явно ревновал Нину.

В это время раздался какой-то страшный звук. Могло показаться, что изо всех окон разом повывлетали стекла.

За столом воцарилась гробовая тишина. Директор сорвался со своего места и пулей вылетел на улицу.

За ним последовали и остальные. Позже всех вышел на улицу Резо. Холод мигом отрезвил его, и дрожь прошла по телу. Первое, что сразу бросилось в глаза, была «Волга» с побитыми стеклами и помятой дверцей. Директор, разинув рот и выпучив глаза, смотрел на свою машину.

— Не удалось поймать мерзавца! — подбежал к нему запыхавшийся сторож.

— Кто это был? — процедил сквозь зубы директор.

— Нинин сынок. Утащил целый ящик пустых бутылок, а потом побил стекла.

Нина с размаху хлопнула себя по щеке.

Директор громко выругался и протянул ключи от машины своему сотруднику, велев ему отвезти машину в профилакторий.

Потом повернулся к сотрапезникам.

— Ничего страшного. Подумаешь, еще не такое бывает. Не стоит из-за этого расходиться. Вернемся в ресторан.

Резо заметил, что у директора от ярости тряслась нижняя челюсть. Нина стояла в сторонке и рыдала навзрыд.

Резо отыскал свое пальто и ушел, ни с кем не попрощавшись.

Не успев еще как следует проснуться, Резо пошарил рукой возле кровати. Ночью от откупорил бутылку боржома и теперь искал ее. Весь газ успел выйти, и Резо, едва пригубив тепловатую жидкость, выплюнул ее.

«Грош цена боржому, если весь газ вышел», — заключил Резо и присел на кровати.

Голова горела. Он смутно припоминал события минувшей ночи. Перед глазами встала изуродованная «Волга» и пугливая тень мальчишки, летевшая к набережной.

Резо умылся, быстро оделся и вышел на улицу. Погода была неприветливой. Дул свежак. Солнце все еще сияло, но по небу, свинцово отсвечивая, уже неслась к западу тяжелая гряда облаков. Резо пошел по набережной. Заходить в ресторан не хотелось. «Позавтракаю в первом встречном кафе», — решил он.

Внезапно им овладело странное чувство, уже испытанное в первый день приезда. Кто-то исподтишка ходил за ним по пятам и подглядывал. Резо стремительно обернулся, ожидая увидеть печальные, потемневшие глаза высокого сутуловатого подростка. Но никого не оказалось. Резо нащупал в кармане сигареты и уселся на длинную скамейку.

А в памяти, словно тяжелый кошмар, всплывало, как сытые кутилы с испитыми лицами нанесли оскорбление болезненному самолюбию подростка. Нет, не только те жирные скоты, но и он тоже, он, Резо Диасамидзе.

Резо пытался отогнать от себя напряженные мысли. Он чувствовал, как в его душе зреет нечто ужасное. И он не желал, чтобы это нечто приняло зримые очертания. Но остановить мутную волну, накрывшую его с головой, он был уже не в силах. Внезапно он попытался представить себе лицо Магдиного мальчугана, которого он, наверное, никогда не увидит.

Подул порывистый ветер. Сразу стемнело, словно упало напряжение в электросети. Резо посмотрел на небо. Огромные облака настигли солнце.

Внезапно Резо решил возвратиться в Тбилиси. Отбросив сигарету, он встал. Острое желание ехать в Тбилиси овладело им сразу, и он почувствовал облегчение. Успею позавтракать в аэропорту, — подумал он, направляясь к гостинице. Он шел так, словно убегал от кого-то, стремясь побыстрее уйти от погони. Единственная мысль буравила теперь мозг Резо: скорее, скорее в аэропорт, улететь, во что бы то ни стало улететь в Тбилиси. Первым же самолетом...

СНЕГ

В полночь Никифоре отдал богу душу. Перед смертью он что-то пробормотал, попытался даже поднять руку, желая сказать нечто важное жене, лежавшей рядом, но не смог и сразу застыл.

Только закричали петухи, Марта проснулась, перевернулась на бок и задела рукой стылое тело Никифоре. Он показался ей необычно холодным. Марта приложила ладонь ко лбу Никифоре.

333333
333333

— Помер, несчастный, — вздохнула женщина и перекрестилась.

Двенадцать лет назад в дождливый день, когда Никифоре работал в лощине, его настиг поднявшийся Риони. На пригорок-то он взобрался, однако это ему не помогло — с вечера и до самой зари пришлось простоять по горло в воде. Утром вода спала, и Никифоре кое-как выбрался на сушу.

Дома его ждала горячая еда. Никифоре прилег на тахту, поясницу ломит, пояснил он жене, не до еды, мол, и заснул как убитый. С той поры он уже не вставал. Чем только его ни пичкали, чего только ни делали, куда только ни возили, даже знахарства не чурались, но мужчина, полный сил, так и остался лежать навсегда прикованным к постели.

Никифоре был человеком самых строгих правил, и жена не смела его послушаться. Даже прикованный к постели он еще долго верховодил в доме, но постепенно Марта перестала перед ним тушеваться, а со временем и вовсе ни в грош не ставила его наставлений. Никифоре понял, что его песенка спета и он превратился в обузу для своей семьи. День и ночь лежал он, уставясь в потолок, и молчал...

Марта встала, натянула платье и прикрыла дверь. Холод налетел на нее, как человек. Снежило. Вот уже вторую неделю снег сыпал не переставая. Распожиться и не думало. Марта захлопнула дверь и подошла к очагу. Она разгребла золу, нашаривая угольки. Вскоре в очаге затрещало пламя. Над огнем Марта подвесила небольшой котелок с водой — обмыть корове гымя. С притолоки достала лампадку и запалила фитиль. Поставив лампадку у окна, Марта накинула на плечи теплый платок и вышла во двор. Там она взяла широкую деревянную лопату, прислоненную к стене, и принялась прокладывать тропинку сначала к хлеву, а затем уже к амбару и кухне.

Светало, когда Марта вернулась в дом. Вода в котелке согрелась. Перелив воду в подойник, Марта отправилась доить корову. Потом снова вернулась в дом, отнесла молоко в другую комнату, поставила его на стол и приостановилась на минутку.

— Что мне теперь делать? — вслух спросила она себя.

И, вновь возвратясь в большую комнату, подошла к постели. Глаза и рот у Никифоре остались открытыми. Как ни старалась Марта, но так и не смогла закрыть ему глаза. Потом, подвязав челюсть покойника пестрым платком, она накрыла его одеялом и поднялась наверх, в оду. Оттуда она снесла вниз новую простыню, подушку и одеяло, с трудом сдвинула в сторону мужа и переменяла постельное белье. Управившись с постелью, она опять вышла в маленькую комнату, взяла веник и принялась убирать в зале.

Потом пошла в амбар.

«Одной меры муки будет в самый раз», — подумала Марта и сдвинула в сторону плетенку с мукой. Спрятав в боковушку мешок с грецкими орехами и бадью с сыром, она набросала сверху досок и пустых корзин.

Но затем передумала, убрала корзины и доски, вытащила обратно мешок с орехами, взвалила его на спину и понесла в дом. Там она подсунула мешок под тахту, на которой покоился усонший.

«Коли не сделать все загодя, наши женщины все растащат вчистую», — думала она при этом.

Потом опять поднялась наверх, откинула крышку старинного сундука и вытащила из него деньги, завернутые в красную косынку. Часть из них она спрятала на груди, а оставшиеся вновь завернула в косынку и убрала в сундук. Затем, захлопнув крышку, закрыла сундук на ключ и повесила ключ себе на грудь. Осмотрев комнаты, она стерла пыль с комода и возвратилась вниз.

Уже совсем рассвело.

Марта растрепала волосы, и ее голос, словно колокольный звон, нарушил умиротворенность деревни.

— Горе мне, горе мне, на кого ты покинул меня, Никифоре-ее-е...

— Никифоре преставился! — переходило из уст в уста.

— Боже упаси нас, да минует нас беда! — кристились старухи...

Вскоре во дворе Никифоре появились женщины с распущенными волосами. Они вбежали, словно куры, преследуемые ястребом, бия себя в голову руками.

— Поги-и-бла я, поги-и-бла я, соседушки! — прерывистым воплем встретила их Марта.

— Уй, уй, уй! — голосили женщины.

— Что теперь со мной будет, что будет! — вопила Марта, и женщины хором вторили ее воплю: — Уй, уй, уй, несчастный Никифоре-ее-е!

Мужчины молча входили в дом. Иные даже откинули одеяло и с горечью оглядели скрюченного Никифоре с открытыми глазами и подвязанной челюстью.

— Как же он истаял, бедняга, а ведь какой был лев! — сокрушались они. Некоторые не видели Никифоре добрых семь-восемь лет и помнили того, прежнего Никифоре.

Женщины выплакали все слезы, а Марта все голосила.

— Поплакала и хватит, милая, побереги себя малость, не сойдешь же ты за ним в могилу, — пытались урезонить Марту женщины.

— И зачем мне теперь жизнь! — не унималась Марта. — Вай, мой бедный, болезный муженек!

— Смерть была для несчастного благом, — произнес кто-то.

— Знаю, дорогая моя Агати, знаю, но все легче, когда мужчина в доме находится! — отозвалась с плачем Марта.

От группы мужчин отделился седой, как лунь, старик и подошел к Марте.

— Ты сильная женщина; Марта. Сколько лет ты была в доме и мужчиной и женщиной! Успокойся теперь, покойнику почести надо отдать, дел невпроворот, и обо всем нужно договориться, не откладывая в долгий ящик.

— На вас вся надежда, дорогой Лазаре! Почему не умерла я, несчастная! — плача начала было Марта, но последующие слова произнесла будничным тоном:

— Надо бы сыну сообщить в Тбилиси, чтобы он рыбы привез и рису.

Мужчины сели к столу и принялись обсуждать дела.

В день похорон Никифоре народ стал стекаться с самого утра. Группки следующих на панихиду женщин и мужчин в черном возникали то в одном, то в другом

конце улицы, выбеленной снегом. Подойдя к дому, женщины выступали вперед, распускали волосы и с истошным криком входили в калитку. Стоило раздаться очередному крику вновь прибывших, как причитания женщин, сидевших вокруг покойника, вспыхивали с новой силой.

У входа в дом стоял сын Никифоре — Варлам. Он приехал утром, без жены и детей. В такой снег да в ненастье, мол, того и гляди, как бы в пути не застрять ненароком.

Прибывшие на похороны сначала пожимали руку Варламу, а затем входили в комнату. Женщины оставались там, а мужчины вновь выходили во двор.

— Когда он скончался, бедняга? — спрашивали пришельцы.

— В понедельник утром. Прямо во сне и умер.

— Зачем было гроб закрывать-то?

— У несчастного, говорят, глаза и рот открытыми остались. Бедняга и людьми и богом позабыт был.

— Теперь уж он отдохнет. Да и Марта тоже, — сказал один.

— И то правда, — подтвердили остальные.

Потом мужчины шли к кухне. В тонэ потрескивал огонь. На низком столике лежали аккуратно нарезанный сыр и куски лаваша. Тут же стояли штоф с водкой и кувшин с вином.

Мужчины входили в кухню по очереди, негромко произнося:

— Да осветит бог Никифорову душу. — Опрокидывали по стаканчику водки и, завернув сыр в горячий лаваш, запикивали его в рот.

— Ох и снегу же навалило! — говорил один.

— Быть доброму урожаю! — охотно отзывались другие.

Позади кухни на заснеженных ветках сидели нахохлившиеся синицы.

— Жаль, стрелять нельзя! — огорченно уставился на птиц какой-то молодой человек.

Вскоре показался учитель Архипо, направлявшийся к кухне.

— Ты погляди, да как же это он опоздал, голубчик! — усмехнулся кто-то.

Прежде Архипо работал в районе. В последние годы он пристрастился к вину. Его не раз предупредили, но ничего не помогало. Дошло до того, что его отстранили от работы, и он был вынужден податься в заброшенное горное селение. И здесь он пил без прощупу, но кто бы погнал его с работы — ведь он преподавал сразу три предмета...

Архипо осторожно вел под руку слепого старца.

— Да это никак Емгения Утмеладзе? — спросил кто-то.

— Емгения, как же!

— Да он, ни дать, ни взять, в сморчка превратился, бедняга.

— Привет добрым людям! — еще издали поздоровался учитель Архипо. Потом он проводил Емгения на кухню и усадил его на треногий стульчик.

— Посиди тут, Емгения, погрейся чуток, да вина хлебни. Налейте стаканчик, братцы.

— Да ты водки выпей. Она что твой огонь. Утром лучше водки выпить! — предложил виночерпий.

Учитель Архипо схватил стакан и одним махом выплеснул в глотку его содержимое.

-- Г'у и как? — спросил виночерпий, завидев слезы на глазах Архипо.

-- Противотанковая. Бронебойная! — едва не задохнувшись, проговорил Архипо и запихнул в рот громадный кусок лаваша с сыром.

— Как поживаете, уважаемый Емгения? — обратился к слепому виночерпий.

— Эх, живу, как лягушка, попавшая в квеври... Где это слыхано, чтобы слепцам на белом свете хорошо жилось.

— Это все ничего, дорогой Емгения. У меня вот, к примеру, оба глаза. Ну и что из того? Пусть враги мои видят это несчастье обоими глазами, — успокоил слепца растроганный и взбодренный водкой учитель Архипо.

От ворот послышались женские вопли.

— Уй, уй, уй, нет с нами нашего Никифоре! — с готовностью откликнулись женщины, сидевшие вокруг гроба.

— Иди, парень, посмотри, кто пришел! — сказал

повар мальчишке, уставившемуся на подвешенные туши баранов, подготовленных к свежеванию.

Мальчишка побежал и спустя минуту возвратился обратно.

— Семья Челидзе приехала, — сказал он и уселся на скамеечку прямо напротив баранов.

— А Датико Коберидзе не появлялся еще? — спросил повар.

Датико Коберидзе был председателем колхоза.

— Попробует он только не прийти! — откликнулся Архипо, опрокидывая очередной стаканчик водки. — Уф, огонь, сущий огонь!

— У Марты всегда была водка что надо! — вступил в разговор Емгения.

— Тамадой, верно, Датико будет! — сказал повар, отсекая у барана заднюю ногу.

— А на что он еще годится! — усмехнулся учитель Архипо.

— Ты что же, зуб на него имеешь? — спросил Емгения. — А по мне он — мужик деловой.

— Не знаю, как насчет дела, дорогой Емгения, но стоит ему появиться в деревне, как у кур начинают шеи чесаться, — захихикал учитель Архипо, не забыв при этом приложиться к водке по третьему разу.

— Эх, стрельнуть бы сейчас по синицам, жизни не жалко! — не унимался юноша.

— Быть тамадой, дорогой мой Кимоте, в этом доме больше пристало Ироди Брегвадзе, — прогудел высокий, черноусый мужчина.

Ироди Брегвадзе приходился племянником Марте и слыл отменным тамадой.

— Ну, а мне не дюже нравится, как он стол ведет, — сказал колхозный бухгалтер, — за словом-то он в карман не полезет, но нет у него единой магистральной линии в застолье.

— Если по правде, и Датико не без изъяну, — заупрямился черноусый. — Чересчур он самоуверенный. Скажет, к примеру, что Риони в обратную сторону течет, попробуй тогда с ним не согласиться, он такое... — осекся вдруг усач.

Мужчины поочередно заходили в кухню и пили водку. — Иные делали уже четвертый заход — штоф опустел.

— Беги, парень, скажи женщинам, чтобы они водки подлили! — повернулся повар к мальчишке

Мальчик схватил штоф и только собрался подойти к ним прямо к плачущим женщинам, как его кто-то перехватил.

— Куда поперся, болван! — Толстуха в черном отобрала у него штоф и отнесла его в маленькую комнату. Потом пробралась в залу, подошла к Марте, сидевшей в головах гроба, и шепнула ей на ухо — мужики, мол, водки требуют.

— Да чтоб они лопнули! — проговорила Марта, встала, вышла в маленькую комнату, наполнила штоф, закрыла дверь комнаты и вновь уселась у гроба.

— Эй, ты, побыстрее там! — заорали на мальчишку мужчины. Кто-то пришел ему на помощь и, отобрав штоф, отнес его в кухню.

В большом котле варилась баранина, распространяя вокруг приятный аромат. У мужчин, подогретых водкой и томящим чувством голода, развязались языки. Они говорили во весь голос, не чураясь шуточек и хихиканья.

А двор постепенно заполнялся народом.

Плач нарастал. Среди плачущих голосов особо выделялся один женский голос — пронзительно горький и жалобный.

— Кто эта женщина? — спросил кто-то.

— Пигаси, сестра несчастного Никифоре, — отозвалось несколько голосов.

— Бедняжечка, у самой у ней никогда ни семьи, ни детей не было. Всю свою жизнь на братьев положила.

— Вот, вот, из одной семьи в другую переходила, как общая корова.

Мужчины разом замолкли. Во дворе показался Варлам, сын Никифоре. Он подошел к кухне. Достав из кармана папиросы, он предложил их сначала окружающим, а потом и сам взял одну папиросу и зажал ее в зубах.

Все дружно и молча задымили. Да и о чем было говорить?

— Ну и снег, черт бы его драл! — нарушил наконец молчание Варлам.

— Да-а-а, много снега навалило! — облегченно отозвались мужчины.

Кладбище было на небольшом пригорке. В звоннице полуразрушенной церквушки пророс клен. Огромные клены и вязы были покрыты снегом, лишь свежерытая могила чернела своей разверстой пастью.

На выбеленном снегом кладбище, словно вороны, виднелись люди в черном, сомкнувшиеся в тесный клубок. Потом клубок распался, и на вытоптанном склоне остался лишь маленький черный холмик.

Тамадой выбрали председателя колхоза Датико Коберидзе. Ироди Брегвадзе обиделся, но обиды своей не выказал. Датико быстро сориентировался в сложной ситуации и после каждого тоста переходил алаверды к Ироди.

«Ну, я тебе покажу! Таковую речугу выдам, мигом у меня загаснешь, как свечка», — подумал Ироди и действительно выдал вычурную речь на целых десять минут.

Люди пили и ели вовсю. Женщины едва успевали носить снедь.

Тамада и Ироди явно состязались друг с другом в тостах, но кто тут был судьей?

— Слышали, председателя райпотребсоюза сняли? — сказал один старик. — За растрату, сказывают.

— За ним, дедушка, еще не один последует, — ухмыляясь, отозвался юнец с пушком на щеках.

— Эх, парень, парень, когда на свадьбу быка заколют, только и разговоров, что быка закололи, а о поросятах и курах, последовавших за ним, никто и не вспоминает, — усмехнулся учитель Архипо. Он ел без передышки, но не упускал ни единого слова из разговора. Невзначай взгляд его упал на собственную тарелку — на ней набралось костей без счету. Оглянувшись по сторонам, Архипо втихомолку опорожнил тарелку у ног соседа. Изголодавшиеся деревенские псы пировали под столами. Изредка кое-кто наступал на них ногой, и тогда истошный визг сотрясал округу.

А на дворе шел снег. Снег без конца и края.

От невысокого черного холмика на кладбище и след простыл. Все вокруг так и сияло белизной.

— Джондо! — затормошил спящего сына гий.

Джондо с трудом разлепил веки.

— Вставай. Пора нести зерно на мельницу.

Джондо потер глаза кулаками и перевернулся на другой бок.

— После мельницы сходи к тетке, скажи, чтобы она к нам пришла приготовить тебе харчей на дорогу. Ты, надеюсь, не забыл, послезавтра тебе к пастухам надо, на пастбище.

При упоминании о пастбище Джондо окончательно проснулся.

— Может, ты боишься идти в горы, тогда я другого пошлю.

— Боюсь? Чего бы мне бояться?! — возмутился Джондо и торопливо соскочил с кровати, испугавшись, как бы отец и впрямь не надумал послать кого другого. Давняя мечта грозила уплыть из-под самого носа.

— А кто тебя знает, четырнадцать лет не ахти как много! Как управишься, возвращайся домой, возьми мотыгу и айда ко мне на виноградник.

— Ладно! — крикнул Джондо вслед спускавшемуся по лестнице отцу и задумался.

Сказать по правде, пастбище не очень-то уж и прельщало Джондо. Он мечтал увидеть туры тропы, по которым ранним утром спускаются туры полизать соль.

«Авось удастся увидеть тура, окаменевшего на вершине скалы».

Убитого тура Джондо увидел впервые два года назад. С тех пор не шел у него из головы потухший печальный турий глаз.

«Кто знает, может, повезет набрести на живого тура. Ведь от пастбища до них рукой подать», — думал Джондо.

«Туры, говорят, каждое утро спускаются вниз полизать соль. Вот я и залягу в скалах спозаранок. Правда, у тура отличный нюх на человека, и он, небось,

мигом меня раскусит. Наверное, совсем так, как во сне мне позавчера приснилось».

«Вот бы достать ружье, может, и удастся подстрелить тура. Как пить дать, убую».

«Вряд ли тур подпустит меня близко, но я все едино к нему подкрадусь. Далеко ли, близко, а не промажу. В прошлом году, когда Джокня дал мне из своего карабина пострелять, я три раза кряду в горлышко бутылки угодил».

«А что если дедушка Келешби даст мне свою берданку!» — Джондо, замечтавшись, закутался в одеяло.

«Только не даст мне берданку дедушка Келешби. Он ее пуще своего сына любит. Сказывают, берданку ему подарили большевики, когда они через Мамисонский перевал сюда пришли. Теперь он, наверное, сидит себе на треногом стуле и драит ствол шомполом».

Джондо никак не мог взять в толк, с чего это он чистит ружье каждый божий день. Ведь оно и так годами висит на стене без дела.

«Эх, не видать мне, видно, берданки. А ведь одолжи се дедушка на недельку, я бы наверняка подстрелил тура».

«Убитый тур рухнет со скалы в пропасть. И глаза у него, наверное, будут такие же жалкие, как и у того мертвого тура, что привез давеча Джокня».

Джондо кубарем скатился с постели, натянул латаные брюки, закатал их по колено и поправил красную майку, выгоревшую на солнце.

«Не стоит зря просить дедушку Келешби, все равно ничего не выйдет. В прошлом году он даже собственному сыну не одолжил ружья, так с какой стати, спрашивается, он станет одалживать его мне. И зачем только ему ружье. Ведь он едва передвигается, никуда со двора носа не кажет».

Джондо полил воду из кувшина на свои загорелые руки, а затем, набрав воды в рот, пустил ее струей на петушка. Мокрый петушок, закукарекав от обиды, как ошпаренный бросился к курятнику.

«Проси, не проси, толку чуть. Ох и упряма же де-
душка Келешби. Куда там, он свое ружье пуще сына
любит».

«Позавтракаю у тетки. У нее наверняка найдет-
ся стакан парного молока».

«А дедушка Келешби уже сидит на дворе и драит
свое ружье. Сначала он смажет маслом затвор, а по-
том канал ствола шомполом прочистит».

Джондо сошел во двор, привязал теленка и на-
сыпал яблок себе за пазуху.

«Отец, знать, уже по первому ряду прошелся», —
взвалив на спину мешок с зерном, подумал Джондо.

Выйдя из калитки, Джондо порешил идти к мель-
нице кружным путем. Зато он пройдет мимо двора
дедушки Келешби и хоть одним глазком да взглянет
на его берданку.

Джондо вытащил из-за пазухи яблоко и стал упи-
сывать его за обе щеки.

Недалеко от дома дедушки Келешби в левую но-
гу ему вонзилась колючка и он, хромая, еле добрался
до забора.

Дедушка Келешби сидел на своем треногом сту-
ле. Он уже закончил чистку ружья и неторопливо по-
сасывал трубку.

«Ну одолжил бы хоть на одну-единственную не-
дельку. Я бы наверняка подстрелил тура». — Опустив
мешок на землю и свесившись через забор, Джондо
наблюдал за стариком.

Скоро Келешби кончил курить, сунул трубку в
карман, застегнул ремешок и нехотя поднялся со сту-
ла.

— Доброе утро, дедушка Келешби! — окликнул
его Джондо.

Не расслышав приветствия Джондо, старик молча
стал подниматься по лестнице дома.

«Вконец одряхлел старикан, и зачем ему только
берданка!» — с сожалением подумал Джондо, когда
старик исчез в дверях дома. Потом присел на мешок
и, заложив ногу на ногу, вытащил из ступни колючку.
Зашвырнув колючку подальше, он послунял указатель-
ный палец и провел им по ранке.

Посидев так некоторое время, Джондо медленно
поднялся, вновь взвалил мешок на спину и прихрамы-
вая продолжил путь.

«Из берданки я даже за километр и то не промажу. Убитый тур рухнет в пропасть. У него, верно, будут печальные черные глаза. Это потому, что тур умен. Не чета всяким там козам. У них никогда не бывает печальных глаз».

«Интересно, кто умнее — собака или тур? Вряд ли тур умнее собаки. Умней собаки нет никого на свете. Зато тур ловок. И он любит скалы и теснины. Я тоже люблю скалы и теснины. Нет, тур все же очень умен. Потому и трудно человеку его обнаружить. Куда там собаке тягаться с туром...»

Джондо миновал деревню. Из лощины уже явно доносился шум реки. Джондо шел и думал. Думал о турах, горах и берданке. Погруженный в думы, он и не заметил, как осенила его мысль, которая сначала напугала, а затем взволновала и ошеломила его.

«Старик все едино одряхлел, куда ему управиться с ружьем, а что если украсть у него берданку? Нет, не украсть, а просто прихватить с собой к пастухам на недельку. Ведь может же случиться, что, если я и впрямь убью тура, дедушка Келешби на радостях сам подарит мне ружье».

Джондо сбросил мешок со спины и присел под кустиком. Он никак не мог прийти в себя от волнения, всячески пытаясь отогнать мысль о ружье. Но в воображении он уже ступал по двору дедушки Келешби. Задумавшись, он швырнул камешком в куст. Оттуда вылетел исполощенный царек.

«У него здесь, наверное, гнездо. Теперь он будет поблизости ошиваться. Боится, как бы я ему гнездо не разорил. Ну и хитрецы же эти пичужки. Но хитрее всех все-таки дрозд. Он так ловко уведет тебя от своего гнезда, что дороги назад не найдешь. Самые глупые среди птиц сойки. Сойки и удоды».

Джондо швырнул в кусты еще один камешек. Царек, отчаянно попискивая, и вправду прыгал поблизости.

«Отсюда до гнезда шагов тридцать, не больше. Ровно столько же, сколько от забора до окна дедушки Келешби. Стоит мне только залезть в окно, и ружье с патронташем тут как тут, только руку протяни. Главное, чтобы меня не заметили, пока я до кукурузы добегу. А там я нырну в лощину и спрячу берданку»

колючках под высоким ясенем. Послезавтра я двинусь к пастухам ни свет ни заря. Стоит мне добыть тура, и дедушка Келешби мигом меня простит, а может, еще и берданку подарит».

Джондо заметил арбу, переваливающуюся на дороге, и вздрогнул так, словно аробщик разгадал его мысли. Быстро забросив мешок на спину, Джондо зашагал дальше.

«У тетушки наверняка есть парное молоко. И в дорогу она меня снарядит. А какие она хачапури печет! Эх, поскорее бы мама из больницы вернулась. Уф, и обрадуется же она, когда узнает, что я тура подстрелил. Сразу простит мне кражу ружья. И дедушка Келешби меня простит, наверняка простит».

Целый день Джондо неотвязно думал о берданке. Да и вечером, сидя под ореховым деревом в своем дворе, он мысленно видел тура, словно изваяние окаменевшего на вершине скалы.

— Джондо! — донесся до него Гивин голос.

Джондо пришел в себя и встал. У калитки его дожидались босоногие дружки — Джансуг и Гиви. Гиви в возрасте и ростом был меньше Джансуга. Он был в фиолетовой майке, а в руке держал сыр и мчади.

— Слыхал? Темур из Тбилиси приехал! — в один голос воскликнули дружки.

— Ну и что из того, ведь Темур каждое лето приезжает.

-- Знаешь, какой он мяч привез?!

--- Красный кожаный мяч. А сам он в черных бутсах ходит.

-- В Тбилиси все ходят в черных бутсах, — сказал Джондо.

— А чего ты не пришел с нами играть?

— Я делом был занят.

Мальчики медленно побрели к реке.

— Что это у тебя с ногой? — заметив, что Гиви хромот, обратился к нему Джондо.

— Да нагноилась.

— И что же?

— Обойдется, бабушка мне подорожник на рану положила.

— Какое же такое дело? — продолжил разговор Джансуг, извлекая из кармана кисет, набитый табаком. Табак он таскал у своего деда.

— Да ничего особенного, я послезавтра на пастбище собираюсь, — небрежно бросил Джондо, оторвал полоску от газеты и принялся старательно сворачивать козью ножку.

Гиви проглотил последний кусок сыра, потом обстоятельно высморкался, вытер пальцы о штанину и тоже принялся за изготовление самокрутки. Джансуг глубоко затынулся и закашлялся. Выпустив дым из ноздрей, он сплюнул на дорогу и сказал:

— У Темура, оказывается, живой тур в Тбилиси есть. Его отцу какой-то режесор подарил.

— Режиссер, — поправил его Гиви.

— Враки все это, — усмехнулся Джондо.

— Почему враки?!

— Живой тур в Тбилиси недолго протянет.

— Это еще почему?!

— Потому что не протянет. — Джондо и сам не знал толком, почему тур не протянет в Тбилиси, но в сказанном был убежден твердо.

— С чего ты это взял? Ты, вроде, не бывал в Тбилиси.

— Ну и что из того, что не бывал! Тур горы и скалы любит. Все наврал тебе Темур.

— А вот и не наврал. Он мне карточку показывал — стоит себе с туром в обнимку. Да, он еще мамой поклялся, — возмутился Джансуг и обратился за поддержкой к Гиви: — Ведь поклялся же?

— Поклялся!

— Ну раз так, значит это обыкновенный горный козел. Туру в Тбилиси не прожить.

— Может, и козел, — согласился Джансуг.

— Наверняка козел, — подтвердил Гиви и, бросив папироску, направился к малиннику.

— А Темур из Тбилиси еще гамак привез.

— Гамак? — Джондо знать не знал, что такое гамак, да и Джансуг с Гиви тоже. Они лишь краем уха услышали, как Темурина мать попросила своего мужа, выряженного в полосатую пижаму, принести из дому гамак.

— Ты и завтра не придешь играть? — спросил на прощание Джансуг.

— Нет, я завтра должен лечь пораньше. Послезавтра мне вставать ни свет ни заря.

«Темур приехал», — уже в постели обдумывал новость Джондо.

Он не любил Темура.

«Раздаст всем приторных конфет, а потом нос перед мальчишками задирает. Все тбилисцы слабаки и задаваки. Ни тебе на скалу вскарабкаться, ни в реку с моста сигануть.

А вот в футбол он и впрямь играет здорово.

Кабы я в Тбилиси жил, и я бы не хуже его играл. А вот пусть он в водоворот со скалы прыгнет, тогда поглядим, каков он будет на вид. И гамак какой-то с собой привез. Интересно, что такое гамак?»

Сон не шел к Джондо. Прежняя забота терзала его.

«От дома дедушки Келешби до кукурузного поля рукой подать. Никто меня не заметит. Потом я схороню берданку в колючках под высоким ясенем. От орешника до комнаты старика всего одна перебежка. Кто знает, может, Келешби простит меня, если мне удастся подстрелить тура. И даже подарит ружье».

На заре Джондо разбудил крик петуха.

Он быстро вскочил с постели. Отца уже не было.

«Наверное, отец ждет меня в винограднике».

«Надо спешить. Дедушка Келешби скоро вынесет ружье во двор».

Плеснув водой в лицо, Джондо бегом направился к дому старика. Через щелку в заборе он оглядел двор. Старика нигде не было видно. Джондо перемахнул через забор и схоронился в орешнике.

«Тут самое лучшее место — и комната, и двор видны как на ладони».

Вскоре на лестнице дома показался дедушка Келешби.

Постепенно рассвело. С проселка доносились мычание коров и громкий собачий лай.

«Отец, верно, ждался меня в винограднике».

«От окна до берданки всего лишь один шаг, не больше».

«Как поступит старик, не обнаружив на стене берданку?»

«Представляю, как разинет Темур рот, когда я привезу убитого тура»...

Джондо затаил дыхание. Дедушка Келешби, еогнувшись в три погибели, медленно спускался по лестнице, отдыхая на каждой ступеньке. На плече его висела неразлучная берданка. Старик крихтя направился к своему излюбленному месту, осторожно опустился на треногий стул и принялся за дело.

«Он, верно, любит ее пуще родного сына. Да и шутка ли сказать, ведь берданку ему большевики на Мамисоне подарили. Тогда дедушка был молод, строен и высок, не то что сейчас. Как же он одряхлел и сгорбился!

И туры, наверное, тоже старятся. Интересно, как выглядит старый тур?! Нет, туры, видно, не стареют, иначе как они перепрыгивают через пропасти?» Над этим Джондо никогда прежде не задумывался.

«Кто знает, что скажет мне дедушка, увидев убитого мною тура. Посмотрим, как запоет тогда Темур, задавака эдакий. Станет он тогда носиться со своим гамаком, как же. А что это такое — гамак? В Тбилиси, наверное, у каждого есть гамак».

«А по мне любое завалышенькое ружьецо лучше всякого гамака».

Поднялось солнце, позолотив снежные вершины гор.

«Сейчас, верно, туры возвращаются на эти самые вершины».

Перед глазами Джондо, как наяву, возник тур, окаменевший на вершине скалы.

«А вдруг я промажу? Нет, никогда! Убитый тур рухнет со скалы».

Джондо стало нестерпимо жаль тура. Он вспомнил чернильные печальные глаза тура, убитого Джокией.

«Когда в прошлом году у Джансуга умер дедушка, у него были в точности такие же печальные глаза. Видно, тур умен, как человек. Куда там собаке до тура».

Между тем старик закончил чистить затвор и осторожно положил его на замасленный белый лоскут. Потом он заглянул в ствол и принялся наматывать на шомпол тряпицу. Капнув на тряпку машинным маслом из маленькой бутылки, он сосредоточенно стал протирать ствол.

«Вот и я буду чистить ружье каждое утро... Главное, так исчезнуть на заре из села, чтобы меня никто

не видел. Миновав лощину, я пойду виноградником, так будет лучше»...

А солнце позолотило верхушки деревьев. Над за-
снеженными вершинами сияло синее небо. Джондо
очень любит цвет неба.

«Наверное, и тур любит цвет неба. А самый лучший цвет у неба над Кавкасиони.

И тур любит чистое небо. Потому он и живет на Кавкасиони. Туру не прожить в Тбилиси. У Темура, верно, старый горный козел. Напрасно он клялся. А может, он просто ошибся? Наверняка ошибся!

Да он царька от жаворонка не отличит. Когда я ему в прошлом году вепря показал, он его за борова принял.

Вепря от борова отличить не сумел.

А еще божится, что слона и льва видел. Если он и впрямь слона и льва видел, как же он тогда вепря от борова не отличил?

Режиссер Темуру, верно, козла подарил, не иначе. Козла, наверняка козла. Туру в Тбилиси ни за что не прожить».

Старик кончил чистить ружье и принялся неторопливо собирать нехитрый инвентарь. Повесив ружье на плечо, он взял в правую руку пузырек и шомпол, а левой собрал тряпки. Потом, шаркая ногами, направился к дому.

Джондо бросило в дрожь. Потом ему вдруг сделалось жарко, а спина зачесалась.

«А что если он не выйдет из комнаты? Как поступить тогда?»

Отсюда до окна не больше тридцати шагов. Из окна я запросто дотянусь до берданки.

Отец, верно, устал дожидаться меня в винограднике».

Джондо отчетливо видел старика, копошащегося в комнате. Повесив ружье на стенку, он откинул крышку сундука.

Потом вновь захлопнул крышку, поглядел на ружье и вышел, наконец, из комнаты. Спустя некоторое время он снова показался на лестнице и тихим шагом стал спускаться вниз по ступенькам. Взмахом руки де-

душка Келешби согнал курицу, усевшуюся на перекинутое через перила одеяло, и пошел к амбару.

«Пора», — подумал Джондо.

«А может, лучше не надо?»

Отмахнувшись от непрошеной мысли, Джондо стал красться к комнате.

Перелезая через подоконник, он ненароком зацепился штаниной за гвоздь и порвал брюки. Беспечно махнув рукой, Джондо снял с гвоздя ружье и патронташ. Только-только собрался он вылезти в окно, как до слуха его донесся скрип арбы.

—Хо-о, мо-о! — по голосу он признал Евтихия Дарчиани. Перепуганный Джондо вжался в стену.

«А вдруг дедушка Келешби застанет меня в комнате? Правда, шагов не слышать. Отсюда не видно этого чертова амбара».

Арба медленно поравнялась с окном, так же медленно проплыла мимо и скрылась за поворотом. Джондо опасно высунул голову в окно и оглядел двор. Старика было не видать. Джондо торопливо спрыгнул на землю, бросился к забору и нырнул в кукурузные заросли.

До ушей беглеца донесся скрип амбарной двери.

«От амбара до дому шагов шестьдесят, не меньше», — лихорадочно соображал Джондо, во весь дух удирая от места преступления. По пути он на каждом шагу наткнулся на кукурузные стебли и безжалостно сминал их. Падающая кукуруза трещала так громко, словно кто-то невидимый преследовал Джондо по пятам.

«Пока дедушка Келешби доберется до комнаты, я уже буду в лощине. Шестьдесят шагов для него не шутка. А может, он и не собирается возвращаться в комнату до самого вечера».

«Шагов через сорок дедушка Келешби все будет знать. Нет, двадцати шагов он наверняка не успел бы пройти так быстро».

«Что с ним станет, когда он не увидит ружья на привычном месте? Утром я ни свет ни заря уйду в горы. Может, старик так и не заметит до самого утра, что ружье исчезло. Кто знает, когда я убью тура...»

«До дома осталось тридцать дедушкиных шагов».

«Здесь идти опасно, как бы меня пастухи не уви-

дели, не то я погиб. И Тему́р со своим красным мячом, наверное, с ними».

«Старик любит ружье пуще родного сына. А через двадцать шагов он обнаружит, что берданка пропала. Что с ним будет?»

«И здесь идти нельзя — увидят женщины, направляющиеся на мельницу. Лучше всего перелезть в виноградник и пойти в обход. Когда отец узнает, что я украл ружье...» Джондо осторожно перелез в виноградник и продолжил свой путь.

«Это виноградник дяди Георгия. Он всегда опрыскивает лозу до восхода солнца».

«Старику осталось пройти шагов десять. Что случится через десять шагов?»

«Сейчас дедушка Келешби, наверное, поднимается по лестнице. А вдруг...» — Джондо окаменел на месте, не в силах сделать ни шагу дальше.

«А вдруг со стариком что-нибудь стряется?»

«Что с ним может стрястись? Ничего с ним не случится!»

«А вдруг ему сделается дурно?!»

«Вот-вот он откроет дверь в комнату»... Потрясенный Джондо без сил опустился на землю и зажмурился, ожидая старческого крика.

Но крика не было слышно.

«Дедушка Келешби не успел бы так быстро сделать шестьдесят шагов. Видно, я ошибся в счете, кто знает. А может, он и прошел уже. Как же, услышишь тут крик старика».

«А может, он даже и не собирался в дом, стоит на дворе и беседует с курами».

Джондо бессмысленно глядел в небо.

Над Кавказиони, то растягиваясь, то сжимаясь, стлались тяжелые облака. Они казались Джондо похожими на окаменевших туров.

«Кто знает, может, дедушка Келешби и кричит, но разве его крик долетит сюда».

Кто знает, каково сейчас дедушке Келешби».

Джондо стало жаль дедушку Келешби.

В разорванную штанину заполз муравей, но Джондо теперь было не до него.

Ему вдруг страстно захотелось хоть одним глазом заглянуть во двор старика, увидеть, что с ним твори-

лось. Спрятав берданку в кустах малины, Джондо бегом бросился к дому дедушки Келешби. Дроздиха с треском вылетела из кустов ка.

Жабы зашлепали в лужах.

Джондо, задыхаясь, подбежал к дому старика, как сумасшедший перелетел через забор и вдруг застыл на месте.

Дедушка Келешби мирно похрапывал на ковре под ореховым деревом. Седые волосы развевал ветерок. Теленок, освободившись от веревки, сосредоточенно жевал клеенчатый передник старика.

У Джондо вдруг нестерпимо зазудели икры. Только теперь он вспомнил, что, перелезая через забор, угодил в крапиву.

На следующее утро старик по обыкновению стал собираться чистить ружье. Взглянув на берданку, висевшую на стене, он разинул рот от изумления. Он всегда вешал берданку дулом вниз, теперь же ее дуло смотрело прямо в потолок. Старик, переминаясь с ноги на ногу, долго не сводил глаз с берданки. Потом недовольно пожал плечами и снял ружье с гвоздя.

Солнце еще не успело подняться, а Джондо, притаившись за ясенем, смотрел, как старик, сидя на своем треногом стуле, сосредоточенно чистит ствол берданки.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

Зурабу

Кухианидзе —

50 лет

Зураб Кухианидзе живет и трудится в Кутаиси.

Это немаловажное обстоятельство в биографии современного грузинского поэта. Потому что в становлении и развитии современной грузинской поэзии Кутаиси принадлежит важнейшая роль.

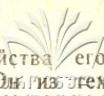
Именно в этом городе начинали свой путь Галактион Табидзе и поэты «Голубых рогов» — Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Валериан Гаприндашвили, Колау Надирадзе, несколько позже — Симон Чиковани и Ладо Асатиани.

Кутаиси стал для нас символом обновления, по-новому высокого полета поэтической мысли, и определение «кутаисец» для сегодняшнего грузинского поэта содержит в себе не намек на какую-нибудь скидку, но особую ответственность за свое счастливое происхождение.

Когда Акакию Церетели — величайшему из певцов этого города исполнилось пятьдесят лет, он сочинил знаменитые стихи про «половину дороги», которые, превратившись в народную песню, по сень день поются во всех уголках его родины.

Зураб Кухианидзе к своему пятидесятилетию успел сделать немало добрых и хороших дел. Лучшее — в поэзии.

Он автор нескольких стихотворений, в которых ключ истинно поэтического чувства бьет со свежей силой и незамутненной чистотой.

Чистосердечие и искренность — органические свойства его незаурядной поэтической личности, его манеры письма. Он редких в наше время профессионалов, которые не просто занимаются литературой, пишут и печатают стихи, издаают книги и т. д., но, в полном смысле этого слова, ежечасно живут поэзией и физически не приемлют другого образа жизни.

Эти качества поэта проявились и тогда, когда в разное время по творческим командировкам Союза писателей Грузии и ЦК ЛКСМ Грузии он побывал в различных районах республики, на Кольском полуострове, в Набережных Челнах, и в результате этих поездок родились такие страстные очерки, как «Волшебник золотого Мухуло», «Хранитель «Длинной земли», «Белые ночи Монче-тундры». «Камазские рассветы».

Я лично сравнительно недолго знаю этого человека, но считаю себя его другом, потому что рядом с ним дышится полной грудью, ибо это воздух, напоенный знойным дыханием настоящего, не знающего посторонних примесей, вдохновения.

Не могу вспомнить его стихов, специально посвященных родному городу, однако во многих его лирических вещах с особой четкостью вырисовывается колоритный образ идеального кутаисца, несущий в себе общенациональные черты, и это мне представляется ценнее самых восторженных од по адресу местных достопримечательностей, тем более, что этот образ, этот характер приобретает у него особую — человеческую, гуманию — значимость.

Таков, в частности, созданный им посмертный лирический портрет Отара Сулаберидзе, который еще ждет своего достойного переводчика.

Неподдельная рыцарственность души, эмоциональность склада, манера жить, страдать, радоваться, выражать себя в поступках и словах, в мужественных деяниях и детских чудачествах — все, что воспето в этом стихотворении, видится мне характерной особенностью самого Кухианидзе-поэта.

От души желаю его дару полного расцвета, ему же самому — долгих лет полнокровной творческой жизни, чистого горения, новых удач.

Гурам АСАТИАНИ

СТЕНЫ

От замшелых камней
Веет горечью близкой утраты.
Развалившийся храм
Все, что помнил, забыл на века.
И осталось ему
Только зори считать да закаты,
Где уж стенам его
Озирать горизонт свысока!

Солнце светит, как встарь.
Но бывшее вернется едва ли.
Все имеет предел,
Но не ведает жизнь рубежей.
В древних стенах стрижи
Лепят гнезда, не зная печали,
Словно мазь Турманидзе
Для стен эти гнезда стрижей.

Стены выше обид
И глядят в небеса без укора,
Хоть от неба с лихвой
Им досталось и грома, и вьюг...
Им бы только тепла!
Стены выше любого раздора.
Им бы камни прогреть,
Да согреть зябкой ночью пичуг.

* * *

Родные дали,
Ночные дали...
Молчат в селении петухи.
На травы звезды росой упали,
Сады, как реки зимой, тихи...

И мы б, наверно, во сне летали,
Когда б не день и его грехи.

СТАРОСТЬ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԾԱՆԻԿ

Старость — это сердце в схеме,
Крик без эха... И ночлега
Не покинуть ей в предзимье
Ради выпавшего снега.

Это легкие весной
Без дыхания фиалок...
И взлетел бы над землею,
Да не смеешь — так ты жалок!

Солнце уж яйцом пасхальным
Не покажется, как прежде.
Откровением вокзальным
Жизнь отвечает надежде.

И хоть юности спесивой
Оправдание находишь,
А на женщине красивой
Даже взгляд не остановишь.

* * *

Кто-то ночью
Вдоль домов
Прошагал — и был таков.

Он шагал во мгле, шумлив,
Песню свистом озарив.

То ли — ох, как! — был влюблен,
То ли был у друга он.

Может, душу отводил,
Может, сам себя бодрил,
Отгоняя темь и страх..

Обругал его в сердцах!
(Видит небо, надоел).

Он умолк... Да я запел.
Песня ладная была,
Песня за сердце брала.

Искры песенки ночной
И во мне, и надо мной
Роем вились до утра,
Как над лампой мошкара.

Я для песенки — ничей,
Песня для меня — ручей.

С нею счастлив без причин...

Вот и сон мой, что кувшин —
Бульк в ручей —
Увы и ах!

...День блестит на черепках.

Перевод Олега ИГНАТЬЕВА

* * *

...И ты вернула письма мне...

В печали

И в тайных муках, в тишине ночей,
Я их писал.

Как будто мне прислали

Весть о кончине юности моей...

Нет, я не горевал,

не впал в унынье.

Лишь счастья для тебя

я у судьбы прошу.

Одно мне больно:

никому отныне

Подобных писем я не напишу!

* * *

Глаза даны мне богом для того,

Чтоб на тебя смотреть.

Язык — чтоб был певцом

Я красоты твоей. Слух —

Чтобы мог я слушать

Твой пульс. А сердце —

Чтоб тебя любить. Но если

Глаза мне выколят —

Я и в кромешной тьме
Тебя увижу.
Вырвут ли язык —
Поймешь меня, я знаю, и немого.
Лишат ли слуха —
В мертвой тишине
Твой пульс я все-таки прослушаю. Но если
Мне вырвут сердце,
То тогда... тогда
В своей земле, как в мягкой колыбели,
Ты тело, отягченное грехами,
Потуже спеленай корнями дуба
И травой зеленой
Тепло укрой.
А душу, окрыленную любовью,
Возьми...

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

* * *

Все залечит раны
Исцелитель-время,
Всколыхнет желаний
Разномастных племя.
То почет и слава,
То разнос вчистую...
Боль одну умчало,
Боль несет другую.

* * *

Словно ветер,
Распластавши крылья,
Я носился выше облаков...
Хоть друзей совсем немного было,
Но немного было и врагов.

Тяжелей с годами крылья стали,
Тише стук натруженных шагов...
Как друзья грибами вырастали,
Так побольше стало и врагов.

ДО КОНЦА

Если чашу осушаешь,
Не тяни, другим мешаешь,
Выпей до конца.

Если путь осилить надо,
Пни и камни — не преграда,
Двигай до конца.

Если сердце полно страсти,
Не делись с другими счастьем,
Сам вкуси сполна.

Если яд испить ты должен,
Не цеди по каплям с дрожью,
Раз — и до конца.

Если меч поднял на гада,
Без сомнений, без пощады,
Бей — и до конца!

Перевод Даниила ДЖАНАШВИЛИ

БРИЛЛИАНТ МАРШАЛА ДЕ ФАНТЬЕ

ПОЭМА О СТАРОМ
ТБИЛИСИ

Вот герои этой истории.

Во-первых, князь Вано Фантиашвили, который большую половину жизни провел в боях, и трудно припомнить какую-нибудь битву на европейском континенте, где он не играл бы значительной роли, порой даже решающей, и который, уйдя на заслуженный покой, возвратился в свой родной Тифлис и в поисках личного счастья начал вести светскую жизнь, выражавшуюся, в основном, в пышных кутежах в загородных духанах, в чтении всевозможной литературы в гамаке, что, хотя и обогатило его лексику, но привело в окончательное расстройство, в чем читатель легко убедится. По значимости за ним следует бездомный Хечо, человек неопределенных занятий, к началу этой истории пристроившийся официантом у богатого духанщика Зипо, тоже играющего важную роль в этой истории. За Зипо стоит упомянуть Хануму, всем известную тифлисскую сводницу, которой путем хитроумных историй удалось соединить два влюбленных сердца: Кето, дочери Зипо, и Котэ, племянника князя Вано. В самом начале перед вами предстанет Тэкла — сестра князя. Вы встретите также бедного машиниста Порфила — президента Франции Плеси Пике, инженера Поля Эйфеля и маркизу де Шамборан, тайного агента мадам Галифе и отставного русского солдата Егора, владельцев нотариальной конторы в Швейцарии Тэжэ Поля и Тэжэ Ганса, настоятеля собора кардинала Алоизиуса и Неизвестного в твидовом костюме и темно-синих очках. В пьесе фигурируют гости, зеленщики, зуавы, министры, проститутки, импрессионисты и музыканты.

Все эти образы созданы для театра марионеток.
Итак...

Картина первая

Раннее утро. В загородном духане «Ренессанс» идет свадьба Кето и Котэ.

Свадебный стол накрыт в просмоленной лодке, привязанной к берегу цепью. Тамада — генерал-мажор Вано Фантиашвили. Под деревом за столом, накрытым синей скатертью, сидят три полусонных князя, над ними стоит усталый официант, держа в руках поднос со свиной головой.

Общество за свадебным столом выглядит усталым: кроме новобрачных и тамады, почти все спят.

Над ними тихо проплывает воздушный шар, на котором висит ослик. Шар исчезает.

КН. ВАНО. Господа! Наступает знаменитый тифлисский рассвет! Прошу к окну!

(Гости просыпаются).

ЗИПО. Значит, керосин зря тратим (задувает лампу).

КОТЭ. Кето, потерпи еще немного, и фаэтон умчит нас в страну любви...

КЕТО. Ах, как сладостен твой голос!..

КН. ВАНО. Вы только взгляните, господа, как освещают лучи благословенного светила священные кресты древних храмов, возвращая нас в круг жизни вселенной, даруя экстаз, ибо, как говорит небоподобный Платон...

ХЕЧО. Хватит, князь! Из-за этого трижды проклятого Платона ты всю ночь заставил нас плакать. Свадьба это или панихида?..

КН. ВАНО. Сударь, я вас просил бы воздержаться от несвойственных вам пошлостей. Так о чем же я говорил?

(На берегу показалась Ханума).

ХАНУМА. Ну, кончай, князь, сколько можно мучать молодых?

КН. ВАНО. Что значит «кончай»?! Кажется, еще в начале нашего пиршества я нижайше просил вас соблюдать почтение к свадебному столу... (задумавшись). Так о чем же я говорил? (гневно к Хануме). Ах, почему ты

не даешь покоя визирю моих мыслей?! (пауза). Ну, да! Ибо, как говорит небоподобный Платон...

(Раздается стук подков, появляется почтмейстер).

КН. ВАНО (почтмейстеру). Рад приветствовать вас! Прошу! (протягивает рог почтмейстеру).

ПОЧТМЕЙСТЕР. Увы, князь, дела не терпят. Только что из Парижа на ваше имя получены две депеши: одна от президента, а другая — от братьев Тэжэ.

КН. ВАНО. Братьев Тэжэ? Впервые слышу об этих близнецах.

(Из духана выбегает старый духанщик вместе со своим персоналом — поварами и официантами; три зурнача бросают трех князей, а три князя — три полных рога и тоже присоединяются к обществу. На мосту становится тесно. Почтмейстер распечатывает конверт).

ПОЧТМЕЙСТЕР. «Его превосходительству генерал-мажору, князю Жану де Фантье. Франция объята трауром...»

(Князь Ваню резко поднимается на ноги).

КН. ВАНО. Посочувствуем Франции!

(Минута траурного молчания).

ПОЧТМЕЙСТЕР. «Неумолимая судьба вырвала из наших рядов национального героя, прославленного полководца, кавалера ордена Почетного легиона, маршала Вамех-Баграт-Заал-Луарсаба де Фантье, урожденного Фантнашвили...»

ТЭКЛА. Вай! (безжизненно повисает на руках брата).

КН. ВАНО. Тэкла, душенька моя! Хечо, нашатырь! Дорогая сестрица, мы должны быть твердыми, как алмаз, ибо слезы утешают бедных сирот!

ПОЧТМЕЙСТЕР. ...«Его незабвенный образ навсегда останется...»

КН. ВАНО (гневно). Жестокий, бессердечный почтмейстер, остановитесь! Зовите штабного доктора Тункеля-Мелик-Шахназарова! Пусть захватит с собой полевую грелку для женского сердца!

(Кто-то отдалается от толпы и исчезает. Тэкла приходит в себя и садится на стул. Почтмейстер смотрит на Тэклу, Тэкла кивком головы выражает согласие, почтмейстер продолжает).

ПОЧТМЕЙСТЕР. «Незабвенный образ его навсегда останется в сердце благодарной Франции вместе с Мари-Франсуа Пермантье и Рене Дюрвилем. Мы как президент имеем честь передать вам просьбу кабинета министров лицезреть вас в ближайшие дни на кремации вашего прославленного дяди и соотечественника!

Плеси Пике. Президент. Фонтенеблô».

(Тэкла распускает волосы)

ТЭКЛА. Бедный Вамех! На кого ты бросил нас, несчастных...

КН. ВАНО (тихо). А ты его хорошо помнишь, Тэкла? Мы же его похоронили как-то, когда были маленькими?

ТЭКЛА. Ах, почему я не умерла, чтобы не услышать о твоей смерти, бедный Баграт...

КН. ВАНО (задумчиво). Значит, в тот раз не его похоронили... Бедный дядя, как его жаль!..

(Участники свадьбы встают. Держась за борт лодки, они подходят к князю Вану и сочувственно жмут ему руку).

ХЕЧО. Наверное, добрый был маршал, а, князь? Все его любили. Но что поделаешь?.. Вот, например, мхетская собака, ведь и она в конце концов подыхает. Нет-нет да куснет человека, а бог справедливый найдет все-таки ее под забором и выпрямит ей хвост, будь она проклята.

КН. ВАНО. Бедный Хечо, невинное дитя природы, не плачь, успокойся.

ХЕЧО. Душа и сердце! Здесь кое-кто говорит, что дядю положат на жаровню. Это правда?

КН. ВАНО. Да, на триста лет отстали мы от Европы. Сожгут его, дорогой Хечо, сожгут непременно...

ХЕЧО. Совсем-совсем сожгут или все-таки чуточку оставят... для могилы?

КН. ВАНО. Увы, совсем, совсем...

(Хечо вздыхает и затягивает печальную песню).

КОТЭ (Кето) Уединимся!..

КН. ВАНО. Котэ, стань рядом с нами и плачь, как все, ибо нет уже с нами великого человека...

ЗИПО. Сочувствую, князь, но пусть и вторую денежку прочитают...

КН. ВАНО. Пусть читают... Мне все равно, я уже готов к любому горю...

ПОЧТМЕЙСТЕР. «Нотариальная контора «Братия Тэжэ». Женева, Руссо, 21. С глубочайшим почтением и сочувствием сообщаем вам, что в течение недели по получении депеши вы должны войти во владение наследством маршала, содержащим, среди прочего, самый большой бриллиант в мире «Монте-Роза» (5678,3 карата), который в настоящее время оценивается специальной комиссией в Антверпене...

(Все перекрестились).

В случае опоздания, согласно завещанию маршала, вы теряете право на наследство и всякие притязания с вашей стороны теряют силу. Тэжэ Поль, Тэжэ Ганс».

(Князь поднимает рог).

КН. ВАНО. ...Ибо, как говорит небоподобный Платон...

ХЕЧО. Какой Платон?! Ты думаешь, в наследство банку крыжовника получил!

ЗИПО. Какие только деньги от Атты-Бабы человек ни отлил и ни нарисовал, все теперь твоими стали! Люди, скажите что-нибудь, а то, клянусь, с ума сойду!

ПОЧТМЕЙСТЕР. Милостивый государь, вы должны спешить. Осталось каких-то четыре дня. Никогда не простит вам бездействия попавший под четырехтысячелетние исторические развалины, сошедший с пути цивилизации, обедневший наш народ. Спешите, князь!

КН. ВАНО. Господа, видимо, я действительно должен кончить этот базар и отбыть в Европу! Слово офицера, по возвращении мы немедля вкусим покой под сенью наших мирных рощ и вернемся к нашим чащам!

ЗИПО. Я тоже еду, князь!

КН. ВАНО (сочувственно). Как, милейший, у вас тоже кто-то скончался?

ЗИПО. Не время шутить! Тебе сейчас нужен умный человек! Хечо, беги, тащи мои чемоданы, глаза у тебя, как свечки в бане, гаснут!

ХАНУМА (Хечо). И мой саквояж захвати!

ХЕЧО (Хануме). Если голова болит, натри теплым чесноком...

ХАНУМА (щелкает кнутом). Иди, иди.

КН. ВАНО. Что значит «иди, иди»! Что ей в Париже делать, этой чахотке Авлабара! Отставить, Хечо! (Начинает петь) Мравалжамиеэр!!!

(Издали слышен свист паровоза).

ЗИПО. Давай в дороге споем, а то уйдет поезд!

ТЭКЛА. Бедный Луарсаб, почему ты оставил нас...

КН. ВАНО. Тэкла, дорогая, у нас нет времени для личной скорби. Если спросит меня Эндроников, скажешь — князь в походе!

(Князь видит несущийся между деревьями паровоз. Он выбегает на мостик и хватается машиниста за шиворот).

КН. ВАНО. Стой, проходимец!

ПОРФИЛЕ. Отпусти, князь, свинью везу в Кутаис маме! Вот-вот должна опороситься...

КН. ВАНО. Ты лучше проверь колеса, а то, как в прошлый раз, придется их искать в лесу! И то проверь — хорошо ли кричит чугунок!

(Порфиле дает гудок, слезает с паровоза и стучит ногой по колесу. Зурначи запевают «Дорожную»).

ХЕЧО. Свет моих глаз! Я кроме шарманки еще ни на чем не катался! Сирота я, соседка меня грудью кормила, хотела — кормила, хотела — не кормила. Я лучше останусь и за духаном присмотрю.

ЗИПО. Останешься — духан спустишь в лото!

(Тэкла сгребает рукой у ног брата землю и сыплет ему в газыри).

ТЭКЛА. Насыпь родную землю на грудь бедному дяде...

(Пока князь прощается с сестрой, из дубовой роши выходит однорукий солдат Егор. Его обмундирование уже пришло в негодность, и по всему видно, что, составившись на ратном поприще, солдат уже на покое. На шее у него висит гармошка, на бедре — котелок. Он подходит к поезду).

СОЛДАТ ЕГОР. Православные, где тут Кутаис?

(Не расслышав слов солдата, князь хватается за плечо и вталкивает в вагон. Паровоз свистит, трогается и вдруг резко останавливается — на путях стоит Ханума; ехидно улыбаясь и подцепив зонтиком паровоз, она не дает ему сдвинуться).

ХАНУМА. Без меня слете?!

ПОРФИЛЕ. Пропусти, дорогая, у машины сил больше нет, хоть ее пожалей... Пропусти!

ВСЕ ВМЕСТЕ. Пропусти!

ХАНУМА. Не пропущу!

ВСЕ ВМЕСТЕ. Пропусти!

ХАНУМА. Нет!

КН. ВАНО. Ах, так, злодейка!

(Князь хватает дрова и закидывает их в топку. Паровоз рванулся вперед. Когда он скатывается с горы, со шпал поднимается Ханума, подбирая с земли отрезанные колесами косы и стряхивая с них пыль).

ХАНУМА. Ах, так?! Пусть Ханума не будет Ханумой, если забудет этот позор!

(А паровоз мчится в Европу).

ХЕЧО (издалека). Вай! Живот! Живот! Остановите!

Картина вторая

Париж. Версаль. Третью ночь непрерывно заседает Комитет спасения.

ПЛЕСИ ПИКЕ. В трагические минуты нации, связанные с гибелью маршала де Фантье, я требую полного доверия!

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ. Это узурпация власти! Бонапартизм!

(Все вскакивают).

МИНИСТРЫ (патетически). Республика в опасности!

ХУДОЙ МИНИСТР. Да здравствует свобода! (выхватывает стилет и закалывается. Труп выносят, шум стихает).

ПЛЕСИ ПИКЕ. Мое требование продиктовано жестокой необходимостью. Как стало известно, маршал де Фантье рожден в неприступных горах Кавказа. По воле покойного, фантастическое наследство переходит к родичу маршала, генералу Фантиашвили!

МИНИСТРЫ. Вай!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Вследствие перемещения бриллианта «Монте-Роза» на Восток, Франция покидает политическую арену, а в Азии зарождается новая сила — Грузинская Империя!

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ (с иронией). Вы можете объяснить: кто такие грузины?

ПЛЕСИ-ПИКЕ. Итак: грузины, или, как они себя величают, гижврацы, кочуют среди неприступных гор Кавказа. Красивейшая раса в мире. В пищу употребляют полевое лобно. Основное занятие — кровная месть. Вместо денег в обращении находится соль. При родах мужчина ложится рядом с роженицей и поет в три голоса.

(Издалека слышится печальная песня Хечо:
«Ах, какого маршала потеряли,
доброе, сладкого...»)

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ. Господа, прошу облечь президента доверием!

(Министры молча поднимают руки).

ПЛЕСИ ПИКЕ. Поезд приближается к восточному вокзалу! Спешите, господа!

(Министры бросаются к дверям. Президент прикрывает окно, внимательно оглядывает опустевший кабинет, на цыпочках подходит к книжному шкафу, нажимает на тайную кнопку. Шкаф откатывается в сторону. В комнату влетает Шарлотта Галифе, тайный агент, нервно поправляя прическу).

ШАРЛОТТА. Еле избавилась от этого Хечо!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Кто такой Хечо, мадам?

ШАРЛОТТА. По моим предположениям, личный телохранитель принца Жана де Фантье. Как было условлено, я присоединилась к ним в Баден-Бадене.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Кто такой Хечо, мадам?

(Шарлотта запускает руку в волосы и, поискав немного, достает листок бумаги. Расправив его, читает).

ШАРЛОТТА. «Хечо. Улыбка насмешливая с оттенком наглости. С легкостью божится. Вызывающе поет, высунувшись в окно вагона».

ПЛЕСИ ПИКЕ. Ну, конечно, почему бы ему не высовываться. Сейчас этот тип может навредить Франции гораздо больше, чем Пруссия и Англия вместе взятые!

ШАРЛОТТА. Высокие цели принудили меня войти в интимный контакт с мсье Хечо, при котором мне удалось обнаружить лишь это субстрат-вещество (достаёт из-за корсета кусочек сыра, протягивает президенту).

ПЛЕСИ ПИКЕ (понюхав). О, полковник Эванс! Узнаю вас!

ШАРЛОТТА. Полковник Эванс?!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Ну, конечно же! Надо думать, что под именем Хечо с Востока приближается небезызвестный английский авантюрист Эванс, известный под именем «Эмир-динамит»! А принц, каков он?

ШАРЛОТТА. Принц, напротив, держится с достоинством. Однако временами и он не в силах противиться внутреннему зову — высовывает голову из окна вагона и всецело отдается песне. Из-за этого на вокзалах Европы ему делают замечания, которые еще больше разжигают в нем желание петь. Однако по пути следования поезда его восторженно приветствовали толпы военных с оркестром. Особенно волнующей была встреча с фельдмаршалом фон Гаубицем, который вышел встречать его в Айзенахе и склонил перед ним личный штандарт.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Суть их разговора?

ШАРЛОТТА. Вопросы теории континентальных войн. Принц принес извинения фельдмаршалу за отрубленную в одном из боев руку, на что фельдмаршал махнул оставшейся рукой и заметил, что факт потери руки в битве с таким противником наполняет его гордостью. Прощание их было трогательным.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Ваш план, мадам Галифе? Учтите, мы не можем допустить финансовой и политической катастрофы!

ШАРЛОТТА. Там, где бессильна дипломатия, побеждает француженка!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Да здравствует Франция!

ШАРЛОТТА. Скромности и стыдливости принца мы должны противопоставить очарование галльской женщины. Случай сводит генерала с француженкой, некоторое время он вкушает сладости утонченной парижской жизни, и случай же лишает нас его общества — книга жизни генерала Жана де Фантье закрывается...

ПЛЕСИ ПИКЕ. Bravo, мадам! Благодарная Франция воздвигнет вам памятник! Но назовите же ту, кто может провести Францию через тяжелое испытание!

(Мадам Галифе нажимает на кнопку, почтительно склоняет голову. В кабинет входит маркиза де Шамбран, тонкая, изящная, печальная).

ПЛЕСИ ПИКЕ (Шарлотте). Маркиза?! Невероятно!!! Последняя де Шамборан и кровавый генерал Кавказа?!

ШАРЛОТТА. Однако довольно симпатичный и не менее древней крови.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Но вся Европа увлечена великой любовью маркизы и инженера Эйфеля! И как только инженер воздвигнет эту ужасную башню, их судьбы соединятся...

ШАРЛОТТА. Так и будет! Как только принц де Фантье переместится в Елисейские поля, прекрасная вдова Коллет де Фантье станет супругой великого Эйфеля! Но если маркиза воспротивится воле президента, тогда первый гражданин запретит инженеру ставить свою вышку!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Маркиза, вспомните Орлеанскую Деву! Нация ждет!..

Картина третья

Залитый светом зал. Оркестр кончает играть марш, и в наступившей тишине раздается громкий и тоскливый голос Хечо:

«Ах, какого маршала мы потеряли,
Умного, тонкостанного!»

Церемониймейстер громко стучит жезлом. Показалось цеховое знамя тифлиских официантов, его несет Хечо. За ним — князь с траурным бантом на погоне. За князем — Кето и Котэ. Затем Зипо, он держит под мышками две мутаки. Шествие замыкают старый солдат, машинист Порфиле и свинья машиниста. Солдат и Порфиле нагружены провизией: машинист несет хурджин, большую банку с пивками, варенье, а солдат — бурдюк, тыкву и колодки для сапог.

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР (торжественно). Шевалье Хечо! Принц генерал-мажор Жан де Фантье! Принц де Фантье и принцесса Кето, финансист Зипо-Ткуил-Гипнани и сопровождающие их лица!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Господин генерал-мажор принц Жан де Фантье! Дамы и господа! Моими устами с вами говорит Франция! Пока меч был в руках маршала де Фантье, Франция могла спать спокойно! У нее был

защитник, рыцарь из рыцарей, наделенный несгибаемой волей, отвагой и прочими свойствами антигероев! Невыносимо трудно говорить о маршале де Фантье в прошедшем времени. Слава не умирает!

ХЕЧО (тихо). Князь, где же покойник? Что-то плохом не пахнет. Может, без нас сожгли?

КН. ВАНО. Ах, стоял бы ты немножко поближе, стукнул бы тебя так, что вихры заколыхались бы...

ПЛЕСИ ПИКЕ. Иссохла река бескорыстия и истинного мужества.

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ. Bravo, Плеси Пике!

КН. ВАНО. Ваши великие слова, господин президент, возвращают нас в круг жизни вселенной, даруя экстаз, ибо, как говорит небоподобный Платон...

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ. Де Фантье умер! Да здравствует де Фантье!

ХЕЧО. Ва, молодец, князь! Клянусь, не ожидал!

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР. Братья Тэжэ!

(Вопль сирены. В сопровождении полицейских в зал вошли братья Тэжэ. За ними внесли бронированный сейф. Тотчас же тушат свечи. Братья открывают сейф, и на черном бархате стола всеми цветами радуги заиграл огромный бриллиант величиной с голову Хечо).

ЗИПО. Хечо, одолжи мне немножко души, умираю... (падает в обморок).

СОЛДАТ ЕГОР. При Эрзеруме у паши на шаравах еще больше болтался...

ТЭЖЭ. Господин генерал Жан де Фантье! Нотариальная контора «Братья Тэже» имеет честь передать вам, наследнику маршала, величайший бриллиант «Монт-Роза», который специальная комиссия антверпенских ювелиров не смогла оценить по причине необычайной чистоты минерала!

(Хечо пробирается сквозь толпу министров к миссралу. Князь хватает Хечо за шиворот).

КН. ВАНО. По-грузински говорю тебе! Не позорь меня!

ХЕЧО. Зипо умирает, отколи ему кусочек, а то разладится, как фисгармония!

ТЭЖЭ. Дамы и господа! Вы сейчас станете свидетелями того, как генерал де Фантье вступит во владение

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნული ბიბლიოთეკა

ние бриллиантом. Прошу, мадам! (Тэжэ направляется к Кето, держа перед собой «Монте-Розу»).

КН. ВАНО (смущенно). ...Увы, братья Тэжэ, княгиня Кето -- не моя супруга, и я тешусь лишь тем, что она украшает жизнь моего племянника — принца Котэ!

ТЭЖЭ Мы просим генерала предоставить нам возможность засвидетельствовать свое глубочайшее почтение супруге его сиятельства...

КН. ВАНО. Сударь, я холост, как-то не успел обзавестись семьей по причине разных баталий...

(Любезные улыбки исчезают с лиц братьев Тэжэ. Они кладут бриллиант в сейф).

ТЭЖЭ (сухо). Если за оставшиеся два дня нам не будет предоставлена возможность лицезреть вашу супругу, по воле покойного «Монте-Роза» не сможет обрести хозяина в вашем лице. В таком случае бриллиант делится на две части: одну часть мы превратим в порошок и в таком виде рассеем над холмами Грузии, родины маршала, а вторую часть передадим сиротам и вдовам Азии и Африки...

ХЕЧО. Я всем сиротам сирота! Три раза вдов! Бубонную чуму перенес! В комнате дезинфекции сидел!..

(Князь в бешенстве хватает за шиворот Хечо).

КН. ВАНО. Умолкни, а то, клянусь душой деда, забью тебя в пушку и выстрелю прямо на Авлабар!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Господа, надеюсь, Франция не откажет в родстве отважному генералу!

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ. Bravo!

ХЕЧО. Сирота я! В ворованной люльке рос!

КН. ВАНО. Котэ, держи его в карантине!

ХЕЧО. Кого найдут лучше меня?! Я сирота и трижды вдов! По закону половина мне полагается!

КН. ВАНО. Да перестаньте, шевалье!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Дамы и господа! Дадим возможность гостям предаться отдыху. Да здравствует генерал де Фантье!

(Французы покидают зал. Зипо лежит в кресле без чувств. Хечо шлепает его по щеке, чтобы привести в сознание).

ХЕЧО. Кето, душка, нашла время по-французски говорить, отец твой к своему отцу отправляется!

ЗИПО (приходя в себя). Забрали?
КН. ВАНО. Что, Зипо, что забрали?

ЗИПО. Розу.

ХЕЧО. Увезли, Зипо-джан! Увезли лысые абраги!

ЗИПО. Что увезли, Хечо-джан?

ХЕЧО. Минерал, Зипо-джан!..

(Зипо вскакивает с кресла, подбегает к князю, разрывает привезенные из Тифлиса мутаки, достает из них деньги).

ЗИПО. Душа и сердце! Возьми, князь дорогой! Все возьми, понадобится. Женщины любят богатых! В Тифлисе я все продал, дом, духан, все продал ради тебя. Иди женись, потом рассчитаемся!

(Князь возвращает Зипо деньги, но тот все равно сует их обратно).

КН. ВАНО. Спасибо, милейший, но немножко оставьте себе — понадобится...

ЗИПО. Не думай обо мне! У меня только снаружи такой большой живот, а внутри — совсем маленький. Что мне нужно? Кусочек хлеба и сыра, что Хечо забрал с собой...

КН. ВАНО. Так вот почему стоит такой запах! Удушил Париж!

ХЕЧО. Не кричи, я тебе не соседская кошка.

ЗИПО (Хечо). Как ты смеешь так с князем говорить! Лучше возьми щетку и почишь его! А я побегу. Может, кого-нибудь встречу, денег займу. Женщины любят богатых...

ХЕЧО (щеткой чистит одежду князя). Ах, князь-джан, вах, князь-джан! Ну, какая женщина устоит перед тобой — на архангела Михаила похож!

(В зал входят маркиза де Шамборан и Шарлотта Галифе. Увидев князя, Шарлотта изображает смущение).

ШАРЛОТТА (кокетливо). Ах, маркиза, здесь мужчины...

ХЕЧО. Куда ты смотришь, князь? Шарлотт-джан! Не узнаешь своего Хечо? Баден-Баден помнишь? Полжизни отдал бы за твою индийскую родинку, а еще половину за вторую, что на спине у тебя прячется!

ШАРЛОТТА (ласково). Бонжур, мсье Хечо.

КН. ВАНО (возбужденно, к Хечо). А кто эта вторая? Какой художник ее изваял?

ХЕЧО. Хочешь познакомиться?

КН. ВАНО. О, боже!

ХЕЧО. Пригласим на лото!

КН. ВАНО (с досадой). Пока тебе руку не оторвут, эту игру Надир-шаха не бросишь!

ХЕЧО. Ты мне доверься (бежит к Шарлотте).

КН. ВАНО. Цирцея! Утренняя звезда! Одна на свете женщина — и та здесь! Она скромно опустила глаза! Что со мной! (считает пульс). Ах, как плачет, словно соловей над розой! Нет, нет! Де Фантиашвили, пока есть время, удались! Убеги! Это первая и последняя любовь! Прощай, Дидона!

КОТЭ. Куда вы, дядя! Что могут подумать!

КЕТО (с восторгом). Ах, как сладостен твой голос!

(Князь вырывается из рук Котэ).

КН. ВАНО. Отпустите меня! Ах, какая симметрия, ах, какая гармония. Не напугать бы ее моим походным видом!

ХЕЧО (с жаром). Шарлотт-джан, два дня осталось, а то «Монте-Роза» чунэм!¹

ШАРЛОТТА. Чунэм?!

ХЕЧО. Если не женится, конечно, чунэм, ва! Котэ, а ну, переведи!

КН. ВАНО (с ужасом машет руками). Котэ, не переводи! (к Хечо). Ах, родиться бы мне снова и не встретить тебя и Эндроникова!

ХЕЧО. Шарлотт-джан! Посмотри! (Он показывает на князя, затем на маркизу и скрещивает пальцы). Понимаешь? (Шарлотта радостно кивает головой).

ШАРЛОТТА. Маркиза, принц очень нерешителен, он смущен, улыбнитесь ему, пожалейте его...

МАРКИЗА (пожимает худенькими плечиками). Что мне делать, пусть приблизится хотя бы...

(Шарлотта поворачивается к Хечо, и пальчики ее одной руки заходили по ладони другой).

ХЕЧО (князю Вану). Пусть, говорит, князь пройдет. Походку, говорит, хочу проверить, не хромой ли. А то, говорит, дети пойдут, надо знать, как отец ходит!

(Князь, поборов смущение, начинает ходить)..

¹ Чунэм — нет (арм.), здесь в смысле «пропала».

КН. ВАНО. Хечо, остановиться?

ХЕЧО. Сверни к нам!

(Князь медленно приближается к маркизе).

КН. ВАНО. Она улыбнулась мне? Держись, князь Фантнев! Фринланд! Ватерлоо!

(Маркиза нежно протягивает ему руку, князь с благоговением склоняется над ней, целует).

КН. ВАНО. Поэма любви и смерти!

ШАРЛОТТА. Маркиза де Турниль-Мартель-Лантель-Бельмон-Сесиль-Комет-Жанет де Шамборан!

ХЕЧО. Значит, она шесть...

КН. ВАНО. Генерал-мажор Жан де Фантье-Карский, ваш покорный слуга. Благословенная звезда, приведшая меня во Францию, давшая мне возможность лицезреть дарец скромности и зеркало красоты, обратившая меня в покорного слугу вечного идеала всемирной гармонии, ибо, как говорит небоподобный Платон...

ХЕЧО. Вот сейчас говори сколько хочешь о Платоне.

КН. ВАНО. Так о чем же я говорил? (Пауза). Ах, да!

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный.
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь...

МАРКИЗА. Ваши слова, прэнс, свидетельствуют о вашем рыцарском сердце.

(Кето и Котэ в четыре руки играют менуэт. Хечо подхватывает Шарлотту Галифе и в танце, очень отдаленно напоминающем менуэт, увлекает ее через распахнутые двери в сад. Маркиза протягивает руку князю, тот с поклоном берет ее, и они медленно в танце уходят в сад).

КН. ВАНО. В самом сердце Аустерлица, когда вокруг текла кровь, я грезил о вас, о маркиза! Вы — идеал! Я в плену!

МАРКИЗА. Ах, прэнс, вам не жаль меня.

(Вдруг сиреневый куст перед ними начинает яростно колыхаться).

МАРКИЗА. Вай!

(Князь оголяет саблю и бросается на куст).

КН. ВАНО. Моя сабля жаждет крови!

(Из-за куста раздаются вопли Хечо).

ХЕЧО. Я тебе такое дело делаю, а ты меня зать хочешь?

(Оторвав от себя мадам Галифе, из кустов вылезает Хечо и протягивает князю какую-то бумажку).

ХЕЧО. Ты плюешь на мои усы! На, держи эту бумагу. Завтра на рассвете эта барышня будет твоей законной женой.

(Из-за куста выходит Шарлотта, она тяжело дышит и суетливо поправляет прическу).

КН. ВАНО. Это что за бумага?

ХЕЧО. Не терзай мою душу! Прочти и узнаешь.

(Князь читает бумагу).

КН. ВАНО. О, боги Пафоса!

ХЕЧО. Вай, умирает!

КН. ВАНО. Но ведь сперва я должен совершить героические дела в честь маркизы, чтоб она поверила в мою великую любовь! Я должен переплыть Ламанш!

ХЕЧО. Вах, чтоб я себе голову откусил! Нашел тоже время купаться! Князь-джан! Придет зима — в снежки поиграем. А если обязательно сейчас хочешь купаться, пойдем в баню, спину я тебе натру. Пошли?

(Показывается машинист Порфиле, он вежливо тянет князя за чоху).

ПОРФИЛЕ. Уедем домой, а, генацвале? Очень уж долго стоим на этой станции! Уедем, рождество уже на носу.

КН. ВАНО. Я должен переплыть Ламанш на радость маркизе!

ХЕЧО. Отец мудрости, посмотри на эту двухнедельную луну.

КН. ВАНО. Она плачет?!

ХЕЧО. Плачет, плачет. Подойди, приласкай....

КН. ВАНО. Не плачьте, а то я могу покончить с собой.

(Машинист снова тянет князя за рукав).

ПОРФИЛЕ. Поедем домой, а то паровоз затухнет. И поросята уже заскучали.

КН. ВАНО. Вон отсюда, негодяй! (Маркизе) Маркиза, о если б не было этой ночи!

ШАРЛОТТА. Примите мои наилучшие пожелания.

МАРКИЗА. Спокойной ночи, прэнс.

(Кн. Вано провожает дам до калитки и долго с восторгом смотрит им вслед).

КН. ВАНУ. Она ушла. Еще одна ночь, бесконечная ночь бытия и небытия. (Князь удаляется).

(Машинист Порфиле внимательно разглядывает беседку в стиле ампир).

ПОРФИЛЕ. Это, должно быть, хорошо горит.

(Взвалив беседку на плечи, он идет на вокзал).

Картина четвертая

КОТЭ. Дядя во власти больших европейских чувств!

КЕТО. Ах, как сладостен твой голос!

(В зал, крадучись, входит молодой человек. Лицо его бледно, в руке он держит шелковую веревку. Поставив под люстрой кресло, он закрепляет веревку за люстру, затем, горестно вздохнув, просовывает голову в петлю, толкает ногой кресло и повисает на веревке).

ЭЙФЕЛЬ. Прощай, маркиза! Прощай, моя башня! (Кето и Котэ оборачиваются и видят самоубийцу).

КОТЭ. Да, Кето, мы на триста лет отстали от Европы. Интересно, кто он был?

ЭЙФЕЛЬ (мерно качаясь на люстре). Позвольте представиться: бывший инженер Эйфель, автор проекта и строитель самой высокой башни над уровнем моря.

(Котэ вежливо кланяется).

КОТЭ. Бывший студент Котэ Фантиашвили. Моя супруга княгиня Кето.

ЭЙФЕЛЬ. Сейчас я, наверное, самый несчастный человек на всей земле! О, Плеси Пике, «маяк прогресса», как безжалостно растерзал ты два влюбленных сердца!

(Раздается выстрел, веревку срезает пуля, и Эйфель оказывается на полу. Японская ширма с треском падает на пол. Появляется Ханума, в руках у нее дымятся пистолет).

ХАНУМА. Я еще посмотрю, кто здесь «маяк прогресса», кто разлучит соловья и розу!

КЕТО и КОТЭ (радостно). Ханума?! Это ты, Ханума?! —

ЭЙФЕЛЬ. Благодарю, мадемуазель Ханума, за сочувствие, но смерти мне не миновать... Завтра или послезавтра волны Сены унесут мое влюбленное сердце и мои кривые второго порядка!

ХАНУМА. Всю Европу переверну, будь я проклята, если не расквитаюсь с тобой, князь! Маркиза станет твоей женой, инженер! Так хочет Ханума!

ЭЙФЕЛЬ. Неужели я самый счастливый человек на свете?!

КОТЭ. Ханума сказала: маркиза будет твоей! Никто не в силах пойти против Ханумы...

(Инженер радостно вскакивает и бросается к дверям. Там он сталкивается с Хечо).

ХЕЧО Ва! Толкается! А еще в шляпе.

(Инженер извиняется и убегает).

ХЕЧО (Хануме). Ах, если бы ты знала, как я устал, Ханума... Постой, постой, ты откуда явилась?!

ХАНУМА. Не ори, как продавец сыра.

(Хечо бросается к дверям).

ХЕЧО. Зипо, пропало наше дело! Ханума путешествует!

Картина пятая

В одном из роскошных залов Версаля у глобуса высотой в два человеческих роста стоит князь и что-то измеряет. Зипо с лъстивой улыбкой смотрит на князя. Вбегает Хечо.

ХЕЧО. Зипо, злой ветер принес Хануму!

ЗИПО. Тс-с, замолчи, дурак! Ты где находишься? (Зипо склоняется к дверной ручке и прикусывает ее). Чистое золото! (Затем нажимает пальцем на кресло). Персиковым пухом набито! Завтра венчание!

ХЕЧО. Завтра не будет венчания!

ЗИПО. Это тебе мясник Шакро сообщил?

ХЕЧО. Ханума приехала!

КН. ВАНУ (не отрываясь от глобуса, без интереса). Какая Ханума, настоящая?

ХЕЧО. Отсюда щека, оттуда щека, посередине нос! Отсюда грудь, оттуда грудь, посередине родинка.

КН. ВАНУ. Бедняга, видно, утомил тебя поход... Соберись и приблизься. Вот Тифлис! 42 градуса, 41 ми-

нута, 25 секунд западной долготы и южной широты, помнишь?

(Хечо отодвигает палец князя от точки, обозначающей Тифлис, прикладывается к глобусу и жадно целует).

ХЕЧО. Вах! Лишь бы быть на его широте и долготе, а там пусть лежу на крапиве и пусть меня кипящим маслом поливают!

КН. ВАНО. Ты лучше послушай, какие у нас родились планы. Каспийское море соединяем с Черным и вместо них разливаем одно «Море любви».

ХЕЧО. Зипо, дай чачу, чтоб немножко сравняться с вами.

(Хечо пьет из бурдюка водку и, зашатавшись, кричит). Давай, князь, я уже с вами!

ЗИПО. Ты увидишь, как пойдет наш товар! Англичане и японцы на плотках приплывут к нам по Куре!

КН. ВАНО. Кура отменяется! Вместо нее ставим остров. А на нем расцветут розы для Колетт.

ЗИПО. Они нам английское сукно, а мы им — хурму и бадриджаны.

КН. ВАНО. Да! Бадриджаны! Я хочу в Европу прорубить окно!

ХЕЧО. Еще не прорубил, а Ханума уже влезла! Все бадриджаны нам раскидает!

КН. ВАНО (мягко и благодушно). Давай не портить эту ночь воспоминаниями о Хануме, поговорим о чем-нибудь приятном. Вот тебе как туземцу понравилась ли моя невеста?

ХЕЧО. Не женщиной она рождена! Из персиковой косточки вылупилась! Ханума здесь!

ЗИПО. Да сгорит твое гнездо, ворона! Объяснили тебе, в походе ты! Ва-а! Пойдем, князь, отдохни... Завтра рано вставать. (Хечо). А ты, дурак, заверни сыр, все твои видения от его запаха.

(Князь и Зипо уходят. Открывается окно. Вырисовываясь черным силуэтом на фоне луны, стоит Ханума).

ХАНУМА (Хечо). Тебя ищу, чернобровый!

ХЕЧО. Я же говорил, что она здесь! А они мне сказали, это из-за бурдючного сыра.

ХАНУМА. Да, я здесь, и они еще узнают, что это значит. Князь не женится на этой девушке!

ХЕЧО. Впусти в себя немножко совести, Ханума!
Жалко князя, бриллиант теряет...

ХАНУМА. А тебе этой девушки не жалко?! Бедная, оказывается, одна у матери!

ХЕЧО. Здесь мы все одни у матери, Ханума! (твердо). Это дело у тебя не выйдет, я говорю!

ХАНУМА (со злой улыбкой). Кто может пойти против Ханумы!

ХЕЧО (гордо). Вращенный на честной груди честный Хечо!

ХАНУМА. Вы слышали?! Честный Хечо пойдет против нечестной Ханумы! Ха-ха-ха! (Наступает на Хечо). Пусть ответит мне вращенный на честной груди Хечо, кто спалил на кэджорской дороге застрахованный дом?!

ХЕЧО (с ужасом). Вай, откуда она знает?!

ХАНУМА. Те пятьдесят рублей — подрядные деньги, — кто украл у Зипо и кто утопил в вишневом варенье?! Куда ты смотришь, посмотри мне в глаза!

ХЕЧО. Замолчи, женщина, — меня в кандалы закупают!

ХАНУМА. Кто выхватил у гимназистки пончик и скрылся?

ХЕЧО. Из-за этого пончика целый забор палок на мне поломали!

ХАНУМА (топает ногой). Замолчи! Кто в винной гостинице налил кипяток в сапоги Бровастому Мерабу? Отвечай, ослиный хвост!

ХЕЧО. Вай, живот! Живот! Все, оказывается, знает эта мать крапивы! Сибирь у меня позади останется, еще дальше загонит! Пожалей меня, я без материнского молока рос... Скажи, что ты хочешь от бедного Хечо?

Картина шестая

Ночь, тишина. Не спит только старый князь. В турецком халате, в кошах сидит за большим столом и пишет. В углу на диване спит, не раздевшись, Зипо, зажав коленями маленькую мутаку. В открытые двери зала, как мышка, входит Хечо. Бесшумно ступая, он подходит к окну и закрывает его, а затем, тихо подсев к князю, тоже начинает писать.

Князь Ваню достает из черкески газырь, посыпает землей бумаги, потом сдувает и, отойдя от стола, читает.

ᠶᠠᠨᠤᠨᠠᠨᠤ
ᠶᠠᠨᠤᠨᠠᠨᠤ

КН. ВАНЮ. «Любимый друг, мудростью, наукой, а также грамматикой и метафизикой восполненная Тэкла, сестра мне ты! Шесть часов тому назад по Гринвичу я со своим отрядом прибыл в стольный город Париж. Ах, как трудны были ностальгии! Разлука с отчизной и с тобой приносит моему сердцу печаль. Встретили меня великолепно, как полагается встречать человека нашего рода и фамилии, а встречающих было более восьмидесяти тысяч (Sic!). Впереди шествовала конница, а за ней зуавы с криками и возгласами «ура», а также с оркестром в два хора. Однако и мой Хечо не ударил лицом в грязь, он такую песню преподнес, что совсем не было слышно ни зуавов, ни музыки! Каналья из каналов! Р. S. Всю дорогу боялся, чтоб у него башпорта не потребовали. Верный друг Тэкла, сестра ты мне, и в Пруссии нас встречали с лаской, книгу обо мне, оказывается, сочинили: «Теория побед фона Фантисва». Р. Р. S. Сейчас мы стоим лагерем в одном славном замке, где жил Торкватто величавый. Ты молода, душа твоя прекрасна и многими любима будешь ты... Если встретишь Эндроникова, сердечный друг, передай подробности, назло, чтоб не зазнавался. Наверное, и Тифлис чувствует разлуку со мной. Должен признаться, великолепно нас встретили, более восьмидесяти тысяч было встречающих и оркестр в два хора. Привет Муравьеву-Нахичеванскому и князю Аргутинскому. Наверное, пьют кахетинское вино звериной крепости.

Молю бога о вашем здравии и остаюсь верный ваш друг и единоутробный брат князь Жан-Жак де Фантье.

Р. Р. S. Ах, да! Я женюсь! Прекрасной фамилии. Как музицирует! Такова приблизительно в общих чертах твоя долгожданная невестка! Прелесть! Если встретишь Эндроникова, все передай, пусть не зазнается и не дерзит. Христос с тобой!»

(Хечо кашлянул).

КН. ВАНЮ. И ты здесь? Не спишь? Волнуешься, наверное? Что ты пишешь? (Князь вырывает у него бумагу).

961935920
20241110333

ХЕЧО. Не читай, князь Один простой стих. дал покоя, насильно заставил себя написать.

КН. ВАНО. На Верийском спуске
Уксусный завод.
Там живет Маруся,
Двадцать один год!

Ах, какая прелесть! Только должен тебе сказать, друг мой Хечо, по собственному опыту знаю, стихи лучше пишутся зимой. Пример тому: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя...» Заклинаю, никому не говори, что и я стихи пишу.

(Часы торжественно пробили три раза. Князь выходит).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина седьмая

Площадь перед собором.

Братья Тэжэ в сопровождении полицейского отряда во главе с комиссаром полиции Виктором. Посредине площади сидит художник и рисует подсолнух. Свадебный кортеж.

Горбатый звонарь звонит в колокола: открываются двери собора, и церковный служка с низким поклоном приглашает молодых в храм. Маркиза протягивает руку князю.

КН. ВАНО. О, как долгов был путь к воротам рая! Идемте, маркиза! (Князь и маркиза приближаются к алтарю, перед ними предстает Хечо, облаченный в пурпурную мантию кардинала).

ХЕЧО (волнуясь). Маркиза де Турвиль... Маркиза де Турвиль-Вельмон-Сесиль-Колетт-Жаннетт де Шамборан, согласна ли ты стать женой генерала де Фантье?

(Маркиза покорно кивает головой).

ХЕЧО. Ваше превосходительство, генерал-мажор его величества кавалергардского полка князь Фантиев, согласны ли вы стать супругом маркизы де Шамборан?

КН. ВАНО. Слезы льются из очей!

(Хечо надевает кольца на руки маркизы и князя).

Князь внимательно принюхивается к какому-то запаху.

КН. ВАНО (апарт). Слышу знакомый запах. Наверное, этот пакостный Хечо бродит где-то рядом среди химер.

(Братья Тэжэ ставят перед маркизой и князем сейф; один из них протягивает князю бриллиант. Князь выхватывает у него бриллиант и бросает его в открытые двери. Бриллиант, сверкая всеми цветами радуги, катится по площади).

КН. ВАНО. Как?! Низкие страсти в храме божьем?!

(Полиция, братья Тэжэ, Зипо, все бегут на площадь за бриллиантом. Выстрелы, свист, шум).

КН. ВАНО. Перед очами вечно непорочной Девы Марии! Прощения прошу, пресвятая Дева, но сейчас ты сама увидишь, что станет с этими антихристами!

КОТЭ. Дядя, прости их!

КЕТО (Котэ). Ах, как сладостен твой голос!

ХЕЧО. Хотя бы башпорта не спросили!.. Сейчас нас побьют и поделом, очень уж мы разошлись!

МАРКИЗА (князю). Успокойтесь, прэнс, ради меня...

КН. ВАНО. Только ради вас, маркиза...

(Тэжэ кладут бриллиант в сейф).

ТЭЖЭ. Нотариальная контора приносит вам свои извинения. Будьте добры, укажите место, где можно будет вручить вам бриллиант?

КН. ВАНО. Там, где состоится свадьба! (Маркизе). Исполнилась мечта истерзанного сердца, судьба навеки соединила нас! Так где же наш экипаж?

(К князю подходит переодетый кучером Эйфель).

ЭЙФЕЛЬ. Прэнс, принцесса де Фантье сядет вот в ту карету, а вам предоставлена эта. Согласно французским традициям, до свадьбы молодоженам находиться в одной карете не полагается.

КН. ВАНО. А как же! У нас тоже так принято!

(Князь садится в карету. Колетт и Эйфель бегут к другой карете).

МАРКИЗА (тихо Эйфелю). Ах, Поль, князь бесподобен! Но мое сердце принадлежит тебе. Спешу, мы должны успеть обвенчаться!

ЭЙФЕЛЬ. Благослови вас бог, мадам Ханума!
(Пустой храм... Из-за алтаря с песней выходит кардинал Алоизиус. Он пьян. Под мышкой кардинал держит почти пустой бурдюк. Алоизиуса поддерживает Ханума. Хечо быстро снимает пурпурную мантию, а Ханума тем временем раздевает кардинала).

ХЕЧО. Пусть он тебя не лапает, Ханума, отлучу хриstopродавца. Кахетинское ему понравилось! Это вино извело грузин, а то нас сейчас больше французов было бы! Скажи, как ты уговорила его пойти на этот обман?

ХАНУМА. Лекарство от бородавок пообещала.

ХЕЧО. Что ты сделала с князем, женщина?! Вах, какой бриллиант потерял он!

ХАНУМА. Не печалься. Бриллиант у князя останется!

ХЕЧО (радостно). Правда, Ханума?

Картина восьмая

Оранжерея. Военный оркестр. Входит князь. Марш. Президент поднимает руку. Тишина.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Да здравствует принц Жан де Фантье, в лице которого Франция наконец-то обрела искреннего друга, ясного мыслителя и самого богатого человека, когда-либо существовавшего на нашей планете! Bravo, генерал!

ОБЩЕСТВО. Bravo! Bravo!

КН. ВАНО. Дамы и господа! Я считаю себя счастливейшим человеком, ибо божественная рука соединила мою судьбу с судьбой родины прекрасной маркизы де Шамборан. Да здравствует Франция!

ОБЩЕСТВО. Bravo! Bravo!

ПЛЕСИ ПИКЕ (строго, Галифе). Почему не видно супруги генерала?

(Входит машинист Порфиле, подходит к генералу).

ПОРФИЛЕ. Не могу больше ждать на этой станции... ни одного знакомого.... Когда детей вспоминаю, сердце в укус опускается. Дрова кончаются, скоро и паровоз затухнет. (Порфиле грустно оглядывает ста-

ринную мебель и диковинные деревья). Этого разве не долго хватит... Давай уедем, а?

КН. ВАНО. Ах, как ты умеешь надоедать! Паровоз и иди гулять. Посети оперу или какой-нибудь другой театр (незаметно выпроваживает машиниста из оранжереи).

ПЛЕСИ ПИКЕ (Галифе). Сделайте что угодно, но чтоб принцесса де Фантье немедленно оказалась здесь...

(Мадам Галифе отзывает комиссара полиции, дает приказ, после чего комиссар с полицейскими выбегают из оранжереи. И сразу же в противоположных дверях в сопровождении полицейских появляется Хечо. Один из полицейских подходит к мадам Галифе).

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Полковник Эванс вместе с неизвестной восточной дамой был задержан в северном пригороде Парижа, когда карета их мчала в сторону Британии...

ШАРЛОТТА (с недоброй улыбкой Хечо). Зря стараетесь, полковник Эванс...

ХЕЧО. Вай, пуп у меня заиграл, какое-то несчастье случится... Говорил я, что Ханума беду нам принесет! Ах, если б здесь был Длинный Геурк, я все на него свалил бы!

КН. ВАНО. Простите, мадам, но я должен сказать ему несколько слов. (Отводит в сторону Хечо). По-грузински спрашиваю! Зачем беспокоить стольких людей, или ты думаешь, что здесь хашная?! Где пропадал?! Почему ехал в сторону Британии? Посмотри мне в глаза!

ХЕЧО. Мой крестный Сато попросил маленькое зеркальце привезти. Кругленькое. Для ослика.

КН. ВАНО. Какой Сато, какой ослик, когда я венчаюсь! Говори, с какой женщиной тебя застали, а не то сниму с тебя шкуру!

(Снова открываются двери и полицейские вводят в зал Хануму).

ХАНУМА. Как поживаешь, князь? Говорят, женился в заграничах?

КН. ВАНО (пораженный). Ах! Так это не бурдючного сыра видение?

ХАНУМА. Значит, сватовства не признаешь, только по любви желаешь жениться? А что я скажу той бедной девушке, которая по тебе слезы льет в Ходжеванке?

КН. ВАНО. Умолкни, негодница!

(Двери снова открываются. На этот раз полицейские вводят маркизу и инженера Эйфеля).

КН. ВАНО. Ах, Колетт! Какое счастье, что вижу вас!

ХЕЧО. Вай, что сейчас случится! Никого не останется, кто бы рассказал все это в Тифлисе!

(Князь, взяв за руку маркизу, представляет ее обществу).

КН. ВАНО. Господа, имею честь представить вам принцессу Колетт де Фантье — звезду моего счастья!

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ. Bravo!

ПЛЕСИ ПИКЕ (братьям Тэжэ). Сейчас же передайте бриллиант!

КН. ВАНО (маркизе). Ты моя, моя навеки!

МАРКИЗА (упавшим голосом). Увы, прэнс, я не ваша супруга. Мой супруг — инженер Поль Эйфель. Вот он.

(О, трудно описать, что случилось с князем! Он опустил голову, у него задрожал подбородок, бледный лоб покрылся холодной росой. Князь прошептал пересохшими губами).

КН. ВАНО. Как так, а я? Это же...

ЭЙФЕЛЬ (смущенно). Мы только что обвенчались....

ПЛЕСИ ПИКЕ (в бешенстве). Инженер лжет! (Эйфелю) Милостивый государь, ваши шутки неуместны, вы лгун!

КОМИССАР ПОЛИЦИИ. Увы, господин президент. Инженер говорит правду! Мы только что задержали их, когда они, обвенчавшись, вышли из церкви святой Мадлены.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Но ведь венчание князя с маркизой произошло раньше, чем венчание в церкви святой Мадлены?! Их обвенчал сам кардинал Алоизиус!

КОМИССАР ПОЛИЦИИ. Кардинал Алоизиус был пьян от какого-то неизвестного вина с самого раннего утра!

ПЛЕСИ ПИКЕ. Так кто же был тот?

ХАНУМА. То был Хечо!

КН. ВАНО (печально). И ты, Хечо?!

КОМИССАР ПОЛИЦИИ (президенту). Их ^{жалкая} ~~соби-~~
чал тот субъект! Так что венчанье в соборе — ^{УМР135920}
комедия! ²⁰²²⁰¹⁰³³³

ПЛЕСИ ПИКЕ. Мадам Галифе!!! (Президент падает без чувств. Шарлотта, думая, что президент умер, кусает ручку зонтика).

ШАРЛОТТА. Прощай, Франция! (и падает).

(Комиссар полиции склоняется над той, что минутой назад была Шарлоттой Галифе, нюхает ее и резко выпрямляется).

КОМИССАР ПОЛИЦИИ. Цианистый калий! (закрывает Шарлотте глаза). И того, кто был комиссаром полиции, больше не будет! (С этими словами он прыгает в открытое окно и летит вниз головой навстречу верной смерти. Собравшиеся выглядывают в окно и вместе кричат: «Браво, комиссар!»).

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ. Я как вице-президент беру власть в свои руки. За мной, господа! (Министры, подхватив президента, следуют за его преемником).

КН. ВАНО (печально). В пустыне скрыться я хочу...

МАРКИЗА. Судьбе было угодно, чтобы раньше вас я встретила мсье Эйфеля (плачет).

КН. ВАНО. Ах, маркиза, утешьтесь!

МАРКИЗА. Прэнс, вы останетесь навсегда в моем сердце.

ЗИПО. Кето, дочка моя! Спроси маркизу, может, у нее какая-нибудь незамужняя подружка есть, а то опять уносят бриллиант!

(Тэжэ кладут бриллиант в сейф).

КН. ВАНО. Маркиза, вы покинули меня, как мелодия покидает струну... Будьте счастливы!..

(В это время князя тянет за рукав машинист Порфиле).

ПОРФИЛЕ. Отпусти домой, а, князь, пасха скоро...

КН. ВАНО. Ты еще не в Гранд-Опера?

(Порфиле послушно удаляется, успев подхватить этажерку с книгами).

КН. ВАНО (молодоженам). Так пусть этот день станет вашим праздником! Только простите, мы вас покинем на короткое время. Я хочу посоветоваться со своим отрядом.

(Князь выходит в другой зал, и все молча плетутся за ним. Тягостная тишина).

ХЕЧО (тихо, апарт). Видели землетрясение? Нет? Сейчас увидите...

КН. ВАНО (Хануме). О, вы, шекспировская ведьма! О, вы, сосуд с ядом! О, ты, очковая змея! Ужель не хватило тебе того, что ты сделала со мной в Азии? Теперь пошла по Европе черной чумой!!! (Князь выхватывает саблю). Вот нарежу сейчас тебя кружочками, как лук! Твори молитву!

(Котэ встает между Ханумой и князем).

КОТЭ. Опомнитесь, генерал! Это же скандал на всю Европу!

КЕТО. Ах, как сладостен твой голос!

ХЕЧО. Пожалей ее, князь, она не будет больше.

КН. ВАНО (Хечо). Заткнись, троянская лошадь! А то за ноги повешу вниз головой на той люстре! Как вы посмеялись над великой любовью... Я же никогда не ведал этого чувства... О-о-о... (Стонет). Но как же ты, Хечо, поэт, решил на такое...

ХАНУМА. Ну что случилось, подумаешь...

КН. ВАНО (устало). Уберите ее, а то, клянусь няней Маней, прибью.

ХАНУМА (уговаривая князя). Вот приедем в Тифлис...

ХЕЧО (Хануме). Молчи, непогода! Пусть погода скажет! Говори, князь! Говори, шербет молодой розы, говори, ирис, тута, говори, лунная ночь, говори, наш полководец, говори, что делать?! Как поступить?!

ХАНУМА. Я знаю, что делать...

(Князь стоит печальный, не поднимая головы, и считает пульс).

КН. ВАНО. Сто тридцать один, сто тридцать два... Я умираю, дайте мне Плутарха...

(Хечо дает ему персик. Князь отстраняет персик).

ЗИПО. Князь, уносят наш бриллиант!!!

КН. ВАНО. Пусть уносят к чертовой матери!

(Хечо с саблей в руках бросается на Хануму).

ХЕЧО. Вот сейчас я тебя введу в тень! Ах, ты, сто раз змея! Дала же слово — бриллиант у князя оста-

нется! Придумай сейчас же что-нибудь, а то я в себе такие силы чувствую, что живой не уйдешь, клянусь няней Маней!

ЗИПО. Быстрей придумай, Ханума, что-нибудь.

ТЭЖЭ (строго). С большим почтением сообщаем, что если в оставшиеся два часа генерал не женится, он навсегда прощается с «Монте-Розой» (Тэжэ удаляются).

ЗИПО. Думай, Ханума, думай!

ХЕЧО. Ты же обещала!

ХАНУМА. Я обещала?

ВСЕ ХОРОМ. Обещала!

ХАНУМА. Я обещала?!

ВСЕ ХОРОМ. Обещала! Обещала!

ХАНУМА. Я обещала? Ах, зачем я обещала!

Картина девятая

Лестницы собора. Хечо, одетый во все белое, как невеста.

ХЕЧО. Ах, Ханума, несчастье ты мое! Если я должен был выйти замуж, почему ты это в Тифлисе не устроила?! В Тифлис приедем — за каждую мою слезу шесть твоих возьму!

(Зипо с силой тащит князя).

ЗИПО. Другого выхода нету, черное дело надо побелить... Четыре тысячелетия смотрят на тебя, князь! Из-за обедневшего грузинского народа потерпи каких-то пять минут, и бриллиант будет наш... Посмотри на Хечо — разукрасили, как мертвеца!

(Князь Ваню, увидев напудренного и на помаженно-го Хечо, рукой закрывает глаза).

КН. ВАНЮ. Тьфу, на что похож, бросьте его в Сену!

ХЕЧО. Ты что нежничаеть?! Для тебя хорошего хочу, ведь я такие усы сбрил, что твой «Монте-Роза» — ослиная редиска перед ними. Все французы на меня смотрели, шептали: «Какая мама родила такую козочку!». До каких пор хочешь холостым ходить?!

КН. ВАНО. На червя белой черешни похож! Толь-
ко бы ночью не приснился! Пусть хотя бы сыр высе-
сит, не в молельню пастуха идем! Не видите, какая
религиозная архитектура, какие эвритмические фрон-
тоны!

(С этими словами гости из Грузии второй раз
вступают в собор.)

Снова звонит горбатый звонарь, снова раздаётся
молитва. Кардинал Алоизиус, уже без бородавок, бы-
стро совершает обряд, он с похмелья и не в настро-
ении. Вскоре все выходят на площадь. Там на лестнице
уже стоят братья Тэжэ, и один из них, почтительно
склонившись, протягивает Хечо бриллиант).

ТЭЖЭ. Рады вашему счастью, мадам Хечо, и пи-
таем надежды, что не забудете нашу контору, кото-
рая основана покойной Франсуазой Жоли Тэжэ в 1349
году.

(Братья Тэжэ удаляются, а Зипо вырывает у Хе-
чо бриллиант и передает князю).

ЗИПО. Ты держи бриллиант, а то он опять в
Англию убежит.

(Князь без интереса смотрит на камень и, не
зная, что с ним делать, передает Кето).

КН. ВАНО. Лучше уж ты поддержи, дочка, я могу
потерять. (Хечо). А ты скорее сними эту фату — на-
строение у меня портится, когда тебя с маркизой срав-
ниваю! Быстрее, нас ждут, господа!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина десятая

Оранжерея. Торжественная тишина. Длинный стол
накрыт строго и красиво. Президента вкатили в коляс-
ке, волнения последних дней довели его до паралича. В
углу вице-президент и министры ставят рулетку. Двери
широко раскрываются и в зал с песней вступают князь,
Кето, Зипо, Хечо, Котэ и солдат Егор.

КН. ВАНО. Да здравствует прекрасная Франция!

ПЛЕСИ ПИКЕ. От имени Франции и от своего
имени желаю вам и вашей супруге счастья!

КН. ВАНО (с бокалом в руке). Ах, да! Господин/ президент! Господа! Мои дорогие дети, Кето и Котэ, будьте счастливы, ибо, как говорит небоподобный Плеси тон...

(По тайному сигналу президента вице-президент запускает рулетку, и та издает характерные звуки. Князь, вздрагивая, настораживается и как замороженный идет на звук. Все следуют за ним).

КН. ВАНО. Котэ, друг мой, что это там в углу? Если не ошибаюсь, какая-то азартная игра?

ПЛЕСИ ПИКЕ (шепотом, министрам). Он плывет в наши сети. Молитесь, господа!

КОТЭ. Да, дядя, это действительно рулетка. На триста лет отстали мы от Европы.

КН. ВАНО. Должен же я чем-нибудь утешиться.

ЗИПО (ласково). Как умный человек говорю: не в свое дело не лезь.

КН. ВАНО. Таинственный голос говорит мне, что это что-то интересное... (Князь продолжает путь к рулетке. Хечо забегает спереди и преграждает ему дорогу).

ХЕЧО. Давай бороться! (с задором). Я сильнее тебя!

КН. ВАНО. Уймись... (Кето). Дай, пожалуйста, бриллиант.

ХЕЧО (молитвенно сложив руки). Пойдем к окну, князь, проветримся.

КОТЭ. Дядя, ты ведь никогда не играл.

КН. ВАНО. Тем более должен же был я когда-нибудь сыграть.

ЗИПО. Князь, смотри, что написано в книге (достаёт из мутакки книгу гаданий). Вот в «Ефрем Вердь»¹ написано, что один высокий грузин своим умом сегодня свое счастье перевернет на заходе солнца.

СОЛДАТ. В книгах и мы разумеем. Иван Евстафьевич, иди потешься, родненький, иди, отец...

(Князь подходит к рулетке).

КН. ВАНО (крупье). Я желаю сделать ставку?

КРУПЬЕ. Воля ваша, прэнс...

¹ «Ефрем Верди» — гадальная книга.

² Автор приносит извинения, он никогда не играл в рулетку и о правилах игры самого смутного представления.

(Князь кладет на стол бриллиант. Все в ужасе. Хечо успевает подставить Зипо кресло).

ХЕЧО. Где бурдюк с валерианой?

КРУПЬЕ. Не изволили бы, прэнс, делать ставку по частям? Ибо ваш выигрыш не смогли бы оплатить все игорные дома мира.

(В углу никем не замеченный стоит какой-то незнакомец. Одет он в строгий твидовый костюм, в руках держит трость из индийского сандала, глаза его прикрывают большие темно-синие очки, рядом с ним стоит маленький мулатик. Незнакомец делает шаг вперед).

НЕЗНАКОМЕЦ. Я в силах оплатить любой выигрыш.)

КРУПЬЕ (поблагодарив). Делайте ставку, господа.

(Незнакомец тростью указывает нужное поле и мулатик кладет на него чек).

ПЛЕСИ ПИКЕ (панически). Немедленно займите все дороги, порты, телеграф, подведите к Парижу гвардию и узнайте, кто он такой!

КОТЭ (шепотом). Дядя, я случайно услышал, что на том поле, на котором играешь ты, за последние сто лет никто не выигрывал. Немедленно поменяй поле.

КН. ВАНО. Нет!

ХЕЧО. Говорят тебе, поменяй! Это не бадриджан, это «Монте-Роза»!

НЕЗНАКОМЕЦ (с тонкой улыбкой, князю). Вы играете впервые?

КН. ВАНО (с улыбкой еще тоньше). Беседа с вами украсила бы конец нашей игры и явилась бы бриллиантом моих воспоминаний. (Незнакомец едва заметным кивком дает знать крупье, что готов к игре. Князь тоже кивает головой. Крупье пускает шарик. Наконец шарик остановился.

Крупье подвигает лопаточкой бриллиант и чек Незнакомцу. Зипо падает в кресло).

ЗИПО (со стоном). Хечо, пнявку быстрее! Он и мои деньги проиграет.

ХЕЧО. Кето! Зипо умирает! Может, успеет что-нибудь тебе сказать... Ух, князь! Что тебе говорит твой святой Георгий?!

(Князь достает из чохн несколько пачек денег, одолженных ему Зипо, и небрежно бросает на то же самое поле).

ХЕЧО. Что советует тебе твой сумасшедший дядя?

КН. ВАНО (снисходительно). Я эгоцентричен, Хечо...

КОТЭ. Злой рок преследует тебя, будь осторожен, дядя!

КЕТО. Ах, как сладостен голос твой, Котэ!

СОЛДАТ ЕГОР (крупье). Крути, балда!

(Крупье запускает шарик. Тишина. Снова все стонут. Крупье вновь подвигает лопаточкой выигрыш Незнакомцу, и маленький мулат все забирает).

ХЕЧО. Все время вокруг тебя кружусь, пожалей хотя бы меня, я несчастный человек, в простой липовой люльке рос...

КН. ВАНО (гневно). Нет больше сил выслушивать о твоих люльках! Если ты еще раз упомянешь какую-нибудь люльку—ореховую, березовую, кизилую, ежевичную, все равно, — не знаю, что сделаю с тобой! Улыбайся, как я, не позорь меня!

ХЕЧО. Улыбаюсь, склад сахара...

КН. ВАНО. Ах, если б сейчас видел Эндроников, как я спокоен.

(Хечо протягивает ему две пятикопеечные).

ХЕЧО. На, возьми это! Думал, умру, глаза прикроют, из Тифлиса забрал. Возьми, и когда будешь проезжать через Мухету, пирожки купи...

(Хечо берет из угла цеховое знамя и накручивает на рукоятку. Незнакомец с любопытством смотрит на Хечо).

КН. ВАНО (Незнакомцу). Вы, кажется, о чем-то хотели меня спросить?

НЕЗНАКОМЕЦ. Прэнс, если вы не против, я согласен продолжить игру. Я ставлю бриллиант, ваш последующий проигрыш и своего слугу. Я остался бы доволен, если бы вы поставили вашего знаменосца со своим знаменем. (Незнакомец тростью показывает на Хечо).

КН. ВАНО. Согласен. Но заранее должен вас предупредить, чтоб не ввести в заблуждение. Это не мое боевое знамя, это просто хоругвь тифлисских офицеров.

НЕЗНАКОМЕЦ. Один маленький вопрос. На что способен этот субъект, кроме ношения знамени?

КН. ВАНО. На что он способен?.. На что он способен? Ах, да! Поет песни на собственные композиции, готовит вкусное харчо, хорошо переносит побои, невосприимчив к ругани и потомственный горожанин.

ХЕЧО. Кето, душка, о чем они говорят? Почему на меня так смотрят?

НЕЗНАКОМЕЦ. Стивенс!

(Он прикладывает трость к спине своего слуги-мулата, тот сразу же прыгает на рулетку и становится там, куда ему указывает тростью Незнакомец. Князь тоже прикладывает саблю к спине Хечо).

КН. ВАНО. Хечо, прыгай!

ХЕЧО. Куда, джейран?

КН. ВАНО. Стань вот в тот квадрат.

ХЕЧО. Как с тобой познакомился, на полу лежачу!

КН. ВАНО. Хечо, неудобно, джентльмен ждет. Прыгай!

СОЛДАТ ЕГОР. Батюшка, может, мне прыгнуть, а?

КН. ВАНО. Спасибо, милейший. Лучше пусть он.

ШВЕЙЦАР (в дверях): Коммерсанту Зипо. Телеграмма из Фойло. «Ослы в Гурджаани вздоржали вдвойло».

ЗИПО. Ва, слышишь! (с подсвечником бросается на Хечо). Прыгай! Голым на улице стою!

КН. ВАНО. (Зипо). Твой гнев справедлив, честный человек, но Хечо не виноват, откуда ему знать правила рулетки, на зеленом базаре рос. Ну, иди прыгай, Хечо, ты же умный.

(Хечо лезет на рулетку).

ХЕЧО. Будь я умным, не имел бы с вами дела. Вина хотя бы дайте, а то голова разламывается! (На столе он сталкивается со Стивенсом). Обманывают тебя, князь! Сдачу потребуй, я лучше него в тысячу раз! Я столько кишмиша ел!

НЕЗНАКОМЕЦ. Успокойте знаменосца. Скажите ему, что если я его выиграю, он побывает в тропиках, в южном полушарии.

КН. ВАНО. Слышишь, Хечо, ты побываешь в жарких странах! О, сколько ты увидишь, как расширится

твой кругозор! Каких только зверей ты ни встретишь: / ягуаров, львов, тигров, обезьян, пум! Какую флору и фауна! Какие деревья, кусты!

ХЕЧО (с горькой улыбкой). Золотце, тигр будет?

КН. ВАНО. Разумеется!

ХЕЧО. Лев будет? Обезьяна будет?

КН. ВАНО. Ну, хватит, Хечо, всемо свое время...

Переходи туда.

ХЕЧО. Куда туда?

КН. ВАНО. Вон туда, где я обычно играю.

ХЕЧО. Ты что?! Там тигры, обезьяны!

ЗИПО (с подсвечником). Стань там, где тебе велят, и заткнись.

(Хечо поднимает высоко знамя и становится на указанном поле).

ХЕЧО. Давай, князь! Иду в плов для львов! Скажи этому разбойнику, пусть хоть мои кости пришлет, сделай из них рукоятку для сабли и на ней напиши: «Бедный Хечо».

КН. ВАНО. Начнем, пожалуй...

КРУПЬЕ. Начнем.

ХЕЧО. Вах, мой Тифлис, какого человека теряешь, тобой рожденного!

КН. ВАНО. Твои слова вонзаются кинжалом в сердце!

ХЕЧО. Вай, мой Авлабар! Вах, мой Инвалидный тупик!

КН. ВАНО. Хечо, мне дурно, мне нельзя волноваться, я буду смешон! (К крупье): Начинайте!

(Крупье запускает шарик).

ХЕЧО. Вах, ты мой Тифлис! Твоего Хечо без хвоста на дерево загоняют!

КН. ВАНО. Ну, почему ты так любишь этот восемь раз сожженный Тифлис?!

ХЕЧО. Ты спрашиваешь, почему я люблю этот восемь раз сожженный Тифлис? (Пауза). Когда ранним утром оторвешь голову от рваной, дымом пахнувшей мутаки, чачу со звоном опустишь в живот, и там она залягает, как потерянная собака, и выведет тебя из твоей конуры, как наместника из дворца, и там у дверей два барана, сценнвиннеея рогами и за всю ночь не сумевшие разойтись. Перешагнешь через них и пойдешь вниз, в город! Из только что открывшейся кузницы вы-

летит первая искра и больно ушибнет за щеку, а с бора Грошуа, старый пёс, выстрелит в ухо и выведет водку из головы. Из окна Пупли Орбелиани вылетит кость, по влажному от росы лбу проведет след и тут же сядет шестеркой. Поцелуешь ее и в окно обратно бросишь.

КН. ВАНО. Ах, Пупли, Пупли! Не напоминай мне о нем! Угас великий человек!

ХЕЧО. На тротуаре вчерашний пестрый след улитки, как с неба плавшая, засохшая радуга. Перешагнешь через него осторожно, не сотрешь и продолжишь путь. А там в синей грязи черная свинья с горбатым носом. Пинком разбудишь ее и «здравствуй!» скажешь. На Цицнановском подъеме проснется в фаэтоне грузинский князь, вкусно шлепнет тебя по шее и снова заснет.

КН. ВАНО. Да! Как шлепну его по шее и снова засну. Продолжай, Хечо, время еще есть, пока шарик крутится.

ХЕЧО. А там солдат продает сапоги, натертые курдючным салом... С горба кашмирского верблюда серебряный колокольчик капнет на тебя прозрачной слезой, и проведет верблюдов мимо заснувшего на ходу перса в атласном халате. У родника монахиня прохладит ножку, а ты свернешь на Инвалидную...

КН. ВАНО. А Тамрико Такаишвили в это время сушит волосы в окне, кушает нугу и лимонадку пьет! Продолжай, Хечо, пока шарик крутится!

ХЕЧО. Выйдешь за город и станешь, как верстовой столб. У ног твоих бегущая с самого Сололаки вода разойдется через камень, как женские волосы... Из-под земли, как грибы, вдруг заявятся вместе и Свистни Ванно, и Хлопай Гигго, и Выдуманый Саркис, и Ротразорванный Гола, и Старый Арто, и Ударь Эгнатэ, и Присядь Арчил, и Прокурор Гиглабуца! А когда зашипят шашлыки, девушки нас вспомнят! Ах! Эта Будка Нина! Ах, эт Глазастая Вардо, Тьфу Маро, Пожалей Соця, Маминна Маша...

КН. ВАНО. Что за общество?! Сокращай и прямо переходи к пиршеству!

ХЕЧО. Еще незнакомая с петушком курочка, рыба в уксусе и гранате, индюк, ласково пожаренный на огне, со своей зеленью! Кабул-плов, пезжио привезенные

в город персики, салат из роз, трубочка! Когда в голо-
ве услышишь гудение от кахетинского, когда оно
гословенное, осторожно возьмет тебя и посадит, как
больную птичку, на полочку печальных воспоминаний,
когда стакан от него станет тяжелым, вот тогда начи-
нается самое главное!

КН. ВАНО. А когда в бане проснешься и холодной
сливой по лбу проведешь...

ХЕЧО. По лбу проведешь и баннику бросишь,
выйдешь на улицу и по звездам дорогу до дому най-
дешь. А там, у дверей твоей конуры с бабочкой встре-
тишься. Она упрется в твою усталую грудь и домой не
пускает пьяного. А потом попросишь — пожалует и
улетит, стряхнув на твою папаху пыль, и в прическе
сиротки Кето кончит свою короткую жизнь. Вот поче-
му я люблю этот восемь раз разоренный Тифлис! Или
вспомни, князь, когда пойдет первый снег и нос чешет-
ся...

КН. ВАНО. О-о-о! Я проиграл тебя, мой знамено-
сец!

(Крупье осторожно лопаточкой подвигает Хечо к
Незнакомцу. Хечо простирает руки к князю и плачет).

ХЕЧО. Мой полководец! Не заржавел ли курок у
твоего пугача? Или стреляй в меня, или подари. Или
саблей пройдишь по плечам. С каким трудом я вырос!
В дезинфекционной камере сидел. На лошади крещен!

КН. ВАНО (в ужасе). На лошади?! Сын, мой
сын!!! Мой Элизбар!!!

ХЕЧО. Элизбар? Какой Элизбар? Кто такой Элиз-
бар? Меня зовут Хечо, и эта муха смерти ведет меня к
обезьянам!

(Князь прыгает на рулетку и заключает Хечо в
объятия).

КН. ВАНО (с рыданием). Мой сын! О, великий
боже, благодарю тебя, что сжалился над бедным от-
цовским сердцем и дал найти Элизбара, моего сына,
утешение моей одинокой старости!

ХЕЧО. Котэ, он чачу пил? В чем я провинился, что
Элизбаром зовет. Позовите врача. Зипо он тоже приго-
дится, кажется опять умер, бедный. Князь, успокойся,
кто не проигрывал бриллиант? Бывает... Сейчас врач
пустит тебе кровь, и я опять буду просто Хечо...

(Но князь никак не унимается).

КН. ВАНО. Это же друг мой, Муравьев-Нахичеванский с Макаевым-Австрийским вместе крестили тебя на скаку! (Князь сходит с рулетки и падает в кресло). О, как прекрасна была твоя мать, я не забуду ее небесные черты. О, дорогая, прости! Весь остаток жизни я обещаю посвятить твоей памяти! Да! Я должен покинуть свет и найти в молитвах прощение! Решено! Я должен постричься в монахи в Мцхетском монастыре!

ХЕЧО. Меня львы и обезьяны скушают, а ты в это время во Мцхете стрижься-бриться будешь!!!

НЕЗНАКОМЕЦ. Прэнс, я готов продолжить игру.

ЗИПО: Вай, Зипо, спасай голову, пока и ты льву в пасть не попал!

ХЕЧО. Князь, я думал, ты один на этом свете, а вот и пара тебе нашлась! Давай, Зипо, поплывем к тигру! Кето, Котэ, быстрее спасайтесь, пока и вашу голову не проиграл этот разбойник!

КН. ВАНО. Держи хвост гривой, Элизбар! (Незнакомцу). Я вас слушаю, сударь.

НЕЗНАКОМЕЦ. Я ставлю бриллиант, проигранные вами деньги и знаменосца со знаменем. Я буду доволен, если вы соизволите поставить вашу шпору, всего одну, какую именно — на ваше усмотрение...

КН. ВАНО. Что-о-о!!! Как вы смеете, сударь, предлагать подобное мне, принцу де Фантье, генерал-майору лейб-гвардии, полному Кавалеру Георгиев, святого Станислава с бантиками?!

КОТЭ. Генерал, опомнитесь, это же скандал на всю Европу!

КЕТО. Ах, как сладостен твой голос!

ХЕЧО. Что он сказал, на что теперь хочет играть?

КН. ВАНО. Кто смеет требовать мою железную шпору, подарок в бозе почившего императора, святую память, свидетеля всех моих побед, верного друга, мою офицерскую честь!.. О-о-о!

ХЕЧО. Душу зубами держу, а ты из-за одной ржавой шпоры всех хочешь погубить! На белом сахаре вскормленного человека так ни за что, ни про что прогрываешь. А где твой конь? Был у тебя лошак, да и того прокутил в «Белом духане»! Клади шпору!

КН. ВАНО. Нет! Нет и нет!

ХЕЧО (тихо, со слезами на глазах). А еще рединой отец!

КН. ВАНО. Ликуй, Эндроников! (Князь свистит шпору и бросает на стол). Что скажут в Пруссии? Что скажут в теннис-клубе?

(Крупье запускает шарик. Тишина. Шарик останавливается. Восторженные крики. Крупье лопаточкой подвигает мязю выигрыш -- бриллиант, Хечо, деньги и шпору).

ХЕЧО. Так меня скорпион не укусит?

ПЛЕСИ ПИКЕ (вице-президенту). Немедленно объявите войну! Англии, Испании, Румынии и, если никто не захочет, от моего имени попросите Пруссию. Она-то не откажет. Мы призовем этих в армию, а там посмотрим.

(Незнакомец, ни ка кого не глядя, с каменным лицом идет к дверям, но не дойдя, падает в обморок. Кто-то из министров подбегает к лежащему на полу Незнакомцу, снимает с него очки).

МИНИСТР. Это же Родригес Маркос Валнерера! Автор теории рулетки, франкмасон, по происхождению баск! Баск мертв!

(Мулатик поет печальную песню. Князь, забрав у крупье лопаточку, бриллиант и деньги, пододвигает президенту с ласковой улыбкой).

КН. ВАНО. Именем моего отряда примите этот скромный дар! Купите детям Франции ирис и лимонад. Пусть помнят дядю Жана де Фантье!

ХЕЧО. Вай, дядя-джап!

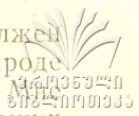
КОТЭ. Вай!

ЗИПО (показывает на колонну). Смотри, Хечо, как криво построили.

СОЛДАТ ЕГОР. Ну и что, у наши еще больше болтается.

ПЛЕСИ ПИКЕ. Прэис, ваше благородство и рыцарское великодушие потрясают меня! Трудно выразить то душевное состояние, которое... Ах, маленькие дети!.. Как они любят ирис!.. В их крошечных сердцах навеки останется доброе лицо дяди Жана!.. А что же касается бывших детей, то они просят принять подарок -- соляные копн у Агзевана.

МИНИСТРЫ. Браво, Плесн Пике!

КН. ВАНО. Искренне благодарен. Однако, должен вам сказать, что согласно бытующему в нашем народе поверью, рассыпанная соль — предвестник ссоры. Мне не хотелось бы омрачать будущие отношения наших стран и ставить их под серьезную угрозу конфликтов. Прощайте, господа! Прощай, прекрасная Франция! Прощайте, дети, большие и малые!

(Князь, ни разу не оглянувшись, выходит из оранжерей).

Картина одиннадцатая

Раннее утро. Перрон вокзала.

КН. ВАНО. Господа, наступает знаменитый парижский рассвет!

(Зипо вздыхает и задувает вокзальную лампу).

ЗИПО. Значит, керосин зря тратится.

ХЕЧО (с восторгом князю). Выходит, я не Хечо.

КН. ВАНО. Разумеется, нет.

ХЕЧО. И не полковник Эванс?

КН. ВАНО. Ну конечно, нет...

ХЕЧО. И не невеста?

КН. ВАНО. Нет.

ХЕЧО. И не латинский поп?

КН. ВАНО. Нет и нет.

ХЕЧО. Значит, тоже что-то вроде князя?

КН. ВАНО. Ну, конечно же, князь!

ХЕЧО (с восторгом). Значит, и меня в цинковом гробу похоронят? И у меня тоже будут долги? Значит, мы с тобой, как две розы на одной веточке!

КН. ВАНО. Да, ты — князь, мой сын! Фантиашвили, а не Эндриков! К слову, князь, отломни немножко сыра, а то боюсь ремень с саблей потерять...

(Хечо срывает с себя шапку, в которой он хранил сыр, но там ничего нет).

КОТЭ (Кето). Потерпи еще немного. Мы будем в Тифлисе и там вкусим первую любовь!

КЕТО. Ах, как сладостен голос твой нежный!

ХЕЧО. Все это прекрасно, но какое состояние мы потеряли. Что сказать тете Тэкле! Ах, какой был большой бриллиант!

КН. ВАНО. Наш бриллиант — росинка на траве!

(В тишине вокзала раздается женский крик: по перрону бежит маркиза с распущенными волосами. За ней мчится Эйфель).

МАРКИЗА. Жан! (обняв князя). Я люблю вас, принц! Почему вы так жестоки, почему вы так ранили мое сердце?

(Князь освобождается нежно из объятий маркизы и медленно ведет ее по перрону).

КН. ВАНО. Маркиза, позвольте выразить вам искреннюю благодарность за то, что вы зажгли в моем сердце тот божественный огонь, которого я никогда не ведал в жизни. И хотя, о маркиза, вы неизлечимо ранили мое сердце, я с великим восторгом буду вспоминать тот крошечный отрезок времени, когда я, будучи в неведении, был проникнут верой в вашу любовь ко мне. Утешением моего опечаленного сердца останется лишь то, что вы связали судьбу вашу с таким блистательным представителем инженерного мышления, каким является господин Эйфель, звезда которого оказалась счастливее моей звезды. И когда ваш супруг возведет эту поразительную башню, я прошу вас, маркиза, одним осенним днем подняться на нее с камелиями в руках и подарить ваш взор Востоку. Вы там увидите неприступные горы, на одной из вершин вы заметите одинокую фигуру солдата, пронзенного стрелой злой судьбы, на мраморном лице которого, о повелительница души моей, вы заметите грусть по вечной гармонии, ибо утешение опечаленного сердца, как говорил небоподобный Платон... Прощай, Колетт! Прощай, моя первая и последняя любовь! Прощай, мечта моя!

(По лицу князя текут слезы, все плачут).

МАРКИЗА. Жан! Жан!

(Эйфель со слезами на глазах подходит к ней, раскрывает зонтик, нежно берет ее под руку и уводит с перрона).

«Жан!»—еще раз доносится откуда-то из Парижа.

Вдруг послышалась песня, и в танце на перрон вылетает фиолетово-серая стая балерин, впереди которых, шатаясь, бежит машинист Порфиле с бутылкой шампанского в руке).

КН. ВАНО. (машинисту). Где наш паровоз?

ПОРФИЛЕ. Фийт!

КН. ВАНО. Что значит «фийт»?!

ПОРФИЛЕ. Продал я его! А что ты думал, когда посылал к этим девушкам?!

КН. ВАНО (с завистью). Но почему тебе это пришло в голову? Ты подумал, как мы будем возвращаться в Тифлис?

ПОРФИЛЕ. Конечно, думал! А как же! Я запомнил дорогу. Вот так пойдем по этим шпалам, дией через двадцать свернем направо... (Балеринам): Девушки! Остался бы с вами, но дома жена меня ждет и восемь душ детей.

(Балерины, танцую, удаляются. Зипо снимает туфли, приготовившись к долгому пути).

ХЕЧО. А в дороге что будем есть? Желуди?

(Солдат собирает под хилым кустом землю и дает понюхать Хечо).

СОЛДАТ ЕГОР. Скоро у них сеять должны начать. Будем пахать, сеять, не пропадем.

КН. ВАНО (с восторгом). Да, да, я ведь тоже больше не солдат! Я пахарь!

(На перрон выходит мулатик Незнакомца, одетый в лохмотья. Он несет клеточки с птичками).

КН. ВАНО (Хечо). Элизбар, дай мне те пятикопеечные, которые ты забрал для глаз.

(Хечо дает деньги. Князь подходит к продавцу птиц).

КН. ВАНО. Мальчик, дай мне ту синюю птичку. (Князь выпускает птицу в небо). Привет маркизе!

(Князь идет по шпалам впереди всех. Над головой проплывает шар с тифлисским осликом.

Тихо поют песню в три голоса).

Перевод с грузинского автора

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

Строительство Жинвальской ГЭС — один из особо ответственных объектов X пятилетки. О ходе этой стройки грузинские гидростроители будут рапортовать XXVI съезду Компартии Грузии и XXVI съезду КПСС.

Молодой писатель Мико Морчиладзе, находясь в длительной творческой командировке ЦК ЛКСМ Грузии, работает на этой стройке проходчиком. «Жинвальские хроники» — его попытка создать «социальный портрет» одного из высокогорных районов Грузии — Душетского — с постановкой острых, еще не решенных проблем, уделяя пристальное внимание «болевым точкам» нашей действительности. Автор обращается к вопросам миграции сельского населения, говорит о многих трудностях, связанных со строительством Жинвальской ГЭС, об охране исторических памятников.

В этом номере мы публикуем только фрагмент задуманной им большой работы — цикла очерков и проблемных публицистических выступлений. Но и он дает повод для живого обсуждения поставленных вопросов с привлечением широкого круга специалистов различных отраслей — строителей, экономистов, плановиков, работников Комитета по охране памятников, с тем чтобы на основе научного анализа закономерностей общественного развития разобраться в серьезных экономических, экологических и социально-психологических проблемах.

Мико МОРЧИЛАДЗЕ

ЖИНВАЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда мы находимся за пределами Грузии, нас часто просят охарактеризовать, назвать общие черты грузин. Просьба, казалось бы, простая, однако очень трудно выполнимая. Грузин может быть брюнетом или блондином, голубоглазым или черноглазым, — выеюким или низким; то, что действительно отличает его от представителей других наций, следует искать в

душе грузина, и тут мы имеем множество типов в лице бес-
смертных героев, завещанных нам грузинской литературой.
Любой народ в художественном творчестве стремится заведе-
нуть свой собственный образ, и грузинскую литературу никак
не упрекнешь в невыполнении этой задачи.

Пытаться отыскать в этой огромной галерее образов наи-
более общую и характерную для них черту — занятие почти
безнадежное, однако я все же рискну назвать одну из важ-
нейших особенностей грузинского народа — это удивитель-
ная способность одновременно жить в трех временных измере-
ниях: прошедшем, настоящем и будущем. Здесь, мне кажется,
уже не имеет значения социальное положение, образователь-
ный ценз или внешний облик. Просто каждый, кому дорога
Родина, воспринимает любые изменения в ней, особенно же —
сдвиги, связанные с современной урбанизацией, болезнен-
но. Одно дело — строительство на безлюдных территориях,
перемещение гор, осушение морей, «сотворение» новых озер.
И совсем другое — подобные новшества в местах, исторически
густо заселенных, где, прежде чем перенести на другое место
хоть один камень, нужно не раз подумать.

В Грузии почти любое строительство оказывается перед
такими проблемами, и для того, чтобы лучше изучить их, я
решил остановиться на таком районе, а в нем — на таком
строительстве, которое, подобно природе грузинского народа,
тоже существует одновременно в трех измерениях, и на его
примере детально во всем этом разобраться. В этом смысле
очень показательным строительством ЖинвалиГЭС.

К этому строительству пришли через мучительные раз-
думья о том, что с его началом будет заполнен и навсегда уй-
дет под воду богатейший исторический пласт от деревни Жин-
вали до Ананурской крепости. Знаменитые арагвские прибреж-
ные леса будут выкорчеваны, флора и фауна — истреблены.
Местные жители вынуждены были оставить очаги отцов и де-
дов и переселиться в места, которые будут выше уровня воды,
изменить характер своего труда. Но Жинвальский комплекс-
ный гидроузел помимо того, что даст полмиллиарда киловатт
электроэнергии в год, должен полностью решить острейшую
проблему водоснабжения г. Тбилиси.

Сорокадвухкилометровая подземная река, закованная в бе-
тонные трубы, будет поставлять в столицу Грузии 18 кубо-
метров воды в секунду — почти в два раза больше, чем город
получает сегодня. Это позволит обеспечить водой столицу Гру-
зии с учетом ее развития, строительства новых предприятий,
роста населения минимум на полвека.

После завершения строительства появится огромное водо-
хранилище, которое изменит экологические условия в ущелье.

КОМАНДИРОВКА

— До Душети не подвезете?

— Садитесь...

Водитель представился первым: Папукашвили Джемал,
23 года, ветврач, сам из села Гремисхеви, а работает, оказа-
лось, в Тбилиси и теперь возвращается домой.

— А почему вы не в селе работаете?

— Была бы работа, стал бы я гонять туда-сюда! А другие, думаете, почему бегут? Говорят, в селе птицеводческий комплекс строят, так я там с удовольствием буду работать, пусть только построят! — ответил он.

Потом он рассказал про Гремисхеви. Это, оказывается, большое и даже известное село в четырнадцати километрах от Ламискана, деревни, откуда был похищен Гурамишвили. Там есть своя крепость. Как выяснилось, жителям Гремисхеви лезгинь в свое время немало досаждали: однажды больше двух недель бродили вокруг села, но так и не смогли никого похитить, потому и назвали село Гремисхеви. Гремь — крепкий. Теперь крепость частично развалилась, а в главной башне устроили сельпо, сообщил Джемал.

Когда мы подъезжали к повороту на Душети, показался ряд белых пятиэтажных домов Жинвали.

— Гремисхевицы работают на ЖинвалиГЭС?

— А как же, говорю ведь: была бы работа, так зачем людям из дому уходить, сидеть сложа руки они не будут! Проведут дороги, построят предприятия — покинутые села тут же, глядишь, наполнятся людьми. Разве город может тягаться с нашей природой — какой воздух, вода, красота какая!

Машина свернула влево и стала взбираться по душетскому подъему. На подступах к городу нас обогнала черная «Волга».

— Наш новый секретарь райкома, — заметил Джемал. — Из здешних, животновод по специальности, Кереселидзе.

— Ты его знаешь?

— Лично не знаком, говорят — энергичный. Дело свое любит, может, и вправду сумеет комплекс тот быстрее построить...

Мы проехали автовокзал, у перекрестка, на маленькой площади с установленными по кругу лампами развернулись и остановились.

— Гостиница здесь, райком здесь же, и исполком тоже, Вам куда нужно?

— В райком.

— Тогда вам в эту дверь, — показал он и завел мотор. Красный «Жигуленок» взревел и сорвался с места. Джемал помахал мне из окна рукой, и машина скрылась за поворотом.

Для гостя первая встреча имеет очень большое значение; Джемал Папукашвили из Гремисхеви оказался моим первым проводником в этом царстве доброты и чудес.

Я приоткрыл тяжелую дверь райкома и вошел. В коридор вышла молодая светловолосая женщина, она куда-то спешила.

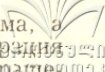
— Извините, на каком этаже здесь райком комсомола?

— Входите, — пригласила она, открывая дверь, обитую черным дерматином.

Так я познакомился с первым секретарем Душетского райкома комсомола Эленэ Арабули.

Беседуя с ней, я делал записи. Вот некоторые из них.

— Душетский — самый большой район в Грузии. По своей территории он больше Аджарии... Все четыре времени года

здесь можно наблюдать одновременно, где-то, скажем, зима, а по соседству — еще осень... Главная проблема — миграция молодежи. Трудно обеспечить население работой... Возвращение в горы? И такое бывает. Несколько семей вернулось. В основном интеллигенция. Недавно приехал окончивший институт молодой доктор — его предки были здесь известными врачами... Занимательных и удивительных историй — сколько угодно... Покажем вам строителей, с героями труда познакомим, с начальником строительства... Вот где — интересное и удивительное. — Дверь приоткрыл молодой брюнет. — Наш шофер — Хвтисо, — представила вошедшего Эленэ. Мы обменялись рукопожатием. — Через десять минут будем на ЖинвалиГЭС, — обнадежил меня Хвтисо, и мы двинулись.

Командировка — это в первую очередь необходимость кого-то и что-то искать. Это долгие дороги, новые знакомства, чужие города, порою предвиденные и непредвиденные опасности и занятые приключения. Иногда тебя интересует тема, иногда — личность, иногда — спортивное мероприятие или какое-нибудь чудо природы.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы в командировку ездили за тридевять земель, в какой-нибудь забытый богом уголок.

Любопытное и доселе незамеченное можно обнаружить рядом с нами, в самых обычных, самых привычных явлениях. Важно, что тебя интересует, какая цель движет тобою, что именно ты хочешь увидеть. Цель моей поездки проста и ясна. Грузия и современная урбанизация. Наша Родина, ее прошлое и настоящее. В какой связи находится все это с современностью, строительством, новыми социальными преобразованиями.

Для этого-то мы и решили рассмотреть Душетский район, самый большой в Грузии; строящуюся на его территории ЖинвалиГЭС и, наконец, три временных измерения, в которых он пребывает.

Очертаниями Душетский район напоминает миниатюрную карту Грузии. И здесь важно не только внешнее сходство. Все радости и горести современной Грузии в этом районе наиболее обнажены и открыты взору.

Перед горными районами Грузии стоит серьезнейшая проблема, особенно перед теми, которые наиболее удалены от центральных дорог.

Прежде чем строить, частенько приходится разрушать. Это тем более относится к крупным стройкам. В чем заключаются преобразования последних лет в самом большом районе Грузии? Вопрос сложный. Постараемся нарисовать по возможности полную картину этого процесса, а пока я хочу предложить вашему вниманию некоторые статистические данные по Душетскому району, которые сообщил мне главный статистик Душети Бадзиа Чинчараули.

Территория района, как уже было сказано, самая большая в Грузии — 298 тыс. кв. км., население же сравнительно невелико, всего 39400 человек. Преобладают люди пожилого

возраста, молодежи до 22-х лет оказалось много меньше — всего 16 тысяч.

К сожалению, миграция в города — болезнь не только Душетского района, и не только Грузию беспокоит опустение сельских местностей. Результат один, причины различные, если, конечно, исключить самую главную причину — стремление улучшить бытовые и культурные условия жизни.

Разумеется, одного мнения писателя недостаточно, чтобы разобраться в сути проблемы и нарисовать объективную картину. Здесь необходимо учесть мнение компетентных людей, партийных работников, экономистов, непосредственно с этим связанных, их отношение к тем или иным вопросам. Поэтому я и обратился к первому секретарю Душетского райкома партии Гамлету Кереселидзе с рядом вопросов. Наша встреча протекала в атмосфере сердечности и общей заинтересованности, и я с удовольствием познакомлю читателя с содержанием нашей беседы, с отношением руководства района к поставленным в статье проблемам, с его планами и путями выполнения этих планов. Я беседовал с ветврачом из Гремисхеви Джемалом Папукашвили, с первым секретарем райкома комсомола Эленэ Арабули, с зампредисполкома Душетского района Фридоном Фридонашвили, с заведующей районным отделом просвещения Кристинаэ Башарули и с главным статистиком района Бадзиа Чинчараули.

Отрадно, что многие проблемы района одинаково волновали нас всех, мы были единодушны в стремлении к общей цели. Хотя, впрочем, не всегда...

Хочу напомнить вам слова Эленэ Арабули: «Главная проблема — это миграция молодежи. Трудно обеспечить население работой...»

Гамлет Кереселидзе: Верно, трудно обеспечить население работой. Больше всего людей, четверть населения, занято в сельском хозяйстве. Это пять колхозов и четыре совхоза. Ну, а что касается других областей... Тут очень мало рабочих мест, да и те уже почти все заняты. Особенно это касается Душети, Пасанаури, Анаури... Хотя у нас имеются потенциальные возможности трудоустройства населения. Я имею в виду открытие местных промышленных предприятий и развитие туризма. Говорить есть о чем, а главное — есть что делать. Через Шатили проходил туристический маршрут. Была база. Теперь ее ликвидировали. Этот маршрут можно восстановить. Прекрасными зимними спортивными базами могут стать села Хада, в Квешетском сельском Совете, и Дидвели. Это всего в 120 километрах от Тбилиси, по Военно-Грузинской дороге, гораздо ближе, чем всемирно известный Бакуртани, тогда как условиями — количеством солнечных дней и горнолыжными трассами они ничем ему не уступают. Тут прежде всего следует сказать, что район сам не в состоянии сделать необходимых для этого капиталовложений. А вот обслуживающий персонал у нас, конечно, найдется.

Фридон Фридонашвили: Развитие туризма, промышленности в первую очередь связано со строительством. Строительных организаций в районе всего семь. Из них — од-

на ударная комсомольская стройка — ЖинвалиГЭС. Примечательно, что ЖинвалиГЭС уникальна не только в техническом отношении. В практике гидростроительства это, наверное, единственная ГЭС во всем Союзе, которую строят только местные жители: начиная от прокладчиков тоннелей и кончая начальником управления, все они — из Грузии. Было время, когда строительство стопорилось, план из года в год не выполнялся. Один за другим сменялись начальники стройки. Со второй половины 1978 года во главе строительства встал опытный инженер Автандил Чаладзе. По специальности он — автодорожник. Дорога в тбилисский аэропорт, реконструкция площади Героев, Джвари-Джихаишская дорога — эта тройная победа достаточно его характеризует. Опираясь только на местные силы, он сумел меньше чем за год вывести строительство из отстающих в передовые. Интересен и о многом говорит хотя бы тот факт, что в 1979 году было проложено 2360 погонных метров тоннелей — это больше, чем за предыдущие шесть лет. Такого поразительного успеха удалось добиться прежде всего благодаря правильной организации труда, внедрению прогрессивного метода бригадного подряда и опираясь на личную инициативу молодежного рабочего и инженерно-технического состава. Следует отметить и то, что из 45 душетцев, работающих на стройках, 308 — почти половина — трудятся на строительстве ЖинвалиГЭС. Разумеется, возможность использования местного населения в качестве рабочей силы — не единственное благо, которое принесло району крупное строительство. Надо сказать, что текучесть кадров на нем очень невелика. Здесь уделяется большое внимание повышению профессионального уровня рабочих. Не каждый желающий, даже профессионал, принимается на работу сразу. Он сначала должен пройти испытательный срок, поработать со своими будущими коллегами и трудом, личными своими качествами доказать бригаде, что достоин быть ее членом.

Что касается промышленности, то в районе всего восемь промышленных предприятий, на которых работает ничтожное меньшинство населения, менее одного процента. А молодежи и того меньше — 0,4 процента...

К сказанному Фридоном можно добавить, что в районе нет ни одного техникума или профтехучилища. Есть театр, стадион, плавательный бассейн. (Кстати, по количеству бассейнов Грузия занимает последнее место в Союзе). Бассейн построен, но не функционирует, об этом мне еще в Тбилиси сказали. В Душети питьевой воды не хватает, до бассейна ли тут, его даже ни разу не наполнили... Как видите, не только в Тбилиси ждут Жинвальское водохранилище. В свое время и Вахушти писал: «Места возле Ананури виноградные, плодами обильные, но из-за отсутствия воды малоурожайные...»

Уважаемый читатель, я прошу прощения за такое обилие цифр, и, если вам еще не слишком наскучило и вы намерены читать дальше, то наберусь смелости обратиться к вам еще с одной просьбой: вооружитесь карандашом и на основании приведенных выше данных попытайтесь решить простую логико-арифметическую задачу, которая выглядит так: почему

пустеют села? Или: почему молодежь покидает район? И этим цифрам и вытекающим из них заключениям социологов, демографов, экономистов мы не раз вернемся, а пока хочется сказать еще несколько слов о миграции.

В районе решено строить профтехучилище широкого профиля. А пока? Пока район направляет молодежь на учебу в другие места. На то у района был специальный план, и тут мне кое-что представляется странным. Известно, что с каждым годом людей в районе становится все меньше и меньше. При таких условиях этот план вроде бы должен уменьшаться, а тут наоборот — в прошлом году пришла заявка уже на триста подростков.

Оказалось, что районным отделом просвещения «рекрутируется» еще свыше трехсот молодых людей, которых направляют в профтехучилища центральных районов республики.

— Этот план очень трудно выполнить, — говорит Кристина Башарули, заведующая районным отделом просвещения. — Мы их чуть ли не силой отправляем. В Душети и Пасанаури людей не хватает, так мы из дальних сел привозим молодежь, чтобы послать их в училище.

— Вы располагаете данными, сколько выпускников этих училищ вернулись в свои села?

Таких данных не оказалось. Только секретарь райкома комсомола Эленэ Арабули припомнила, как однажды, по инициативе того же райкома, приехали тридцать выпускников (в основном — зоотехники) и были распределены по объектам.

— А остальные?

Профтехучилища готовят людей по профилям больших заводов и фабрик, по их заявкам и распределяют учащихся... Район ежегодно планомерно теряет самую жизнедеятельную часть своего населения.

— Калбатано Кристина, мне говорили, что прежде план у вас был меньше; как вы объясняете эту неувязку между уменьшением количества населения в районе и увеличением по плану числа учеников, отправляемых в профтехучилища?

— Какой план мне присылают, такой я и должна выполнять. Те, кто его составляют, лучше знают свое дело, не мне с ними спорить.

Я извинился за беспокойство и ушел.

«Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою».

Важа Пшавела

ПРОБЛЕМЫ

Если вы помните, я назвал Душети царством доброты и чудес, между тем приведенные статистические данные настроили читателя совсем на иной лад. Не сказав пока ничего хорошего, я уже наговорил немало плохого. Утешаюсь тем, что задолго до меня было принято друзьям говорить правду в лицо. И опыт этот себя оправдал.

Ясно, что такая статистика смущает и тревожит не только меня. Партийным и советским руководителям Душети я ничего нового этим не скажу. Они куда лучше, чем я, знают плюсы и минусы своего района, и делают все, от них зависящее, чтобы исправить положение. Трудоустраивают население, улучшают условия труда и быта. Совсем недавно вошла в строй оснащенная современной техникой теплица. «Вы давали объявление в газету, что нужны рабочие руки?» — В ответ смех: «Какое объявление — всего-то нужно тридцать рабочих».

А душетицы постепенно покидают родные края. Едут работать в Мцхета, Тбилиси, Рустави; уезжают из Грузии — в Орджоникидзе, в Павлодар, в Сибирь, или на север, в Москву, в Ленинград. Разве дома нет работы? Не будет же уехавший на работу человек жить один — он обзаведется семьей, пустит корни на новом месте и тогда разве что на праздники или к поминальному столу и выберется на родину. Говорят, в Душети был техникум, и его перевели во Мцхета. Не знаю, насколько была оправдана подобная щедрость.

«Трудно обеспечить работой население». Эти слова Элеизараби Арабули напомнили мне одно восточное изречение: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Возьмите текстильное производство в Тбилиси — на любом предприятии, на любой швейной фабрике одна и та же картина: больше половины работниц приехали из самых различных уголков Грузии.

Они поселяются в общежитиях или у родственников своих родственников, в тесноте, или снимают угол, или живут в близлежащих селах и оттуда ездят на работу. В связи с этим у меня возникает один вопрос: а нельзя ли филиал той же швейной фабрики или некрупное производство железоскобяных изделий построить здесь, в районе, — тогда ведь и район не опустеет, и работа у людей будет?

Во всем мире вошла в моду выделанная овчина. Лучшей одежды в зимних условиях трудно и пожелать. Соболя и тигровые шкуры, конечно, чуть-чуть получше, но они и дороже в десятки и сотни раз, и добывать их очень сложно. В Грузии издавна принято носить одежду из овчины. Спрос на нее и сейчас велик. Наверное, никто не назовет это фантастикой, если на минуту представить большой производственный комплекс, где работают цеха по стрижке овец, заготовке и расфасовке мяса, прядильный цех, а также снабженный соответствующей учебной базой дом модельного пошива, укомплектованный талантливыми модельерами и художниками (грузинам не откажешь во вкусе и умении одеваться), с собственным фирменным магазином, который вскоре — я уверен в этом — стал бы известен не только в Грузии и Советском Союзе. Такого типа маленькое предприятие пытались организовать и раньше, причем компетентное жюри в Москве не могло отличить шпунтовую в Душети дубленку от канадской.

Гамлет Кереселидзе: Выделка кожи — старинная, традиционная «специальность» нашего района. К сожалению, сейчас этим занимаются лишь немногие умельцы. В Булачау-

ри есть маленькая артель, которая производит переработку принимаемой от населения кожи. Но этого недостаточно. Мы не раз обращались в Министерство местной промышленности с просьбой помочь нам организовать большой комбинат. У нас и сырье есть, и условия, и традиции, и рабочие руки. Слово за министерством.

Автор: Конечно, можно и нужно сделать так, чтобы человек, впервые приехавший в Душети, не пожимал недовольно плечами: столько бездельников, собравшихся у городского сквера, — что, у них работы нет?

В последнее время по радио, телевидению, в прессе ведется большой разговор о создании животноводческих комплексов. С голубого экрана нас призывают помочь находящемуся за тысячи километров Нечерноземью. Пустыни, тундру, места, где не ступала нога человека, превращают в сады. А в Грузии, всего в часе езды от Тбилиси, приходит в запустение благословенный край, тысячелетиями хранимый и обжитой. Ведь можно — и даже, думаю, необходимо — создать в наших горных районах современные животноводческие комплексы, оснащенные по последнему слову техники, где переработка молока осуществлялась бы на месте, изготовлялась бы не так быстро портящаяся и легче транспортируемая продукция — масло сливочное, топленое, сыр. И качество продукции тогда будет выше, и, что самое главное, люди не будут уезжать. Не станут стремиться в город в поисках работы.

Гамлет Кереселидзе: Относительно больших комплексов я с вами не согласен. В горах это нереально, для комплекса необходимо минимум шестьсот голов скота. В высокогорных селениях трудно строить, и, главное, трудно ухаживать за скотом, заготавливать корма. Я думаю иначе. Нужно построить фермы-коровники современного типа, хорошо механизированные, голов на пятьдесят. Мы уже построили такие в Шуапхо, Гомецари, Кучуча, Хана. Дали им и немного техники. Такие фермы оправданы еще и тем, что в высокогорных селениях, где всего десять-пятнадцать дворов, с большим поголовьем не справиться. Вдобавок мы хотим возродить там традиционный горский кустарный промысел. Ковроткачество. Резьбу по дереву. Художественную обработку камня и металла. Поверьте, такие села уже не опустеют. В то же время производственное объединение «Солани» взяло на себя лишь незначительную часть решения этой проблемы.

Что касается животноводческих комплексов, то мы их тоже строим, только преимущественно в долинах. Например, в Базалети...

Автор: Наша страна очень велика. Очень многокрасочна и многолика. Где-то, скажем, произрастают цитрусы и чай, а где-то и картофель не приживается. Наверное, все помнят, как одно время в Грузии вырубали виноградники и сеяли кукурузу. Оправдало ли это себя?

Конечно, нет! Точно так же, думается, мания великомасштабных решений виновна в том, что к жителям гор и долин подходят с одинаковыми мерками. Нельзя одинаково оценивать землю морского побережья и Гудамакари. Нельзя

предъявлять к ним равные требования. Жить в горах, да еще в нынешних условиях — и так уже великое мужество... В то время как замученную малярией Колхиду и побережье расправили, в горах почти ничего не изменилось, только электричество да радио провели. А ведь главное, что приближает горцев к культурным центрам, — это дороги. Даже телевидения там еще нет. Поэтому-то многие и уходят из сел Пшав-Хевсурети. Механизация в горах — дело очень сложное, а при бездорожье и по-давню. В этих условиях надо всячески помогать горцам, облегчать их жизнь.

А у нас, как видно, нередко происходит обратное. Вот что сказал мне Хвтисо, когда вез меня из Душети в Жинвал:

— Хоть бы кто-нибудь объяснил мне, чем это так тяжела работа на чайной плантации по сравнению с трудом овцевода!

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Как же не спросить, если в Западной Грузии почти в каждом колхозе десятки героев Труда. Семьи есть, где по несколько Героев Труда вместе работают. А из пастухов только один удостоился этого звания...

Пусть никто не подумает, что я хочу противопоставить почетный труд сборщиков чая труду пастухов, однако в том, что сказал Хвтисо, чувствуется боль, волнующая горцев. Я только передаю его слова. Этот факт заставил меня задуматься...

Четырнадцатого июля 1979 года в Цив-Цкаро, недалеко от Ананури, праздновали День овцевода. Традиционный народный праздник открыл первый секретарь райкома Гамлет Кереселидзе. Много нужных и важных слов было сказано тогда. Выступали пастухи, партийные и советские работники, представители районной интеллигенции, гости, приехавшие из Мцхета, Казбеги, Гори, Тбилиси... Народные поэты читали стихи, дети пели, плясали. Ветераны пастбищ благословляли молодых пастухов, накидывая им на плечи бурки. Отличившихся награждали ценными подарками. Затем праздник продолжили спортсмены района, потом — ансамбль «Иверия»... Все это можно счесть ответом на вопрос Хвтисо, но все же не полностью. Что правда, то правда — никому из овцеводов, кроме пастуха из Млети Карамана Гагадзе, звание Героя Труда присвоено не было. У жителей гор много наболевших проблем, им во многом нужно помочь. Внимание партии и правительства постоянно приковано к этому району. Был принят ряд постановлений, в которых предусматривалось решение многих острых проблем. Так, в феврале 1971 года было принято совместное постановление ЦК КП Грузии и Совета Министров СССР об улучшении жилищно-бытовых условий в Пшав-Хевсурети и высокогорных селах Душетского района, а в декабре 1976 года — постановление о мерах по дальнейшему улучшению экономики и культуры Душетского района. Блестяще снятый фильм «Пастухи Тушетии», получивший мировое признание, столько сказал на эту тему, что я не стану больше задерживать ваше внимание. Я просто напомнил — вот и все.

Гамлет Кереселидзе: Наиболее проблемной сегодня по-прежнему являются дороги и, конечно, еще раз дороги. Если присмотреться к нашему району, можно заметить, что миграция меньше коснулась придорожных местностей. И наоборот, оттуда, где нет дорог, народу уходит все больше. Помимо большой проблемы — прокладки дорог, тревожат еще вопросы их содержания и эксплуатации. Например, мы считаем, что дорога Жинвали — Шатили должна быть выделена в отдельный участок со своим техническим оборудованием.

Автор: Как говорится, где тонко, там и рвется, и горы всегда остро ощущали на себе всю сложность выполнения решений, которые принимались без учета естественных условий. Животноводство района понесло чувствительный урон, когда был введен жесткий лимит на поголовье личного скота, при котором владение десятком овец вменялось горцу в вину и когда ему не разрешалось иметь вместе двух коров и трех телят. Помимо чисто материально-экономического ущерба, введение лимита вызвало сильную, непредвиденную миграцию, и горы еще более обезлюдели. Ныне постановка вопроса диаметрально изменилась. Лимит, как вредное и нездоровое явление, упразднен, сейчас государство стремится заинтересовать население в заготовке мяса. Покупает его дороже, чем продает. Результаты не заставили себя ждать.

Теперь не только крестьяне, но и сельская интеллигенция и служащие стараются откармливать скотину. Многие рабочие и инженеры, работающие на строительстве ЖинвалиГЭС, имеют свое хозяйство. Опытный инженер, начальник технического отдела Вахтанг Касрадзе, главный механик строительства Резо Чхеидзе, Герой Социалистического Труда, заместитель начальника шахты номер два Георгий Цулейскири еще и рачительные хозяева. Их небольшие приусадебные участки могут показаться райскими садами. Есть у них и птица, и свиньи. Один только Вахтанг Касрадзе в прошлом году сдал государству шестьсот килограммов мяса. За оврагом, рядом с рабочим поселком, администрация ГЭС по специальному проекту выстроила свинарники и безвозмездно передала их населению. А до того между соседями в поселке часто происходили недоразумения, ссоры из-за того, что некоторые жители пятиэтажных домов держали в подвалах кур и свиней. Для новых свинарников администрация предусмотрела и штат свинарок. Как сказала мне секретарь Жинвальского местного Совета депутатов трудящихся Натела Пицхелаури, в прошлом году многие рабочие и служащие ЖинвалиГЭС сдали скотину на мясозаготовки. Среди них: шофер Александр Ганиашвили, механик Александр Тетрашвили, проходчик Георгий Пицхелаури, бульдозерист Ника Гулбаташвили, начальник паспортного стола Тамара Дзидзишвили, шоферы Ушанги Джоколашвили и Годердзи Бичашвили, проходчики Гоги Огбаидзе, Мито Тигишвили и Автандил Давитури. Один только механик Александр Тетрашвили сдал на мясозаготовки свыше тридцати голов свиней за год. Целая ферма! Разве не похвально?! «Результат был бы лучше, если бы существовало организованное снабжение комбинормами», — говорит Вахтанг Касрадзе. Наверное, и оно вскоре будет налажено.

Прошло уже много времени с момента претворения в жизнь решения об укрупнении колхозов и совхозов, а раздоры и споры вокруг этого вопроса не прекращаются и по сей день. Если на равнинах, на больших земельных площадях такая административная мера действительно была прогрессивной и укрупнение хозяйств себя оправдало, то в высокогорных районах вышло наоборот. «Беларусь» — мощный трактор, в открытом поле он в один день вспашет столько, что и сотне лошадей не под силу. А в горах — и одной борозды не проведет. В районе уже предприняты первые шаги к разукрупнению хозяйств. Так, Арагвиспирский совхоз разделен на две самостоятельные единицы: Чопортский и Арагвиспирский совхозы, что уже дало ощутимые результаты.

Гамлет Кереселидзе: Я с вами согласен. Укрупнение колхозов и совхозов нанесло большой ущерб району. В селах, **маленьких хозяйствах** был свой административный аппарат, дело было хорошо организовано. Были люди, была работа. Местные колхозы обслуживались своими машинами, которыми также пользовались для перевозки населения. После укрупнения **маленькие хозяйства** опустели, жизнь в них захирела.

От Самцхе-Саатобаго осталось одно название. Тушети и Хевсурети почти опустели, а тех, кто не хотел уходить оттуда по своей воле, мы спустили в долину чуть ли не силой. Чтобы кто-нибудь, не дай бог, не остался обойденным благами современной культуры! Такое же положение в Верхней Раче, в горах Мегрелии, в Саджавахо. А конкретно, только в Душетском районе после войны опустели и прекратили свое существование когда-то большие, густонаселенные села.

В Шатильском сельсовете: Лебанскари, Гуро, Цукино.

В Гуданском сельсовете: Мисахо, Эсачо. В селении Блоо осталась лишь одна семья, а до войны здесь было тридцать девять дворов. В деревне Дзедзурта было тринадцать дворов. Сейчас — только один.

В Укана-Пшавском сельсовете: Арахиджа, Вахневи, Кутхи, Чичо, Цителлаурта.

В Магарокском сельсовете: Саберце, Охерхеви, Маграни, Кимхи, Ачеха.

Все это произошло в те времена, когда переселение людей с места на место считалось достижением. В свое время вокруг кампании по расселению горцев в долинах был поднят большой ажиотаж. Это мероприятие восхвалялось в стихах, повестях, поэмах. Были сняты и фильмы — «Парень из Сабудара», «Они спустились с гор» и другие. Сторонники расселения в долинах всячески уверяли нас, что горы, их старина, традиции — есть отсталость, что асфальтовый тротуар лучше горных троп. Были созданы новые хозяйства, появились новые поселки, новостройки. Было запланировано и построено — индустриальным методом — множество домов в поселках, похожих как близнецы. Нечто среднее между городской бесцветностью и деревенской неустроенностью. Об этом много писалось и говорилось. Освоение новых равнинных земель не учитывало особенностей жизни, быта и традиций жителя гор.

Гамлет Кереселидзе: Переселять горцев нельзя было

ни в коем случае. Им совершенно чужда работа в долине, та-
мошней быт...

Автор: Кроме того, нельзя не сказать, что искusstвенное
переселение горцев, помещение их в непривычные климатиче-
ские условия привело к тому, что многие из них заболели.
Фтизиатры считают, что резкая перемена климата вызвала
среди переселенных хевсуров вспышку заболеваний туберку-
лезом, чего раньше, когда они жили в горах, у хевсуров не
наблюдалось. Конечно, в наши дни эта болезнь не смертельна
и не является неизлечимой, как это было во времена Важа
Пшавела, но ясно одно: случайные, непродуманные решения,
как правило, ничего, кроме убытков, не приносят.

Наверное, читателю небезынтересно будет ознакомиться с
некоторыми статистическими выкладками, которые дают до-
вольно ясную картину миграций. Вот данные четырех сельсо-
ветов Душетского района о текучести горского населения за
последние три десятилетия.

По Укана-Пшавскому сельсовету:

1939 г. — 161 двор, 777 человек,
1976 г. — 77 дворов, 209 человек,
1979 г. — 68 дворов, 180 человек.

По Барисахскому сельсовету:

1939 г. — 226 дворов, 834 человека,
1976 г. — 157 дворов, 683 человека,
1979 г. — 138 дворов, 573 человека.

По Гуранскому сельсовету:

1939 г. — 367 дворов, 1445 человек,
1976 г. — 109 дворов, 470 человек,
1979 г. — 71 двор, 359 человек.

По Шатильскому сельсовету:

1939 г. — 211 дворов, 1073 человека,
1976 г. — 75 дворов, 352 человека,
1979 г. — 61 двор, 234 человека.

Как видим, время наилучшим образом выявило негативные
стороны ошибочных резолюций. Сегодня большое внимание
уделяется укреплению районных кадров, возрождению жизни
в горах. Вот последний пример такого подхода к делу: вновь
забилась жизнь в покинутой кахетинской деревне Череме, ле-
жащей среди отрогов Цивгомборского хребта, что и отметили
на страницах газеты «Соплис цховреба» Г. Варадашвили в ста-
тье «Человек идет в Череме», и Т. Мамаладзе в интересной ста-
тье «Край мой родной» (газета «Коммунисти»). Здесь же нужно
отметить, что стоящее на пути возрождения село Череме — по-
ка единственное. Инерция оставления гор и переселения в го-
род все еще очень сильна, и в настоящее время куда больше
народу устремляется с гор, из деревень в города, нежели об-
ратно.

Гамлет Кереселидзе: В Ананурском сельсовете до
1946 года существовало селение Пптави, в семнадцать—восем-
надцать дворов. Прекрасное хозяйство, красивая местность. Но
из-за бездорожья люди покинули это село и переселились в

Ананури. Строительство ЖинвалиГЭС, можно сказать, спасло эту деревню. Новая дорога, построенная выше зоны затопления, проходит близ Питави, и сейчас у нас на повестке дня восстановление, так сказать, реанимация этого селения.

Автор: Трудно покидать родные места и продолжать жить пусть недалеко — в Тбилиси ли, в Рустави, в Алвани, в Самгори. Боль о покинутой земле мучит многих переселенцев. Некоторых земля зовет так властно, что они бросают новые жилища и опять возвращаются в горы. Другим множество причин мешает вернуться, однако боль остается до конца. Истинный рыцарь грузинских гор, поэт-философ Важа Пшавела тоже ведь остался в Тбилиси; больной чахоткой, лежал он в лазарете Святой Нино и просил: «Если хотите меня вылечить, увезите меня в горы, положите среди зеленых деревьев, дайте хоть разок на траве да в листьях поваляться... Увезите же меня в горы, на вольный воздух и, бог свидетель, смерть тогда не справится со мной... А здесь мне не понравится никогда, запомните это!»¹

«Я оповестил грузинские редакции о желании Важа уехать в горы, чтобы вовремя что-то предпринять, но меня заверяли: жизнь Важа в надежных руках: нельзя придавать такого значения капризам больного. Я безнадежно махнул рукой»²

Так лаконично, без прикрас рассказал о последнем желании Важа Пшавела, его неисполнившейся мечте, писатель и общественный деятель Иосиф Имедашвили в сборнике воспоминаний «Книга моей жизни». Сколько боли, не правда ли, в этом желании: «Если хотите меня вылечить... дайте хоть разок на траве да в листьях поваляться...»

Не знаю, как другие, а я всегда предпочитал скромные цветы гор искусственно выведенным и выращенным в оранжереях гвоздикам и розам. Бродя в горах, всегда удивляешься: цветов в горах бывает в течение дня засыпан снегом, полит дождем, высушен солнцем — и все равно он всегда прекрасен. Можно наступить на него, а через некоторое время он, как ни в чем не бывало, поднимает головку и колышется в траве. Невежды утверждают, что горные цветы не пахнут... Неправда! Запах их нежен, как память о родине, и проникает очень глубоко. Только надо подойти поближе, склониться перед ним и поднести свое сердце, чтобы почувствовать все это, ощутить тепло и прелесть родной земли. Но если сорвать его... Не пройдет и минуты, как от его красоты, аромата, силы не останется ничего. И шагу ступить не успеешь, как он увянет в твоих руках. Унести его нельзя. Нельзя возить по свету в ящике, как голландский тюльпан. Не поможет ему и прекрасное оформленное немецкое средство, дающее гарантию, что срезанная гвоздика будет десять дней стоять в вазе как живая... Сорвал — и все, ни черенком его не пересадишь, и не привьется он нигде. Не жить ему больше... Так же, как невозможно перенести куда-нибудь, переселить неповторимость гор,

¹ Иосиф Имедашвили. «Книга моей жизни». Тбилиси, «Хеловнеба», 1978 г. стр. 233.

² Там же, стр. 235.

их неба, душу народа... Если хочешь, смотри, добудься, наслаждайся его красотой, сиянием, но только здесь. В долину его не унесешь, он неотъемлем от горных вершин. Это еще одна интересная особенность гор. Хотя уже и хозяев остается все меньше, и любоваться некому...

Как-то по телевизору показывали маленькую деревушку в глухом уголке Сибири. Председатель тамошнего колхоза рассказывал о своем житье-бытье. Мне запомнилась одна деталь. В школе не хватало учеников, и поэтому местный отдел просвещения решил закрыть эту школу. «Если закрыть школу — пропадет село», — несколько раз повторил с экрана далекий сибиряк. Он не отдал школу. Спаслась деревня, встала на путь возрождения. А теперь поглядим, как обстоят дела в Душети. Опять хочу воспользоваться данными Бадзия Чинчараули. Из ста двадцати начальных школ более половины закрылось. Закрылись восьмилетка и средняя школа. Со дня на день ожидают закрытия еще нескольких школ. Зачем далеко ходить — в таком же положении находится родина Важа Пшавела! Чаргальская школа может в нынешнем году прекратить свое существование.

У Министерства просвещения есть такой порядок: если в классе меньше пяти учащихся, класс закрывается. Хорошо, а как быть с теми четверьками, которым не удалось найти пятого товарища, чтобы иметь возможность учиться? А посему их родители стремятся в долины, туда, где есть школа — и опять пустеет село. Тут, вероятно, следует найти компромиссное решение и добиться такого положения, когда, в порядке исключения, в сельских районах будут открыты классы с меньшим количеством учащихся. Подлежит решению и проблема нулевых классов. Порядок таков: чтобы открыть нулевой класс, требуется двадцать пять детей. Однако очень редко в одном селе может набраться столько шестилетних детей, вот ребята и остаются без «нулевки». И снова деревня пустеет. По точным данным на 17 января 1979 года, лишь 48 процентов всего населения остается в деревне. Больше половины жителей Грузии — горожане! Восклицательный знак-то я поставил, хотя, кажется, вообще не такую уж радостную новость. Наша столица стала городом-миллионером и день ото дня все растет за счет приезжих.

— В город! В город! — ревет тысячная лавина, принося Грузии больше ущерба, чем снежные обвалы, и теперь в Тбилиси скопилась пятая часть всего населения республики. Футурологи предполагают, что количество горожан вскоре достигнет критических размеров и начнется миграция из города в деревню. Из долин — в горы. Это дело не столь уж далекого будущего. В нашей столице тоже следует ожидать этой вонистину спасительной минуты.

Разве мало мы знаем сел в Картли и Кахети, на побережье и в Тушети, от которых остались только название, развалины старой, изуродованной надписями церкви да руины крепостных стен, скрепленных прочным известковым раствором!.. И они идут...

Перевод Александра ЗЛАТКИНА

Валентин ОСКОЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ ГРИГОЛА АБАШИДЗЕ*

Углубленно исследуемая советским многонациональным историческим романом неразрывная связь времен целеустремленно и последовательно направляет повествования Григола Абашидзе, хотя писатель нигде не прочеркивает ее прямыми линиями сюжета, как делают это, скажем, Павло Загребельный, Ануар Алимжанов или Николай Дубов в романах «Диво», «Сувенир из Отрара», «Колесо Фортуны». Но к общей для всех крупномасштабной теме — философской теме личности — народа — истории — обращены романы «Лашарела», «Долгая ночь», «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин», составившие эпически панорамную трилогию о закате «золотого века» средневековой Грузии в преддверии «долгой и темной ночи» монголо-татарского ига. Противоречие между величием этого «золотого века» и изнутри подтачивающей его разрушительной работой истории питает социальные конфликты и нравственные коллизии повествований, укрупняет их драматизм, отзываясь в раздумьях действительных и вымышленных героев о судьбе человеческой и народной.

«Грузинская хроника XIII века» — такой подзаголовок дал трилогии Григол Абашидзе — не просто примыкает тематически к роману Шалвы Дадиани «Юрий Боголюбский», но продолжает его и сюжетно. Вот почему, обращаясь к ней,

* Эта статья представляет собой часть главы из книги «Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа», над которой автор работал последние годы. Книга выйдет в конце 1980 — начале 1981 гг. в издательстве «Художественная литература». В предшествовавших ей публикациях — статье «Связь времен» («Новый мир», 1972, № 4), брошюре под тем же названием (М., «Знание», 1974) — автор уже обращался к творчеству Григола Абашидзе как исторического романиста, останавливался на его романах «Лашарела» и «Долгая ночь». Отсюда частичные повторы в публикуемой статье, хотя в целом она переработана и значительно расширена. Принося читателям извинения за эти повторы, автор считает все же необходимым сохранить их в интересах целостного анализа материала. — В. О.

закономерно вспомнить этот первый исторический роман в литературе Советской Грузии. Возможно, сейчас он далеко не во всем «отвечает высоким требованиям, предъявляемым в наши дни к советскому историческому роману, но он и сегодня остается одним из самых интересных и значительных произведений исторического жанра в грузинской советской литературе», — считает исследователь жизни и творчества Шалвы Дадияни, хотя и оговаривает «серьезные недостатки» произведения, главным из которых находит «изображение грузинской действительности XII века в приукрашенно-романтизированном плане, доходящее местами до идеализации прошлого, и пренебрежение показом острой классовой борьбы»¹.

И то и другое справедливо, хотя нуждается в конкретизации и требует уточнений. Действительно, излишества романтизации «золотого века» — времени царствования Тамар, явившегося в феодальной Грузии периодом наивысшего расцвета ее государственности, подъема национальной культуры, — ощутимы уже на первых страницах романа, создающих явно идеализированный образ страны, где «двери царского дворца высоки, широки, всем одинаково открыт доступ к царю. И те, кто входит, и те, кто встречает, — равно свободны и достойны... Особенно в новых дворцах, возведенных царицей Тамар. Легко дышится в этих просторных палатах, светло и радостно в них...» Правда, это не совсем слова автора, а верноподданные мысли тбилисского купца Занкана Зорабавели (лицо исторически реальное), переданные несобственно-прямой речью. Но в том-то все и дело, что подобным мыслям героя вполне соответствует большинство авторских описаний, окружающих царский трон и восседающую на нем царицу неизменно романтическим нимбом. В романтическом по преимуществу ключе изложены в романе и перипетии обручения (в действительности — супружества) русского изгнанника Юрия, сына Андрея Боголюбского, не без корыстных сословных расчетов призванного в Грузию группой влиятельных феодалов, и царицы Тамар, дерзнувшей заглушить в себе «голос... сердца», подавить «чувство истины» во имя высших интересов трона: «Судьба моей страны превыше моей судьбы, моего покоя и счастья. Народ требует, чтобы престол имел наследника, и требование это законно. Мой трон — единство народа. Мой трон — мост и путь к его благополучию, и я должна дать народу то, что он вправе от меня требовать...»

Казалось бы, дальнейшее развитие интриги, завершившейся — опускаем серединные звенья — окончательным выдворением Юрия из Грузии после того, как было подавлено восстание феодалов, в котором он деятельно участвовал как их прямой ставленник, предполагало углубление намечившегося романтического мотива — рокового разлада между благородной царицей и неблагодарным злодеем. Однако, хотя он и впрямь имеет место в повествовании, в целом развитие сю-

¹ Георгий Цицишвили. «Шалва Дадияни. Жизнь и творчество». Авторизованный перевод с грузинского. Тбилиси, «Мерани», 1977, с. 192, 196.

жета пошло все же по иному и куда более надежному руслу. Если «Тамар-божественная» и дальше появляется в романе в ореоле мученичества и святости, что неизбежно лишает ее образ исторической и социальной конкретности, то Юрию Боголюбскому в последнем уже не откажешь. Изгой на родине, он, «молодой честолюбец», и вдали от нее становится «игрушкой» в чужих руках. Вконец запутавшись в «дворцовых интригах, переплетающихся интересах, вражде и притворной дружбе», он безвольно плывет «по течению, не отдавая себе отчета, куда плывет». Так приходит в роман не романтически приукрашенная, но реалистически достоверная драма человеческой судьбы, погруженной в водоворот бурных событий и не нашедшей в них надежного берега, оторванной от родного дерева и не привившейся на чужбине.

Принимая такую художественную интерпретацию, важно учесть, что авторы иных трудов о русско-грузинских связях, отдавая предпочтение не столько научной логике, сколько беллетристическим эмоциям, склонны подчас уematривать в истории первого замужества Тамар согласные поиски Грузией и Русью путей взаимного сближения. Легко было бы сбиться на столь облегченную беллетристику и Ш. Дадиани, тем паче, что и он дважды не удержался от того, чтобы написать своей героине явно опережающие ее век слова о том, как силен, добр и талантлив русский народ, и даже «надежды на великий союз Грузии и Руси», в которой царица прозревает «великого союзника своих дел». Однако в общем контексте повествования это, можно полагать, всего лишь непроизвольные оговорки: перед лицом истины куда более прав действующий в романе воспитатель и наставник русского княжича. Не без горечи расстается он с планами мести «злодеям, погубившим Андрея Боголюбского», создания нового «великого государства», которое «под скипетром царя Георгия Боголюбского» объединит все земли от Владимира до Киева и от Киева до самой Грузии. «Нет, сейчас Кузьма ясно чувствует всю неисполнимость своей мечты. Не к северу, но к югу стремится этот народ. Все его национальные чаяния естественно направлены к югу... У каждого народа есть свой характер, свои стремления, свои надежды, свое историческое назначение»... Неверно видеть в словах героя некую попытку утвердить мысль об особенностях, исключительности, избранничестве Грузии: не она владела писателем, но трезвое осознание того, что правда века противится насильственному привнесению позднейших идей.

С этой правдой согласуется и основная сюжетная коллизия романа, связанная с отчаянными порывами Юрия Боголюбского любой ценой утвердиться на грузинском троне. «Источники не сообщают нам, какая именно группировка феодалов выставила кандидатуру Юрия, какие слои грузинского общества были заинтересованы его воцарением», — пишет современный историк, ссылаясь также и на невозможность «дать ясный и исчерпывающий ответ на главные причины развода и изгнания Юрия», которые спустя два года после замужества царица Тамар выставила перед своим дарбази — высшим государственным советом. Но одно для него несом-

ненно: в обоих случаях «вопрос упирался в ту напряженную борьбу при грузинском царском дворе, в которой царица в начале терпела поражения», а после того, как «она постепенно берет верх», главная причина изгнания Юрия «заключалась во внутривполитическом положении и внутриклассовой борьбе, имевшей место в Грузии того времени»¹.

Что и говорить: невелик объем фактических сведений. Но в годы работы Ш. Дадиани над романом «Юрий Боголюбский» — первые отрывки из него печатались в грузинских газетах еще в 1916 — 1917 гг. — историческая наука знала и того меньше. Нельзя поэтому не отдать должного писателю, который, воссоздавая внутривполитическую жизнь страны, борьбу феодальных группировок, атмосферу дворцовых интриг, при всех издержках повествования проявил не только чутье художника, но и интуицию историка. И тем самым положил начало тому единству художественной и научной мысли, которое в дальнейшем движении грузинского исторического романа стало одной из ведущих традиций.

Углублению, обогащению ее на современном этапе действительно служит трилогия Григола Абашидзе. Примечателен рассказ писателя о том, как, создавая свою «Грузинскую хронику XIII века», он не имел опоры на прочный фундамент, заложенный наукой, и одновременно с работой художника сам совершал работу ученого, вплоть до того, что переводил с французского исторический труд, который потом пригодился как источник. Вообще, настаивал Г. Абашидзе в беседе с корреспондентом (в роли которого довелось выступать автору настоящей статьи), и историческим романистам, и исследователям исторического романа, особенно грузинского, всегда важно «учитывать обстоятельство, о котором говорил в книге «Апология истории»... Марк Блок. Не без полемиического заострения мысли он называл историю наукой, переживающей еще период детства. Или, во всяком случае, достаточно молодой как серьезное аналитическое занятие, потому что она прикована к событиям, непосредственно доступным, собирает и изучает факты, лежащие на поверхности, но не проникает в глубь их, не обобщает. Так писалось о западноевропейской исторической науке, которая располагает давними и развитыми традициями. В области же грузинской средневековой истории, я бы сказал, даже факты не собраны, не изданы и источники. Я остро ощутил это, обратившись к XIII веку — драматичному веку расцвета и упадка Грузии. Привлеченный драматизмом эпохи, я остановил на ней свой выбор, но в поисках документально удостоверенных фактов зачастую вынужден был идти первопутком. Подчеркиваю: фактов, а не легенд, потому что, используя легендарные мотивы в стихах, поэмах и драмах, я не прибегаю к ним в романах»².

В постижении далекой эпохи, в творческом пересоздании ее характеров и событий Г. Абашидзе органично соединил незаурядные знания историка, нередко добытые им самим, и

¹ М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII века. Тбилиси, «Мецниереба», 1974, с. 147, 148, 149.

² «Литературное обозрение», 1977, № 10, с. 13.

высокое мастерство художника. Оценивая его романы, трудно отделить одно от другого, так же как в самой образной ткани повествования разъять, скажем, пересказ библейской притчи о пророке Давиде и тот отзвук, который получает она в душе Георгия Лаши, предваряя трагедию его одержимой любви («Лашарела»). Так чаще всего: факт и интуиция, правда и воображение, документ и домысел проникают друг в друга, сливаясь в нечленимое единство художественного образа. Потому и воспроизведение событий давнего прошлого, как правило, не становится в романе самоцелью: каждое из них дает первотолчок к переосмыслению реального материала истории, к пересозданию его сообразно тем «человековедческим» задачам, которые увлекли писателя. Раскрывает ли он факты борьбы православия и язычества, «светской» власти царя и «духовной» власти католикоса, распутывает ли клубок дворцовых интриг, вызванных сопротивлением феодалов молодому монарху или их собственными междоусобицами, ему всегда важно при этом выявить духовный мир действительного или вымышленного героя, который ставится перед лицом своего времени, идейно-нравственных проблем эпохи. И юный Георгий Лаша, с образом которого связан в романе мотив «отчуждения» власти, и его мудрый наставник Чалхия Пховец, прозревающий до мысли о духовной «великой цели», которая единственно может сплотить нацию, воспрепятствовать ее разброду, разлагающим идеям своей исключительности и превосходства, и поэт Турман Торели — «как птица, рожденная для песни», — воплощающий черты народного нравственного идеала, самой духовности нации, наконец, атабек Шалва Ахалцихели и амирспасалар Иванэ Мхаргрдзели, чьи столкновения призваны выявить меру моральной вины человека перед нацией, — каждый из них выступает как неповторимая личность, увиденная одновременно и в самобытной индивидуальности, и в социально-исторической обусловленности характера. Это спасает писателя от соблазна модернизации духовного мира героя, уровня его сознания и мышления и в сочетании с безупречной реалистической бытописью эпохи вызывает неотступное ощущение доподлинности происходящей драмы. Основа ее — в несовпадении интересов личности и исторического интереса, небрежение которым в суеде властолюбивых амбиций ускоряет национальную трагедию, усиливает неотвратимость ее приближения. «А между тем с востока на Грузию надвигалась грозная, никому дотоле не ведомая сила... Точно душный зной опустился на землю, замерло все живое. Великая гроза, всепожирающий огонь шел с востока»... На этой тревожной ноте, вводящей нас в грозное преддверие национальной трагедии, обрывается действие романа «Лашарела».

О самой трагедии повествует роман «Долгая ночь». Реальный материал истории — сначала завоевание и разорение Грузии хорезмшахом Джелал-эд-Дином, когда цветущий Тбилиси превратился в «обглоданный уродливый скелет», а затем покорение страны монголо-татарскими завоевателями — привносит в противоборство разных жизненных устремлений отзвук понетине шекспировских страстей. И соответственно это

му углубляется художественная мысль романиста — уже не только моральная вина властолюбивой личности, но общественная вина поколений перед нацией и самой нацией. Через историей определяет масштабы раздумий его героев. «...Едва-едва воссияло солнце Грузии, как мы возгордились, зазнались и утратили способность здраво и действовать и рассуждать. Говорят, что человеку только один раз в жизни открывается небо и рука господня благословляет его. Но встретить это мгновение человек должен быть готовым всю жизнь. То же и для народа. И вот мы прозевали это великое мгновение, про-развлекались, пропирировали, и небо закрылось для нас и, вероятно, больше никогда не раскроется».

Отстаивая «строгую историю философии», В. И. Ленин одним из непеременимых условий выдвигал требование «не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»¹. Применительно к сфере эстетической это ленинское положение также выступает важнейшим критерием историзма художественной мысли, для которой неприемлема беллетристическая модернизация социального сознания героев. Увиденные писателем в дали веков герои жизненно тем правдивее, чем полнее вбирают в себя идеи своего времени, разделяя его истины или заблуждения. На это опирается художественная правда характеров, выписанных в трилогии Григола Абашидзе. Ища разгадку личности в историческом процессе, пытаясь осознать масштабы национальной трагедии, когда в битве «у Гарнисских высот закатилось солнце великой и могучей Грузии», гневно обличая «червь беспечности и самодовольства» как первоисток духовного одряхления поколений, оказавшихся неподготовленными к «черным дням» национальной истории, автор романа «Долгая ночь» рисует своих героев таким образом, что время, в которое они живут, определяет уровень их социально-исторического мышления. Верность писателя этой социально-исторической конкретности характеров неизменна, его герои — таково искусство художественного пересоздания исторической реальности — воплощают черты людей, живущих в духовной атмосфере заката «золотого века» Грузии. Потому и мысль их об утраченных величии и единстве нации сочетает подчас несовместимое: законную национальную гордость и кичливое национальное чванство, осознание национальной самобытности и проповедь национальной исключительности, веротерпимость и религиозный фанатизм, суровый реализм в понимании дней нынешних и романтическую идеализацию дней минувших. Но чем пестрее подобные контрасты мысли, тем драматичнее выглядит духовный поиск человека, его неостановимый порыв к прекрасному, к вечным, нетленным истинам бытия...

Утверждению их служит тема искусства. Органичное вовлечение этой темы в образный строй повествования углубляет его идейно-нравственный полифонизм. Именно с мотивом неистребимости искусства связывает писатель мысль о

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 222.

безграничии духовных потенций нации, творческих сил народа как вершителя истории. И именно самоотвержение и не подкупность слова поэта, кисти художника, бескорыстие их порывов к прекрасному противостоят в романе суетному властолюбию, близорукой беспечности и самодовольному благодушию царедворцев. Потому и Турман Торели, перейдя из романа «Лашарела» в роман «Долгая ночь», не хочет видеть свое призвание поэта в том, чтобы «сладкопевный стих» его, выполняя высочайший наказ, укрепил «поколебленную веру» народа в «непобедимость Грузии и в богоравное всемогущество трона». Высокие идеи гражданина и патриота, осознавшего свой долг перед родиной и народом, жгучая жажда правды, какой бы ни была она суровой и жестокой, водят его пером. «Пожалуй, никогда не писал Торели с таким подъемом и жаром. Только не получалось у него восхваление Русудан, наказанное царским двором, но выплескивались на страницы сокровенные душевные скорбь и боль, которые, как потом оказалось, были скорбью и болью всего народа».

Не эта ли гражданская устремленность и гуманистическая открытость большого искусства страшат завоевателей страны, распаяя в них слепой инстинкт разрушения? Сам аллах, являясь Джелал-эд-Дину в его вешнем сне, не прощает ему посягательства на святость творчества, воскрешает в памяти образ ослепленного художника! Реалистическая поэтика романа «Долгая ночь» не чурается символики и гиперболы, всегда исторически мотивированных, психологически оправданных душевным состоянием героя, уровнем его сознания и мышления. Ослепление Джелал-эд-Дином художника Вахе и есть одна из таких символических сцен, исполненных трагедийного звучания, отнюдь не меньшего, чем, скажем, в фильме А. Тарковского принятый на себя Андреем Рублевым обет молчания: и там и здесь трагедия художника перерастает в трагедию искусства, которое подверглось насилию. Столь же символична и одновременно трагедийна у Григола Абашидзе сцена сожжения ученого Павлиа на костре из книг: мстительное невежество завоевателей-монголов, самораспаленная ненависть к недоступному печатному слову торжествуют здесь над знанием и образованностью...

Каждое новое поколение застает историю такой, какой ее создали предшественники, и не в его силах изменить прошлый исторический опыт. Современники не переделывают прошлое, они только переосмысливают его сообразно потребностям своей эпохи, вершат над ним свой нравственный суд. Осуществляя его, литература предьявляет свой «счет» истории, коль скоро историческая логика не всегда и не во всем совпадает с логикой художественной. Историк, к примеру, вправе отметить прогрессивную роль Джелал-эд-Дина в фанатичной борьбе с Чингисханом, но для художника важнее всего будет выявить его человеческое содержание. Потому и в романе «Долгая ночь» последний султан Хорезма выступает как «злая судьба Грузии, ее рок»: никакие исторические заслуги не застыт писателю аморализм кровавого деспота и тирана, который насаждал фетишизм слепой веры в свое могущество, освященное безудержным насилием.

Так видит художник. И, верный этому духовному видению, достигает подлинных психологических открытий в сцене живописующей Джелал-эд-Дина, оглушенного известием о смерти Чингисхана, «этого рыжебородого желтокожего идола». Еще бы: утверждение себя в завоевателях мира было смыслом его жизни, и что теперь значит для него жизнь, утратившая этот свой единственный смысл? «Был Чингисхан, был враг, с которым надлежало сразиться, но теперь полет битвы опустело для Джелал-эд-Дина... Нет достойного противника, нет и охоты воевать». Как нет перед глазами и соблазнительного примера тирании, вызывавшего честолюбивое чувство зависти, толкавшего на тщеславное подражание...

Говоря о психологических открытиях романа «Долгая ночь», трудно обойти молчанием и фигуру ученого, поэта Мохаммеда Несеви. В образе его сливаются воедино мотивы бездуховности деспотизма и бесплодности таланта, который служит не столько даже ложной идее, сколько человеку, ее олицетворившему, — личности боготворимого, обожествляемого деспота. Но идолопоклонство не способно питать творческую мысль, слово, не проникнутое возвышенным и благородным чувством, становится бескрылым. Не потому ли в конечном счете и лишено смысла даже «главное дело» Несеви, которое он считал «единственным оправданием своего путешествия по земле»? Созданная им «летопись жизни хорезмшаха» бесполезна так же, как бесплодны его стихи, в которых «было все, что можно было найти у самого блестящего и прославленного поэта. Но не было в них одного — полета, порыва, самозабвения, того восторга и того самозабвения, которые владеют творцом, когда он пишет стихи, и которые чудесным образом передаются читающему и овладевают им... В стихах Несеви было все, но не было жизни. Книга элегий Несеви была навеяна и проникнута печалью, вызванной сознанием тщеты жизни, непостоянства судьбы, бесполезности и бессмысленности труда и борьбы, а также и самоотречения во имя якобы высоких идеалов».

Конечно же, это тоже трагедия — обреченности, гибели таланта, который обескровил себя. Но как при всем напряжении духовных исканий героя оказываются тесны ее границы, наглухо отгородившие личную драму человеческой судьбы от социальной драмы народа, в котором даже «долгая ночь» порабощения не смогла ослабить порыва к творчеству и деянию, подавить стремление к свободе духа!

Оно торжествует над несвободой и бездуховностью в ключевых — и тоже символически решенных — сценах романа, которые ведут нас на «кровавое иршество орлов» — в Каракорум, «столицу необъятного чудовищного монгольского государства». Поэт Турман Торели становится здесь очевидцем спортивной игры, в которой пленник-грузин побеждает завоевателя-монгола, заранее зная, что такая победа будет стоить ему жизни. Вот как взволнованно и страстно размышляет об увиденном Турман Торели: «Если человеку раз в жизни представляется случай сделать то, о чем он, может быть, мечтал всю жизнь, разве может он оттолкнуть этот случай и пройти мимо? Разве жизнь стоит того, чтобы ради

нечего отказываться от исполнения заветной мечты? И разве исполнение заветной мечты не есть сама жизнь?» Высоким словом «подвиг», который «стоит больше побед, великих сражений», называет он самоотречение соотечественника, видя в нем начало цепной реакции больших и малых подвигов духа, которые предвещают неизбежность новой борьбы во имя нового национального возрождения покоренной страны. Ее «ночь будет долгой, но рассвет придет», «Грузия вновь встанет из пепла, отстроится, расцветет. Раны ее заживут»...

Этой устремленностью в будущей рассвет проникнуты идеи и образы третьего романа Григола Абашидзе, которым он завершил повествование о Грузии XIII века. Но прежде чем говорить о нем, вернемся к свидетельствам писателя о творческой истории каждого из романов трилогии, и — шире — о том, как вообще понимал и решал он встававшие перед ним задачи, от книги к книге ведя свою «хроникку». Все они изложены в беседе Г. Абашидзе с корреспондентом, выдержкой из которой и будет уместно предварить непосредственное обращение к роману «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин»:

«Григол Абашидзе. Первым моим историческим романом был написанный в 1958 году «Лашарела». Одним из главных героев в нем выступает, как вы знаете, грузинский царь Георгий Лаша, сын прославленной Тамар. «...Веселился и радовался он. И повсеместно была радость и веселье», — говорит о времени его правления летописец. Закончив роман, я и в мыслях не держал продолжать повествование и думать не думал, что начинаю трилогию. Почему же появилось продолжение и возникла трилогия?

Отчасти потому, что роман «Лашарела» поначалу был встречен в критике неодобрительно. Дискуссии, возникшие вокруг него, касались нашего современного прочтения национального прошлого и были направлены прежде всего против глав, где говорилось о недостатках и ошибках деятелей «золотого века» грузинской истории, высказывалось критическое отношение к тем или иным ее страницам — событиям или традициям, чертам быта, нормам морали. Критика помогла мне учесть отдельные ошибки, что-то уточнить, сократить или дополнить, но концепция в целом осталась неизменной. Желание углубить ее, обосновать свою правоту — подвигло на продолжение работы. Хотелось убедить оппонентов, что исторический роман не может быть подобием византийской фрески, где все идеально и все прекрасны. Право и долг писателя — отнестись критически к некоторым сторонам национальной истории. В романе «Долгая ночь», последовавшем за «Лашарелой», я и стремился показать роковые последствия той дворцовой и придворной праздности, которая изнутри подтачивала силы нации и ускорила приближение национальной трагедии...

Корреспондент. А предвидели ли вы третий роман, «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин», и превращение дилогии в трилогию, когда заканчивали «Долгую ночь»?

Григол Абашидзе. И снова не предвидел. Продолжить же работу на этот раз побудило, наверное, мое долгое погру-

жение в материал XIII века. Изучая его, я увлекся примером героизма, нравственной чистоты, рыцарского благородства, в котором увидел созидательное начало истории. И захотелось показать ту силу, которая сохранила народ, нацию, национальную культуру в самый тяжелый период грузинской истории, когда опустошительное нашествие монголов повергло страну в «долгую ночь» ордынского ига.

Олицетворением этой жизнедеятельной силы выступает доподлинный исторический деятель — князь и министр Цотнэ Дадзиани, чей героический подвиг самопожертвования стал свидетельством духовного величия народа. И даже больше: грузинский народ... обессмертил себя подвигом Цотнэ Дадзиани так же, как и талантом создателей, создавших величественный Светицховели, или гением Шота Руставели, творца бессмертного «Витязя в тигровой шкуре»¹.

В «Картлис цховреба», уникальном памятнике средневековой грузинской письменности, история так называемого Кохтиставского антимонгольского заговора грузинских князей заняла не более полстраницы. Летописец скупко сообщил о факте заговора, о его провале в результате чьего-то предательства, назвал главным действующим лицом среди заговорщиков Цотнэ Дадзиани, единственного, кто в силу счастливого случая избежал поначалу расправы, но, пренебрегая смертью, добровольно отдал себя в руки врагов, чтобы разделить участь обреченных на мученическую смерть. Вот, собственно, и все, чем располагал, приступая к роману, писатель, увлеченный повествованием «Картлис цховреба» о «поразительных примерах моральной чистоты, о самоотверженности во имя людей, во имя ближних», что остается «для потомков стимулом к нравственному совершенствованию». Но разве его прямое дело — «заниматься исследованием исторического материала», разве не в «объяснении внутренних мотивов, побуждающих человека на то или иное действие», состоит его главная творческая задача? «Если скудость фактического материала служит препятствием для судебного следствия, то художнику не приходится сетовать на их недостаточность и ограниченность знаний, так как это позволяет ему свободно развивать сюжет произведения и дает простор фантазии»², — убежден Г. Абашидзе. Его собственная фантазия целенаправленно ведет сюжет таким образом, что большую часть романа занимают не события, непосредственно связанные с Кохтиставским заговором, а рассказ о детстве и юности героя, который ретроспективно возвращает нас назад, в годы царствования царицы Тамар, предшествующие действительно романов «Лашарела» и «Долгая ночь».

Эти главы о детстве и юности Цотнэ Дадзиани могут дать повод если не для прямого спора с писателем, то для уточняющих замечаний на полях. Сделать их побуждают описания великосветской жизни грузинского двора и ближайшего окружения царицы, которые на сей раз оказываются иногда слишком

¹ «Литературное обозрение», 1977, № 10, с. 12—13.

² Григол Абашидзе. Собр. соч. в трех томах, т. 2, М., «Художественная литература», 1977, с. 669, 688, 689.

благостными и благодушными. В результате мотив суда над национальной историей, начатый в первом романе и развитый во втором, в третьем прозвучал несколько ослабленно. Впрочем, это находит свое частичное объяснение как в объективно исторических, так и в субъективно творческих причинах.

Обратимся снова к свидетельствам науки. «Личность царицы Тамар занимает исключительное место в истории феодальной Грузии. Грузинская церковь причислила ее к лику святых, поэты восхваляли ее, мастера кисти рисовали ее, а грузинский народ сделал ее предметом всеобщего поклонения. Строительство большинства древних дворцов и крепостей, а также многих церквей и монастырей народ приписывает царице Тамар. Ей же приписывают многое, построенное до и после нее. Впоследствии грузинский народ в лице царицы Тамар и ее эпохи объединит все лучшее, что было ему известно из своего прошлого. По народным преданиям, царица Тамар — самая мудрая, умная и красивая женщина. По существующей традиции Шота Руставели поклонялся ей и, вдохновленный ее красотой и мудростью, создал свою бессмертную поэму. В древнегрузинском народном творчестве самое большое количество легенд, стихов, поэм посвящается царице Тамар. Народ воспевает ее красоту, ее щедрость, ее дарования государственного деятеля, ее милостивый и добрый характер. По народным легендам, царица Тамар добра к бедным и нищим. Она героиня, которая с мечом в руках ведет свой народ против врага. Потерянную могилу царицы Тамар оспаривали друг у друга жители каждой области Грузии. В таком идеализированном виде вошел в грузинское народное творчество образ царицы Тамар», — разъясняет историк, полагая, что исключительный «культ» правительницы, ставшей «идеалом всего грузинского народа, имеет свое, вполне определенное основание». Прежде всего это военно-политический, экономический и культурный подъем страны, к которому закономерно привела «напряженная созидательная деятельность» грузинского народа «на стадии восходящего феодализма»: пожиная ее «окончательные плоды», Тамар «как большой государственный деятель и тонкий дипломат хорошо поняла требования эпохи и оказалась на высоте». Вслед же за эпохой расцвета, совпавшей со временем ее царствования, началась полоса упадка, иноземных нашествий и завоеваний, «в жизни феодальной Грузии наступила тяжелая пора ее истории. Былое величие и могущество Грузии осталось лишь в воспоминаниях. Этим и было, в частности, обусловлено то, что для последующих поколений эпоха царицы Тамар превратилась в идеал величия исторической Грузии. Именно поэтому грузинский народ идеализировал образ царицы Тамар и сделал ее легендарной личностью. Могущество и слава Грузии времен царицы Тамар внушали грузинам, ведущим непрерывную борьбу с внешними врагами, надежду на победу. Покоренная, но не сломленная и борющаяся Грузия все наилучшее, что у нее было в прошлом, связывала с именем цари-

цы Тамар. Так история постепенно превратила царицу Тамар в легендарную личность¹.

Не удивительно, если такой «легендарной личностью» и предстает Тамар в романе Григола Абашидзе. Ведь образ ее дается здесь по преимуществу через восприятие ближайшего царедворца, каким был на заре своей жизни Цотнэ Даднани, спустя роковые для народной истории десятилетия превратившийся в человека «с обломанными крыльями, с разбитыми мечтами... Вместе с десятилетиями ушла не только его молодость, они унесли с собой веру в будущее и мечту о величии родины!». Не иначе как в романтическом далеке видится ему прошлое из нынешних лет «кровопролитных войн и страшных столкновений народов», и «прекраснолика Тамар» становится символом этого славного прошлого, «олицетворением всего прекрасного, мудрого и благородного».

Исторически, однако, и мудрость и благородство «венценосной царицы» имели свои пределы. «В действительности, разумеется, царица Тамар, как и другие грузинские царя, была прежде всего выразительницей коренных интересов господствующего класса грузинского феодального общества, и этим интересам была, в первую очередь, подчинена вся ее внутренняя и внешняя политика»². Не будем требовать понимания этой объективной научной истины от героя, который живет в своем времени, но почему она почти не проявилась в авторской точке зрения, корректирующей представления Цотнэ Даднани?

Скорее всего потому, что все рассказанное в романе служит задачам не столько социально-аналитического раскрытия эпохи, ее характеров и обстоятельств, сколько той поэтизации нравственного величия героя, с которой писатель связывал самый замысел повествования. «Сила, подобно магниту воздействующая на людей из далекого прошлого, — размышляет он в послесловии, — заключена в примерах беззаветного служения народу, в примерах духовной возвышенности и благородства. И примеры эти на пройденном историческом пути, как вершины над горным хребтом, не меркнут в веках, служат потомкам мерилом человеческих поступков. Не располагая этим мерилом, не располагая примером высокой нравственности, люди никогда не смогут познать себя, не смогут правильно оценить свои и чужие деяния»³.

Дважды в образный строй романа врывается древняя легенда об Амيرانе-Прометее. «У каждого человека должен быть свой орел, терзающий его сердце. Этот орел — забота о родине, о народе. Тот, кого не тревожат эти раздумья, не достоин называться человеком», — так языком древней легенды говорится в начале повествования о патриотическом чувстве родины, уподобленном тому священному огню, который добыл для людей Амيران-Прометей. «Любовь к родине и верность ей — высочайшее чувство, оно непобедимо! Счастлив тот, кому представится случай испытать это чувство, ибо охваченный

¹ М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII века, с. 163—164.

² Там же, с. 164.

³ Григол Абашидзе. Собр. соч. в трех томах, т. 2, с. 670.

им человек не знает страха смерти, а воля его так тверда, что он готов умереть, совершая свой подвиг... И еще раз оживает легенда о Прометее в финале повествования, где символический орел Амирана простирает над Цотнэ свои могучие крылья, словно бы освящая его мученический подвиг. «Неужели же единственный благородный поступок — добровольная выдача самого себя жестоким врагам, присоединение по своей доброй воле к истязуемым братьям — возвысил Цотнэ больше, чем все героические деяния его жизни? Неужели простое проявление честности, совестливости, искренности удостоило его столь высокой награды, что опять прилетел орел его детства, орел его грез?» Но великого не бывает без малого, и духовные богатства нации немислимы без первичных нравственных ценностей человека. «Что тебя привело сюда, князь?» — испуганно пытается купец Мартирос, ужасаясь намерению Цотнэ отдать себя в руки палачей. И слышит невозмутимый ответ: обязанность и совесть. «Пришел по своей воле? На пытку?» — поражается монгольский сотник, не постигая, как высок и благороден «долг перед народом и Грузией», обязавший Цотнэ «разделить участь заговорщиков».

То, что изумляет других, для самого князя «было безусловным и несомненным», естественным, как дыхание. «Как я могу глядеть издали на пытки и гибель товарищей, связанных со мной святой клятвой, ведь сердце не вынесет! Что мне делать со своей совестью, как мне жить, если моих друзей, которых я сам вовлек в заговор, всех казнят? Где ни появлюсь, будут пальцами показывать на меня, и некому будет пожаловаться: ни богу, ни человеку! Жить трудно и тогда, когда ходишь с поднятой головой, гордясь своей ничем не запятнанной честностью, а кому нужна такая жизнь, когда перед всеми надо оправдываться и доказывать, что ты не изменник, не нуда!», — рассуждает он, готовясь принять и выдержать «ради родины и любви к народу... любую боль». Это ли не сокровенные «минуты самых решительных испытаний... чистоты, благородства, патриотизма», которые требуют от человека высочайшего напряжения не просто физических, но прежде всего духовных, нравственных сил? Так понимает, таким видит писатель Цотнэ Дадзиани, ставя его мужественный поступок в один преемственный ряд с героическими деяниями народа. «В истории, — замечает он, — наверно, часто бывало, что люди совершали тот или иной шаг, которому впоследствии придавалось великое историческое значение, вовсе не думая, что они совершают нечто значительное, а тем более великое.

В те минуты, когда в сердце Цотнэ созрело и родилось решение идти через перевал и присоединиться к остальным схваченным монголами князьям Грузии, он совершенно не думал, какое значение будет придано его поступку в последующие времена, в будущей истории родной Грузии, родного народа. Хоть это решение, подсказанное ему каким-то внутренним голосом, родилось, можно сказать, мгновенно, но подготовлено оно было всем опытом его предыдущей жизни. Поэтому Цотнэ без колебаний подчинился внутреннему сердечному порыву и душевно тотчас же успокоился.

Цотнэ присел на камень и поглядел вдоль дороги. Дорога была одна, но для него она раздвоилась. Одна из них вела к смерти, но этот путь был как бы освещен светом правды и величия духа. Другая вела в ничтожество, это была дорога одиозного, сытого, тупого существования. Этот путь застилался туманом трусости и малодушия. Цотнэ избрал первый путь, путь смерти и света»...

Далеко не единственный случай прямого вторжения открытой авторской публицистики в сюжетное действие повествования. В романе «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин» удельный вес публицистического начала много выше, чем в предшествующих книгах трилогии, и в этом состоит одна из отличительных особенностей его образного строя, повествовательной интонации, нередко выдерживаемой на высоких патетических регистрах. Именно патетическим, а не просто лирическим монологом справедливо будет назвать и вдохновенное слово писателя о национальном характере народа, своеобразный психологический ключ к которому он находит в благородстве и величии своего героя. «Высокие качества национального характера, выработанные на продолжительном пути жизни народа и передаваемые из поколения в поколение, не только не исчезают сейчас же после падения государства, но как раз в первые тяжкие времена они проявляются еще ярче, резче и даже скрашивают картину всеобщего измельчания и вырождения народа. Цотнэ Дадияни не был исключением в те времена, когда Грузия попала под монгольское иго и когда высокая нравственность лучших сынов народа оказалась перед лицом жестоких испытаний». Так реализуется в идеях и образах романа нечленимое триединство личности, народа и истории.. Ведь не только о падении, но и о возвышении Грузии идет в нем речь на примере подвижничества и самоотречения Цотнэ Дадияни. Потому и при всей неминуемости смертного часа, на который обречен герой романа, его самогубительный подвиг, воинский, гражданский, нравственный одновременно, представляется писателем «апофеозом истории грузинского народа», символом духовного возрождения страны «после долгой гнетущей ночи порабощения и падения»¹. В этом страстном утверждении жизнестойкости нации перед лицом гибели, которую несут завоеватели, неисчерпаемости лучших духовных сил, народного свободомыслия и свободолюбия состоит внутренний пафос как всей трилогии Г. Абашидзе, так и завершающей ее книги. Можно сожалеть, что эмоционально-поэтическая стихия несколько захлестнула роман «Цотнэ, или Падение и возвышение грузин», возобладала над исследовательской основой повествования, потеснила социальный и психологический анализ. Но и при этом нельзя не увидеть в нем произведения большого трагедийного накала и высокого жизнеутверждающего звучания.

¹ Григол Абашидзе. Собр. соч. в трех томах, т. 2, с. 686, 693.

СВЕТ «ТУМАНА»

Вышла в свет книга Отара Чхеидзе, в которую вошли три его романа: «Туман», «Вверх-вниз» и «Заповедник». Эти романы охватывают три десятилетия нашей жизни и затрагивают проблематику конкретного времени. Разбирая романы О. Чхеидзе, непременно следует учитывать именно время их создания, поскольку писатель — ревностный страж своего времени.

«Туман» был написан в 1954 году. С тех пор, как говорится, много воды утекло, небо не раз затягивалось туманом и вновь прояснялось, на фоне рассеявшегося тумана резко обозначилась истина, истина, которая в свое время не была незаметной для острого глаза писателя.

«Осуждай друга в лицо» — эта народная мудрость, поднятая на щит Ильей Чавчавадзе, стала девизом писательской деятельности Отара Чхеидзе, нашла воплощение в его романах, повестях, рассказах, превратилась в правдо его жизни...

Писатель, если, конечно, он истинный писатель, во все времена был и остается художественным летописцем своего времени, он не имеет права закрывать глаза на не-

достатки, отрицательные тенденции жизни своего народа, своего времени, которые проявляются на том или ином этапе. Период, нашедший отражение в романах Отара Чхеидзе, — прошедший этап нашей жизни, и уже сформировавшийся трезвый общественный взгляд на это прошлое дает нам право еще раз оглянуться на него, как на горький урок, и учесть его для правильной гражданской ориентации.

Однако писатель не является только лишь общественным обвинителем, он — в первую очередь художник. Писатель лепит типы, характеры, и созданные им образы весьма живучи. Сорную траву характеризует приспособляемость. С нею нужна неусыпная борьба и бдительность. Уже давно в нашей общественной жизни уничтожены все предпосылки для возникновения характеров типа Таткаридзе, однако те или иные отрицательные черты Луарсаба временами вновь проявляются в наших призывках, в наших характерах...

Все три романа Отара Чхеидзе — «Туман», «Вверх-вниз» и «Заповедник» — именно тем и интересны, что в них превосходно показана жизнь мецанско-бюрократической части нашего общества. И настолько удушлива атмосфера этой жизни, что не

Отар Чхеидзе. Три романа. Издательство «Сабчота Сакартвело». 1979.

хочется верить писателю, и тем не менее веришь ему, он убеждает, мы постоянно ощущаем тепло его чистой души, озабоченно-встревоженный взгляд. Да иначе и быть не может, т. к. судьба народа, судьба Родины волнует писателя, и, если родная почва дает недостойные всходы, это по-настоящему тревожит его. Романы Отара Чхеидзе рождены именно этой тревогой, вытекающей из его высокой гражданской позиции. Его любящий взгляд проникает повсюду, порой он затуманивается слезами, порой же сверкает от радости. Он неотступно следует за героями романов, наблюдает за их жизнью, за каждым шагом, беспристрастный и неподкупный, лишенный всякой тенденциозности. Логика развития действия — строгая и жесткая, речь идет о жизни, а жизнь не терпит сантиментальностей. У нее свои жесткие законы, и писатель словно бы вынужден следовать за героем по ее запутанным лабиринтам до тех пор, пока окончательно не обнаружится, не раскроется его истинный образ.

Вот Этери, главная героиня романа «Туман», прекрасная девушка, выросшая в семье сельских интеллигентов, само совершенство в смысле физическом и духовном. Она только что окончила школу и стала студенткой первого курса университета. Этери живет в семье своей тети — Саломэ. Ее супруг Аполлон Коркотадзе — человек, стоявший некогда на довольно высокой ступени общественной лестницы. Вся жизнь юной Этери приносится в жертву честолю-

бивым замыслам Аполлона Коркотадзе, стремящегося врозь подняться наверх, причем весь этот фарс исполняется под ложным знаком заботы о будущем девушки. Бедная, неопытная, наивная Этери превращается в игрушку в руках тетки Саломэ. Согласно плану Саломэ, Этери выходит замуж за Левана Курдованидзе, личность уродливую в физическом и духовном отношении. Замысел Саломэ постепенно проясняется. Лебан — двоюродный брат Арчила Алавадзе, который может помочь Аполлону Коркотадзе вскарабкаться наверх. События разворачиваются с молниеносной быстротой. Этери опомнится только тогда, когда уже будет поздно. Она потеряет жениха, желанного, талантливого, порядочного человека. Потеряет того, с кем могла быть счастлива, и останется с уродом, бездарным и бессовестным карьеристом. С большой художественной правдой рисует писатель судьбу несчастной девушки. Хотя она внутренне и противится тому, что с ней происходит, но оказавшись сопротивлению, остановить движение колеса своей судьбы уже не в силах, тем более, что оно в сильных руках тети Саломэ. Однако зло, которое таит в себе династия Алавадзе и Курдованидзе, не ограничивается тем, что они бессовестным образом завладевают Этери, этой прекрасной девушкой, их замыслы гораздо более опасны. Они борются с общественной правильной, верной позицией. Зарвавшееся невежество угрожает тому, что передовая научная мысль после долгих поисков утвердила

в жизнь. Именно Акакий Цискаришвили, молодой талантливый аспирант, встанет на пути Левана Курдованидзе и на научной сессии публично разоблачит его демагогические обвинения. На сессии присутствует и Этери, и когда Акакий Цискаришвили уходит с заседания, она невольно следует за ним. Старая, дремлющая, невысказанная любовь просыпается в ней, толкает ее к Акакию, и сцена их встречи на фоне снежной романтической ночи — одна из сильнейших в романе. Читатель ждет, что вот сейчас воссоединятся два созданных друг для друга, но разлученных волею обстоятельств сердца, и эта холодная снежная ночь будет согрета пламенем их любви. Однако, пожалуй, лучше обратиться к роману: «...она протянула к нему руки, его руки устремились навстречу, и встретились руки или слились друг с другом, как бы вльвли друг в друга; сами по себе, непроизвольно, крошечное расстояние отделяло их, еще мгновение, и они слились бы в одно целое, казалось, каждый даже слышал, как бьется сердце в груди другого... но дрогнула ветка под тяжестью снега, и их осыпало снегом, завалило снегом то крошечное расстояние между сердцами, между их пламенными сердцами...» Этот снег, случайно осыпавшийся с ветки и вставший как бы стеной между их сердцами — прекрасно найденная деталь, символически указывающая на логическое развитие сюжета. Отношения Акакия и Этери не могут быть так вдруг восстановлены, так неожиданно благопо-

лучно разрешиться. И Акакий, личность, наделенная даром анализа и большого чувства, не в состоянии так сразу забыть или подавить то мучительное чувство оскорбления, которое нанесла ему Этери своим замужеством. Эта деталь еще более подчеркивает сильный, гордый характер Акакия, силу духа человека, могущего управлять своими чувствами. Мы не знаем, чем закончится эта история. Может быть, их отношения будут иметь продолжение, но для этого нужно время, Этери должна проанализировать свои поступки, разобраться в своих чувствах, и, может быть, потому в конце романа писатель возвращает свою героиню в ее родное село Орбиси, чтобы здесь, где прошло ее счастливое детство, она задумалась над своей жизнью, взвесила бы все, что с ней произошло, и теперь уже сама, по велению собственного сердца, избрала бы свой путь.

Заканчивается роман, и заканчивается не такая уж короткая пора владычества Алавадзе, Курдованидзе, Корготадзе и К^о. Добро, как говорится, одолело зло, и хотя под конец торжествует истина, в душе Этери остается незаживающая рана, рана, оставившая след на всю жизнь. Рана Этери беспокоит и читателя, беспокоит потому, что Этери не одна. Ее история типична, это — история многих. Писатель наметил нам путь преодоления зла, он показал, что отношения в семье не могут строиться на корыстолюбии, что наши девушки должны выходить замуж, а юноши жениться только и только по люб-

ви. Нельзя создавать семью по расчету, поскольку семья — фундамент нации и если фундамент этот не будет прочен, здание нации даст трещину, разрушится, нравственность выродится, честь станет предметом купли-продажи, любовь вывалиют в грязи, счастье уйдет как вода сквозь песок, и жизнь в конце концов потеряет смысл, ибо какой смысл может иметь жизнь, когда отношения между людьми строятся на корысти.

Второе произведение О. Чхеидзе рассказывает нам о судьбе молодого человека, перебравшегося из села в город. Его зовут Ленто. Писатель даже не уточняет его фамилии, и это свидетельствует о том, что речь идет не о конкретном Ленто, а обо всех подобных ему парнях, слонящихся по тбилисским улицам. Писателя интересует духовная биография Ленто: кто он, почему приехал в город, чем занят, на какой путь встал, каковы его перспективы, в какой круг попал, какая из него получится личность. Вот те вопросы, на которые дают ответы приключения Ленто. Знакомясь с жизнью Ленто, мы заодно знакомимся и с Тбилиси, знакомимся, безусловно, частично с тем городом, с той частью общества, в которой вращается Ленто. А Ленто волею обстоятельств является с довольно-таки темным лицом. У него нет даже среднего образования, в Тбилиси он приехал в поисках счастья. Долго он слонялся без дела, жил на деньги, добытые отцовским трудом, и под конец, как этого следовало ожидать, попадает в руки дельца. Он

начинает работать то ли в фотоателье, то ли в студии звукозаписи. Заведующий этой студией, по прозвищу «Бульдог», дает Ленто деньги в таком количестве, что он может иногда пригласить друзей в ресторан. У него нет ни кола, ни двора, ночует он в ателье-студии. Ленто не может поладить со своим начальником. В этом проявляется противоречие, раздражающее внутренне честного парня, который, понимая, что его обманывают, заставляют работать даром, не в состоянии покончить с этим унизительным положением. «Бульдог» — выдавший виды пройдоха, делец и жулик, для которого нажива денег — святая святых. Их взаимоотношения становятся явно враждебными. Они ненавидят друг друга, но тем не менее расстаться не могут. Одному некуда уйти, другому жаль терять дарового работника. Ленто даже не понимает, что над ним измываются, вертят как марионеткой. А в один прекрасный день, когда «Бульдогу» угрожает опасность ареста, Ленто оформляют заведующим, а «Бульдога» — его заместителем. И Ленто ни о чем не догадывается. Приходит ревизия, Ленто чуть не угодает в тюрьму, от которой его спасает тот же «Бульдог» из боязни, что парень раскроет все его темные делишки.

У Ленто много хороших качеств: он щедр, купеческий дух накопительства чужд ему. Деньги нужны ему для того, чтобы тратить. Он фанатически верен любви своего детства.

И этот человек, бесцельно слоняющийся по жизни, окон-

чательно формируется как личность, когда возвращается в деревню хоронить отца. Он чувствует свою ответственность за оставшихся сиротами младших братьев и сестер. Мы видим его глубоко задумавшимся о будущем, об их дальнейшей судьбе. И это уже мысли мужчины, взявшего на себя тяжелое бремя заботы о своих близких, и читатель верит, что Ленто с честью будет нести это бремя. Он прошел опасный период губительных соблазнов, сохранив душевную чистоту. Впереди у него — тяжелый жизненный путь, но мужество Ленто в том и состоит, что он с честью выдержит и это испытание. Автор, как бы желая еще раз убедить в этом читателя, в послесловии добавляет: «Не думал я, что Ленто будет таким; был он столь вспыльчив, столь поддающимся чуждому воздействию, столь горячим, что очень скоро подпал бы под плохое влияние, так мне казалось... Но он выдержал первую схватку с жизнью, одолел большой подъем и крутой спуск, одолел благодаря своей честности, выстоял, и мы надеемся, выстоит еще...»

Заверив в этом читателя, писатель заканчивает роман. Образ Ленто — один из типичных, достойных внимания образов новейшей грузинской литературы.

Типичный, поскольку, как мы отметили выше, большинство сельской молодежи, направляющейся в город, воспитано в духе честности и порядочности, а воспитание, полученное в детстве, определяет всю жизнь человека.

Своей проблематикой роман «Заповедник» примыкает к роману «Туман», как бы являясь своего рода его продолжением, в нем даже действуют те же герои — Саломэ и Аполлон Коркотадзе, их дочь Лана Коркотадзе. Мы незнакомы с Ланой Коркотадзе по «Туману», поскольку писателя в этом романе интересовали иные проблемы, в центре его внимания была духовная биография приехавшей из села в город и, стало быть, воспитанной в совершенно иной среде Этери. В «Заповеднике» — на авансцене иные типы. Это — Лана Коркотадзе, воспитанная в городской, претендующей на «аристократичность» семье, и Гито Гордадзе — мещанин во дворянстве, бездарный плагиатор, научная деятельность которого сводится к деприкрытой компиляции, почти дословному переписыванию трудов маститого, но скромного ученого Софрома Бродзели. На фоне взаимоотношений Гито Гордадзе и Ланы Коркотадзе вырисовывается отвратительная сущность этих двух нравственно выродившихся людей. Во время одной из очередных прогулок за город, в заповеднике Гито Гордадзе соблазнит Лану. Хотя слово «соблазнит» не совсем точно для данной ситуации. Как покажут дальнейшие события, сцена «совращения» была продумана Ланой до мельчайших подробностей. Ну и что, что Гито Гордадзе — человек семейный, для Ланы главное — выйти замуж, ее не смущает тот факт, что на несчастье другого она хочет построить свое счастье; хотя о каком счастье может идти

речь, если Гито и Лана не то что не любят — ненавидят друг друга. Ненавидят, но в силу обстоятельств стремятся друг к другу. Лана должна выйти замуж, после инцидента в заповеднике о них пошли в городе слухи, и Лана со своими родителями делает все, чтобы поймать Гито Гордадзе в западню. Все усилия последнего избежать возмездия тщетны, перед лицом неизбежной опасности он вынужден расстаться с женой и детьми и жениться на Лане Коркотадзе.

Трудно вкратце пересказать то, что происходит в романе, однако нам все же хотелось бы сказать несколько слов об основных линиях сюжета произведения. В этом смысле прекрасным дополнением к образу главного героя являются его отношения с Софромом Бродзели. Софром Бродзели — олицетворен и е добра, честности, бескорыстия, образец скромного, без претензий научного деятеля. Именно на его место назначили Гито Гордадзе — молодого, но бездарного, матерого карьериста. И когда Гито Гордадзе публикует под своей фамилией забытые труды Софрома Бродзели, последний решает разоблачить его. Возмущенный до глубины души, ходит он по инстанциям, но все, словно сговорившись, смеются над честным стариком, он попадает в какой-то заколдованный круг и, растерянный, негодующий, оказывается даже в смешном положении. Как-то трудно поверить в то, что на наших глазах, средь бела дня совершается такая несправедливость, но в романе все это описано так правдиво, так натурали-

стически, что у нас не остается и тени сомнения в происхождении. Софром Бродзели не находит правды. Влияние Гито Гордадзе и Коркотадзе гораздо более сильное, нежели правда Бродзели. Погрязший этой несправедливостью, он умирает от разрыва сердца.

Символический финал романа: две процессии, одна траурная, другая свадебная встречаются друг с другом. Траурная процессия провожает в последний путь Софрома Бродзели, а свадебная сопровождает Лану Коркотадзе и Гито Гордадзе. Они возвращаются из Мцхета, где венчалась в Светицховели эта лишенная совести и далекая от всякого рода религии пара. Главное для них не вера, главное — показуха. Задержавшийся на минуту свадебный кортеж узнает покойника. Невесту роняет скупую слезу. И только.

Весьма примечательна и многозначительна концовка романа: «... в цивилизованном обществе никто не носит оружия, но тем не менее в нем есть и убийцы и убитые, есть жертвующие и те, кого приносят в жертву, стало быть и оружие есть какое-то тайное, которое не повесишь на поясе подобно кинжалу или пистолету, оружие тайное, недоступное глазу, неосязаемое, жесточайшее, от которого нет спасения. Это оружие, конечно же, не оставляет следов, оно невидимо, и результаты содеянного им невидимы также. в уголовном кодексе не предусмотрено статьи для использующего это оружие, а когда его пускают в ход, следствия не назначают. И умер человек, что поделаешь,

все мы смертны, и все же сколько умирают, и кто там разберется, умер ли он своей смертью или убили его тем невидимым, тем тайным оружием, кто разберется, если оно следов не оставляет...»

Эти авторские слова, пронизанные горькой иронией, звучат как общественное обвинение. Они развеивают мрак вокруг нас и топят лед равнодушия, придают нам силы для борьбы за правду, нравственность, честную жизнь. Они призваны придать нам силы для того, чтобы мы вытравили из своей души и тела все, что мешает нам честно жить, ибо эпитафия романа гласит: «Где плодится зло, там бесплодно добро...»

Три романа Отара Чхеидзе, как и все его богатое многообразное творчество — стремление и призыв творить добро. Чхеидзе-беллетрист прекрасно владеет всеми тайнами словесного искусства, пронзительный взгляд писателя достигает таких глубин жизни, выносит на свет такие явления, которые под силу только большим мастерам. Мы не собираемся здесь подробно анализировать характерные особенности прозы Отара Чхеидзе, но несколько слов должны сказать о языке писателя. Существует мнение, что язык прозы Отара Чхеидзе излишне архаичен, излишне стилизован, несколько манерен, что затрудняет ее чтение. В подобной языковой позиции некоторые усматривают неоправданный каприз писателя, я же думаю, что именно благодаря своему языку и примечательна проза Отара Чхеидзе, именно язык — бес-

спорное свидетельство его писательского таланта.

Нелишне будет вспомнить высказывание Важа Пшавела о языке писателя: «Писатель, в первую очередь, должен иметь свой собственный язык, поскольку язык — лицо писателя, его физиономия, а еще лучше — душа писателя. В языке скрывается индивидуальность писателя, его «я»... Не думаю, что это положение Важа Пшавела нуждается в пересмотре, а согласно этой мысли, языковая позиция Отара Чхеидзе верная и оправданная. Опирающаяся на богатую лексическую базу картлийского диалекта языковая ткань его произведений поначалу кажется странной на слух. Надо привыкнуть к ней. А привыкнув, постепенно вовлекаясь в ее течение, и уже кажется естественным этот поток синонимов, мелодика несколько архаичной, своеобразно построенной фразы.

В романах Отара Чхеидзе подняты значительные социальные проблемы нашей жизни. Показательна гражданская позиция писателя, его бескомпромиссное, непримиримое отношение ко всему отрицательному в нашей жизни. Публицистическая острота романов Отара Чхеидзе — обязательная их черта, одна из которой современная грузинская проза не смогла бы выполнить своей святой миссии служения интересам народа. Эта миссия активной борьбы за морально-нравственное оздоровление нашего народа, утверждение добра всегда была и остается основным назначением грузинской литературы.

Тедо БЕКИШВИЛИ.

ПОЭЗИЯ ТРУДА

СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

В аннотации, предпосланной к сборнику стихов А. Кравцова «Страна души», говорится, что в нее вошли стихи о Грузии, о Таймыре и Чукотке, о людях и природе нашей страны. Поэт — участник строительства тбилисского метро, заполярных строек. В течение полутора лет он жил и работал на строительстве Байкало-Амурской магистрали. В его стихах — трудовые будни первопроходчиков, атмосфера великого строительства, многообразие характеров и душевное богатство наших современников.

Тема труда — близкая А. Кравцову. Все, о чем он пишет, выношено, выстрадано им, это — часть его биографии.

Здесь толкучка в столовых
с утра,
потемневшие ложки да кружки,
концентраты борща, и жара,
и облитые потом веснушки.

Поэт выхватывает из действительности наиболее характерные детали. Пастозными мазками рисует он картину своего времени. В его творчестве нет места самодовлеющему поиску оригинальной рифмы, метафоры. Тема, затронутая поэтом, сама по себе столь прекрасна, что не нуждается ни в каком украшательстве.

Жизнь начинается с пути,
чье имя БАМ, дорога вска,
со спички, спрятанной в горсти,
с тайги, где ляжет лесосека.

Альберт Кравцов. Страна души. «Советский писатель». М., 1979.

В стихотворениях А. Кравцова неизменно подчеркивается романтический настрой, присущий советским людям. И этот романтизм, как одно из проявлений советского характера, прекрасно вписывается в конкретную реальность.

Ползут вездеходы по вырубке
звонкой,
сквозь гул бурстанков
все слышнее весна.
И первенца — дочку —
назвали Алонкой
Молдавские бамовцы, муж и
жена.

Труд в стихотворениях поэта показан как изначальная и основная потребность человека, потребность в труде осмысленном, оправданном, благодаря которому и создаются народные ценности.

В творчестве А. Кравцова преобладает момент поэтического осмысления событий, взволновавших поэта. В книгу «Страна души» прежде всего вошли стихи о военных годах, стихи о Грузии, которую поэт любит признательной и преданной любовью, поскольку Грузия стала для А. Кравцова неотъемлемой вехой его поэтической судьбы. Книга А. Кравцова, несомненно, вызовет интерес у читателя. Она — своего рода дневник, позволяющий проследить путь, пройденный поэтом. Простота и скромность, определившие направленность и стиль сборника, во многом способствуют близости поэта к читателю, который разделяет романтическую увлеченность поэта.

Михаил РАЗМАДЗЕ.

Джуаншер ВАТЕЙШВИЛИ

Я. П. ПОЛОНСКИЙ И „ТИФЛИССКИЙ“ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ

К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА

Среди русских писателей, жизнь и творчество которых тесно связаны с Грузией, видное место принадлежит Я. П. Полонскому — известному поэту, журналисту и общественному деятелю. Судьба его сложилась так, что именно в условиях предреформенной Грузии сделал он первые шаги на журналистском поприще.

В конце 30-х годов прошлого века царизм осуществил реформу местной периодической печати: повсеместно в губернских городах России появились так называемые «губернские ведомости», призванные воздействовать на общественное мнение в желаемом для правительства направлении. Программа этих газет, искусственно подразделявшая их содержание на «официальную» и «неофициальную» части, исключала возможность появления в них оригинальных статей на общественно-политические темы. Первой разновидностью губернских ведомостей на Кавказе являлась газета «Закавказский вестник», выходящая в Тифлисе с 1838 года.

В истории общественной мысли и печатного слова на Кавказе «Закавказский вестник» выделялся не только оригинальным наименованием, отличавшим его от других русских изданий данного профиля, но и, что более важно, на редкость самобытным содержанием неофициальной части газеты.

Вряд ли следует сомневаться в том, что огромная заслуга в постановке и улучшении неофициальной части «Закавказского вестника» принадлежала прежде всего редактору и ближайшим его сотрудникам, а также деятельным членам авторского актива газеты.

Независимо от того, что «Закавказский вестник» за время своего самостоятельного существования (т. е. с 1838 г. до слияния в 1856 г. с «Кавказом») сменил не одного редактора, самым плодотворным и значительным периодом в его дея-

тельности, безусловно, являются 1845 — 1856 гг., когда газету возглавлял видный деятель грузинского просвещения и культуры, известный грузинский историк и журналист Иоселиани (1809 — 1875). Самым надежным и энергичным сподвижником Иоселиани в деле издания «Закавказского вестника» в 1846 — 1851 годах являлся тогда еще молодой выпускник Московского университета и начинающий русский поэт Я. П. Полонский.

Еще до назначения помощником редактора «Закавказского вестника», которое последовало 1 мая 1846 года¹, Я. П. Полонский в 1844 году выпустил свой первый сборник стихов «Гаммы». Эти стихи, особенно те, которые относятся к периоду сотрудничества Полонского в тифлисской русской газете, были насыщены обличительным пафосом, в них не только изображались картины городской нищеты, участи бедняков, но и выражалось сочувствие угнетенным. Разумеется, стихи эти не были и не могли быть напечатаны в «Закавказском вестнике», но они в какой-то мере характеризуют тогдашнее умонастроение их автора.

Яков Петрович Полонский (1819 — 1898) происходил из мелкопоместных дворян Рязанской губернии. Будучи учеником губернской гимназии, он был награжден золотыми часами за стихи, «поднесенные им его высочеству наследнику цесаревичу»². Как видно из формулярного списка о службе Полонского, «по окончании в императорском Московском университете курса наук (он был) определен в канцелярию заместителя кавказского старшим помощником столоначальника 1846 года апреля 28-го»³. Тогда же Полонский был назначен помощником редактора «Закавказского вестника»⁴. Прибыв в Грузию весной 1846 года, Полонский остался здесь вплоть до середины 1851 года. За это время он продвинулся по службе в канцелярии заместителя, заняв с сентября 1849 года должность чиновника особых поручений при М. С. Воронцове⁵. Это назначение, однако, не отразилось на его работе в местной правительственной газете: вплоть до отъезда в Петербург он продолжал исполнять обязанности помощника редактора «Закавказского вестника», сотрудничая в газете и в качестве одного из ведущих ее авторов. Характерно, что первые шаги на поприще журналистики, сделанные Полонским за пятилетие своего пребывания в Тифлисе, оказались для него знаменательными: наряду с поэзией, до конца своей жизни он сохранил самую непосредственную тесную связь с журналистикой и печатным словом вообще, занимая попеременно соответствующие этому профилю служебные должности. По переезде в Петербург тифлисский опыт газетной работы способствовал сотрудничеству Полонского в таких известных столичных журналах, как «Современник», «Отечественные запи-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 4, оп. 7, д. 294, л. 6 об.

² ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, д. 2, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА Груз. ССР. Ф. — 4, оп. 7, д. 294, л. 6 об.

«ски», «Москвитянин», позже — в журналах «Русский вестник», «Вестник Европы» и др. Этот опыт оказался и тогда, когда он вместе с Г. А. Кушелевым-Безбородко возглавил качество соредатора издание широко известного в России журнала «Русское слово».

Если попытаться бегло проследить за биографической канвой жизни и деятельности Я. П. Полонского, то, согласно тому же формулярному списку, из канцелярии кавказского наместника, так же как и с должности помощника редактора «Закавказского вестника», он уволился в отпуск «с 26 мая 1851 года на два месяца, а потом этот отпуск был ему отсрочен еще на 2 месяца, т. е. по 26 сентября 1851 г. Из одного отпуска (Полонский) не возвращался по день увольнения его от службы 8 апреля 1852 г. В отставке был с 8 апреля 1852 г. по октябрь 1855 г.»¹. Мы не знаем, какие именно обстоятельства способствовали столь продолжительному отпуску, а затем и вовсе отставке Полонского от службы. Известно, однако, что в эти годы и позднее он усиленно занимался творческим трудом, сочетая журналистику с совершенствованием своего таланта поэта и писателя. В 1855 и 1859 годах вышли в свет сборники его стихотворений и рассказов, вызвавшие живейший интерес и отзывы петербургской читающей публики и тогдашней литературной критики. Многие из стихотворений и рассказов, вошедших в эти сборники, были опубликованы в разное время (с 1851 г.) в столичных журналах, в том числе в «Современнике». Что касается помещенных здесь в 1851 — 1853 годах стихотворений и переводов Полонского, один из современных исследователей этого журнала В. Евгеньев-Максимов, наряду со стихами Майкова, Фета, Жемчужникова и Гербеля, называет их стихотворениями «чисто дворянскими и по форме, и по идеологии»².

Более обстоятельный отзыв о поэзии и прозе Полонского, как одного из видных представителей плеяды русских поэтов конца 50-х — начала 60-х годов прошлого века, принадлежит Н. А. Добролюбову. В его рецензии на публикации Полонского 1859 года³ дана критическая оценка творчества поэта, отмечены особенности его поэтического мышления и метода. Поскольку некоторые рассуждения рецензента непосредственно перекликаются с биографическими данными Полонского, в том числе с тифлисским периодом жизни поэта, попытаемся рассмотреть их несколько подробнее. Подчеркивая «силу образованного ума» и «силу таланта» Полонского, Добролюбов отмечает, что «в прежних его стихотворениях мы видели признаки мечтательности, читая в них фантастические

¹ ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, д. 2, л. 2.

² «Современник» в 40 — 50 гг. От Белинского до Чернышевского, Л.-д. 1934, с. 334.

³ Рецензия озаглавлена: «Стихотворения Я. П. Полонского. Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб., 1859. Кузнецов (и)к-музыкант. Шутка в виде поэмы Я. П. Полонского. СПб., 1859. Рассказы Я. П. Полонского, СПб., 1859».

впечатления разных периодов жизни поэта¹». Пытаясь объяснить характерную черту поэзии Полонского, в частности то «отчего он не удерживается в пределах живой, человечески-ясной действительности», рецензент писал: «Поэт рад бы жить действительностью; но она для него так безотрадна, скучна и бессмысленна, что он невольно стремится от нее подальше»². Добролюбов высказывает недовольство политическим индифферентизмом Полонского, сожалея о том, что поэт при своих творческих возможностях фактически оказался в стороне от нараставшего общественно-политического движения предреформенной России, не проявил себя подлинным борцом во имя народных интересов. «Как скоро он принимается изображать что-нибудь из жизни, совершающейся перед его глазами, — говорится в рецензии, — его стих становится так уныл и безотраден, что невольно щемит сердце. Если б в таланте г. Полонского было менее мягкости и какой-то стыдливости, то он, при своем грустном настроении, мог бы извлекать из своей лиры страшные звуки негодования и проклятия. Но проклинать он не умеет, и недовольство его выражается в тихой, задумчивой жалобе»³.

Впрочем, Добролюбов в своей рецензии указывает на сравнительно кратковременный перелом в жизни поэта, наметившийся в середине 50-х годов, с которым критик увязывает более чем наглядный подъем в его творчестве. В качестве конкретной даты начала этого перелома, в какой-то степени характерного для многих представителей того поколения, Добролюбов, как нам кажется, подразумевает 19 февраля 1855 года — дату кончины Николая I, которая среди определенной части тогдашней русской интеллигенции породила радужные надежды на возможность утверждения в российском обществе по крайней мере начал «гласности» и гражданственности. «Сколько мы знаем, — говорится в рецензии, — только одна надежда уступил он (Полонский) общему, восторженному увлечению прелестями действительности (мы не имеем здесь в виду грациозных его стихотворений, воспевающих наслаждение чувства любви) — да и то в ожидании грядущих благ. Это было в то время, когда все были вдохновлены наступающим возрождением Руси посредством безыменной гласности и обличительных статей против мелких подъячих»⁴. В эти годы (1855 — 1856) появились политически острые стихотворения Полонского, призывающего «язвить насмешкою порок» и «карать зло» во имя «святой правды». В аллегорическом стихотворении «На корабле» (1856 г.) поэт обращается к духовно уцелевшим от «кораблекрушения» в годы николаевского безвременья со следующими словами:

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч. в шести томах под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского, том второй, 1935, с. 489.

² Там же, с. 492.

³ Там же.

⁴ Там же.

Но — не погибли мы!.. и много спасено..

Мы мачты укрепим, мы паруса подтянем,

Мы нашим топотом встревожим праздных лень

И дальше в путь пойдем, и дружно песню грянем...

Господь, благослови грядущий день!

Вскоре, однако, вспышка политически заостренного поэтического вдохновения Полонского уступила место глубокому разочарованию поэта, который еще совсем недавно был «не прочь от надежд, не прочь от общественных интересов. Но вера в восстановление правды и добра в общественной жизни, мечта о сильной и горячей общественной деятельности, к сожалению, скоро оставила его, как и многих других энтузиастов недавнего времени, и сменилась опять тем расположением духа, в котором высокие мечты кажутся ему уже сумасшествием, а в жизни представляется какая-то галиматья... Горестное сознание пустоты всего окружающего, соединенное с чувством собственного бессилия бороться против нее — хоть кого прогонит в мир мечтаний»¹. Это высказывание Добролюбова о Полонском, испытывавшем глубокий скепсис и отвращение ко всему, что было связано с политикой, непосредственно перекликается с настроением самого поэта этих лет, нашедшим отражение в его дневниках: «На мир (имеется в виду мир, заключенный в 1856 г. после Крымской войны — Д. В.), — писал Полонский, — я написал было стихотворение и изорвал его сам, не знаю отчего. Я чувствую невольно отвращение от всякого политического стихотворения; мне все кажется, что в самом искреннем политическом стихотворении столько же лжи, сколько в самой политике»². Предубежденность к политике не исключала, однако, искреннего патриотизма Полонского, который в своих сокровенных записях как бы самокритически признавался в неспособности служить своей лирой «пробуждению» народа, его подвигам и счастью. Ратуя за «чистую» поэзию и осуждая присутствие в ней политики, Полонский писал: «Я люблю Россию и готов за нее всем пожертвовать, — но даже и Пушкина стихов не люблю, там, где он говорит про Россию. Восторженные стихи в смысле поэтическом, увы! не доказывают народного восторга. Часто даже напротив, в них есть как бы желание пробудить спящий восторг в народе. Но чтобы будить такое громадное чудище — какова Россия, нужна неслыханная лира — а не моя и не майковская»³. Будто соглашаясь с упреком Добролюбова в том, что он стремится уйти от действительности, от общественно-политической проблематики в «мир мечтаний», Полонский в том же дневнике писал: «У всякого есть свои сны наяву. Но для этих снов еще не выдуман никаких истолкований. Они отчасти умирают с нами, отчасти переходят в потомство»⁴.

Полонский не сумел определить свое место в авангарде общественно-политического движения России 50 — 70-х годов

¹ Н. А. Добролюбов. ПСС, том второй, 1935, с. 493—494.

² ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, д. 7, л. 6—7.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 25.

прошлого века. Этому отчасти способствовали и условия жизни поэта, сложившиеся после его переезда из Тифлиса в Петербург. Его продолжительная отставка от службы прервалась 15 ноября 1855 года, когда он «высочайшим приказом по гражданскому ведомству... был определен в канцелярию Санкт-Петербургского гражданского губернатора канцелярским чиновником»¹. Проработав, однако, в этой должности всего лишь полгода, Полонский «14 мая 1856 г. согласно прошению (снова был) уволен от службы»². На этот раз поводом послужило то обстоятельство, что высокообразованным поэтом и журналистом в должности мелкого чиновника, увлекавшегося в то время и живописью³, заинтересовались «сам» петербургский гражданский губернатор Н. М. Смирнов и его супруга А. И. Смирнова (урожденная Россети), предложившие ему стать воспитателем их малолетнего сына. Предложение оказалось приемлемым для Полонского, испытывавшего тогда серьезные материальные затруднения. «Гувернер Смирнова (так называли меня в свете), — вспоминал позже в своих заметках Я. П. Полонский, — мог ли надеяться на чье-нибудь особенное внимание или сердечную привязанность. Слово гувернер — клеймо безденежья, а в Петербурге все простят кроме явной бедности»⁴. Общение Полонского с семьей высокопоставленного столичного чиновника, продолжительное пребывание с ней за границей способствовали некоторому обострению социальных мотивов в творчестве поэта, в частности проявлению неприязни к высшим прослойкам петербургского общества. Именно к этому периоду относится оригинальное стихотворение Полонского «Аристократке», которое хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Воспроизводим его целиком:

Я слышал, вам льстецы сказали,
Что будто в вас влюблен и я.
Помилуйте! Какое я
Имею право — вам солгали.
Ведь я не из Парижа франт,
Замкнувший шарф свой бриллиантом.
Не камергер, не адъютант,
И не имею Анны с бантом.
Я по богатству не в цене,
Не враль известный в модном свете,
Я не гардюю на коне,
Когда вы едете в карете.
Прислуга бедная моя
Не носит пышную ливрею,

¹ ЦГАЛИ, оп. 1, д. 2, л. 2 об.

² ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

³ См. переписку (1856—1857 гг.) Я. П. Полонского с А. И. Смирновой-Россети — там же, оп. 2, д. 9, л. 10.

⁴ Там же, д. 7, л. 28.

Нет — женщин вам подобных я
Любить охоты не имею¹.

Отвращение, которое испытал Полонский от близкого знакомства с аристократическим обществом Петербурга и, отчасти, от своего гувернерства, способствовало тому, что, оставив эту работу, он был «приказом по Министерству народного просвещения от 9 марта 1860 г. определен в Комитет цензуры иностранной секретарем...»². Начав новый этап своей жизни с этой, сравнительно незначительной чиновничьей должности, Полонский вскоре преуспел по части карьеры, сформировавшись за семь лет (с 1861 по 1868 г.) с коллежского асессора в статские советники³. Примерно к этому времени относится и повторная женитьба поэта, ставшего отцом сравнительно большого семейства⁴. В преклонном возрасте Полонский, возведенный в звание действительного статского советника, не испытывал недостатка во внимании со стороны ирравительства, получая солидную пенсию, ордена, подарки и «единовременные пособия для лечения»⁵. Незадолго перед смертью ему именным царским указом от «17 сентября 1896 г. всемилостивейше повелено быть членом Совета Главного управления по делам печати»⁶.

Таковы некоторые сведения об основных этапах жизни.

¹ ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, д. 9, л. 34. Стихотворение приложено к письму Я. П. Полонского, адресованному А. И. Смирновой-Росети, и сопровождается следующим комментарием сотрудника архива И. Розанова: «Данное стихотворение, переписанное рукою жены Я. П. Полонского Жозефины Антоновны, найдено было в бумагах поэта. Оно имеет прямое отношение к одному эпизоду, рассказанному Я. П. Полонским в его воспоминаниях (см. «Голос минувшего», 1919, №№ 1 — 4). Раз, «обманутый вниманием одной светской дамы», Полонский «употребил все средства, чтобы заслужить ее... дружеское расположение». «Вероятно, — рассказывает Полонский, — ей показалось, что я не шутя волочусь за ней, и когда однажды я зашел к ней после обеда, она велела мне сказать, что принять меня не может, потому что у нее гости... Гувернер — и аристократье. Мой приход показался ей дерзостью... Удар для моего самолюбия был слишком чувствителен. Сердиться и бесноваться было глупо. Но моей ноги с тех пор не было у ней». Вместо того чтобы «сердиться и бесноваться», поэт, как мы видим, предпочел излить свое возмущенное чувство в стихах. По некоторым намекам можно думать, что произошел этот эпизод незадолго до первой поездки поэта за границу. Этим определяется приблизительная дата: 1856 или первая треть 1857 года» (там же, лл. 39—41).

² ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

³ Там же, л. 3 об. — 4 об.

⁴ Я. П. Полонский был «женат вторым браком на девице Жозефине Антоновне Рюльман, римско-католического вероисповедания. У них сын Александр, родившийся 22 июля 1868 г., и дочь Наталия, родившаяся 18 августа 1870 г., и сын Борис, родившийся 5 мая 1875 г.» (там же, л. 2).

⁵ Там же, лл. 4 об. — 8 об.

⁶ Там же, л. 7 об.

творчества и службы Я. П. Полонского, почерпнутые нами из архивных и некоторых других источников. Не следует быть слишком проникательным для того, чтобы заключить, что тифлисский период жизни поэта был одним из самых интересных и значительных в его биографии. Он характеризовался не только взлетом творческого вдохновения и стремлением Полонского к активному участию в местной общественной жизни, но и пытливым познавательным интересом ко всему, что его здесь окружало. Более чем пятилетнее пребывание поэта в Грузии, причем в ранге одного из ведущих сотрудников местной правительственной газеты, способствовало его ознакомлению со многими сторонами, даже со спецификой общественно-политической и культурной жизни Кавказа конца 40-х — начала 50-х годов прошлого века. Об этом, прежде всего, свидетельствуют его публикации на страницах «Закавказского вестника» и «Кавказа», насыщенные яркими впечатлениями от знакомства с обычаями и нравами, экономикой и культурой местного населения. Особенно близко Полонский познакомился с Грузией, ее древней историей и литературой, оказавших впоследствии столь существенное воздействие на творчество поэта, на его формирование как одного из видных представителей русской художественной мысли и журналистики.

Не будет преувеличением, если скажем, что жизнь в Грузии и пятилетняя практическая деятельность на поприще местной русской журналистики положительно сказались на духовном настроении Полонского после переезда в Петербург, в лучшую пору расцвета его творчества, когда, по словам Н. А. Добролюбова, поэт был «не прочь от надежд, не прочь от общественных интересов». С таким толкованием значения тифлисского периода в биографии Полонского, однако, никак не согласуется мнение Б. Эйхенбаума, который в своем исследовании о поэзии Полонского, между прочим, замечает, что «Жизнь Полонского на Кавказе — жизнь вне общества, вне истории; жизнь беспечного юноши, не думающего о будущем»¹.

Несомненно прав Д. Чумбуридзе, который в ответ на это замечание пишет: «Мы не считаем справедливым (это) заявление Б. Эйхенбаума... Оно несправедливо и в прямом, и в переносном смысле»². Прежде всего надо заметить, что хотя Полонский приехал в Тифлис прямо, что говорится, с университетской скамьи, но это был отнюдь не юноша, как пишет Эйхенбаум, а вполне зрелый молодой человек 27 лет, которому по приезду доверили весьма ответственную официальную должность заместителя редактора «Закавказского вестника», с которой он, как уже отмечалось, совмещал и другую работу по канцелярии кавказского наместника. Надо отметить также, что «этот период в творчестве и мышлении Полонского является самым прогрессивным периодом. Иногда и в эту пору поэзия Полонского имела привкус проворонцовской, официально оп-

¹ Б. Эйхенбаум, Поэзия Полонского, см. в кн. «Я. П. Полонский. Стихотворения и поэмы», 1935, с. 19.

² Д. Чумбуридзе. Первый рецензент «Раздела» Г. Эристави, см. в сб. «Литературные разыскания», т. VIII, 1953, с. 404.

равданной политики (к примеру, стихотворения «Имеретинец», «Заступник», «По поводу открытия Тифлисского театра» и др.). Но в общем кавказский период в творчестве Полонского выделяется хорошим знанием материала, симпатией к местным жителям и реалистической манерой письма¹.

Таким образом, вопреки мнению Б. Эйхенбаума, выясняется, что жизнь Полонского в Тифлисе с самого начала была не юношески беспечной, а скорее наоборот, — она была полнокровной и в смысле загруженности поэта творчеством, службой и связанными с ней заботами, равно как и в смысле самого тесного его общения с тифлискими друзьями, среди которых в первую очередь следует назвать супругов Г. Г. и С. А. Гагариных, В. А. Соллогуба, М. А. и А. А. Уманец и других. Возвращаясь вместе с П. И. Иоселиани в известные тогда тифлиссские салоны, прежде всего в гостеприимных домах А. Г. Чавчавадзе и Мананы Орбелиани, Полонский был в курсе всяких новшеств в культурной и просветительской жизни местного общества. Так, когда 2 января 1850 года на сцене тифлиссской гимназии впервые был сыгран спектакль по пьесе Г. Д. Эристави «Раздел», Полонский первым в местной периодической печати отозвался на это выдающееся событие в истории грузинской культуры — рождение грузинской национальной драматургии и образование первого грузинского театра. Спустя три дня (5 января) в «Закавказском вестнике» была напечатана небольшая рецензия без подписи, содержащая не только положительный отзыв о пьесе и спектакле, но и обещание несколько позже рассмотреть их более подробно². Неизвестный первый рецензент пьесы Г. Д. Эристави выполнил свое обещание: в трех номерах «Закавказского вестника» за тот же год — от 11 мая, 1 июня и 20 июня была опубликована обстоятельная рецензия на эту пьесу, подписанная Я. П. Полонским³. Подробный разбор произведения Г. Д. Эристави был дополнен здесь рассуждением о значении спектакля, как крупнейшего события в культурной жизни Грузии, имевшего большой резонанс во всем крае.

Любопытно отметить, что Полонский, благожелательно оценивший литературные качества и злободневность произведения Г. Д. Эристави, сам оказался не прочь увлечься драматургией, причем в грузинском антураже. Выясняется, что некоторое время спустя после постановки «Раздела» поэт облюбовал сюжет своей будущей пьесы из истории Грузии XVI века. «Дареджана Имеретинская» — так назвал Полонский драму в пяти действиях, которую он посвятил Софье Андреевне Гагариной и напечатал в «Москвитянине» после своего переезда в Петербург⁴. В небольшом вступлении к пьесе, написанном в марте 1851 года в Тифлисе, Полонский сообщал некоторые сведения о сюжете и о том, что побудило его остановить именно на нем свой выбор. Он, в частности, писал, что «историчес-

¹ Д. Чумбуридзе. Первый рецензент «Раздела» Г. Эристави, см. в сб. «Литературные разыскания» т. VIII, 1953, с. 404.

² «Закавказский вестник», 1850, № 1, с. 2.

³ Там же, №№ 19, 22, 24.

⁴ «Москвитянин», 1852, № 7, апрель, кн. 1, с. 104—244.

кую основу этой драмы не трудно найти в рассказе Шардена, в его замечательном сочинении «Voyage du chevalier Chardin en Perse et autre lieux de l'Asie». Я пользовался амстердамским изданием 1735 года. С уверенностью очевидца Шарден описывает жизнь царицы Дареджан (т. 1 стр. 134) — одного из главных действующих лиц в моем произведении. Кому слишком дика или странна покажется моя фантазия, пусть прочтет Шардена — и лучше меня вообразит себе женщину той эпохи»¹. Распространяясь далее о сюжете своего «первого драматического опыта», Полонский сообщает, что его «сочинение не обнимает собой всей жизни Дареджаны, так трагически погибшей под кинжалом Кафия; оно оканчивается взятием Кутанса и падением Дареджаны, коварством достигшей власти»².

Автор пьесы заверяет читателей, что события, описанные в ней, «верны обычаям и преданиям той страны, которую я лично посетил два раза»³. Имея в виду обширную западно-грузинскую область — Имерети, где разыгралась описанная им драма, Полонский подчеркивает, что здесь отчетливо сохранились некоторые черты развитого феодального общества. «Имеретия, — пишет он, — до сих пор сохраняет в себе резкие черты тех особенностей, которые некогда составляли самобытный исключительный ее характер. Там до сих пор вы встретите князей, с которыми за одним столом обедает вся их прислуга, и найдете множество таких слуг, которые ни за какие деньги, ни вам, ни даже господину своему, не согласятся подать полотенце, потому только, что по примеру отца и деда, набивают трубку или придерживают стремя, когда тот садится на лошадь»⁴. Полонский отмечал, что свое произведение он предназначал для «тифлисской сцены, которая... воздвигается с такою пышностью и с таким истинно восточным великолепием, и где, смею сказать, моя драма для тифлисской публики была бы гораздо интереснее многих наших драм и даже комедий, непонятных в Грузии и совершенно чуждых нравам большинства будущих посетителей театра»⁵. Полонский высказывал сожаление в связи с тем, что его «драма... превзошла те средства, которыми в настоящее время владеет тифлисская сцена». «Не без чувства мне самому непонятной грусти, — писал он в заключение, — решаюсь я печатать слабый опыт мой, которого недостатки я так живо чувствую, и увы! Не нахожу еще в себе достаточно сил, чтобы окончательно исправить их»⁶.

Грусть, о которой говорит в конце вступления к своей пьесе Полонский, была навеяна сознанием преждевременного отъезда из Грузии, к которой он успел сильно привязаться и полюбить. Известно, что поэт оставил Тифлис, тесный круг здешних своих друзей, коллег и знакомых с чувством глубо-

¹ «Москвитянин», 1852, № 7, апрель, кн. 1, с. 104—244.

² Там же.

³ Там же, с. 103.

⁴ «Москвитянин», 1852, № 7, апрель, кн. 1, с. 103.

⁵ Там же, стр. 102.

⁶ Там же, с. 103.

кого сожаления, связанного с утратой чего-то очень близкого, полюбившегося, ставшего почти родным. Именно такое чувство проскальзывает в переписке Полонского этих лет с друзьями

Полонский и позднее ощущал грусть и высказывал вольство в связи с преждевременным своим отъездом из Грузии. В них нетрудно усмотреть вполне естественное для журналиста и поэта сожаление оттого, что он отдалился от Закавказья, ставшего вскоре после его отъезда ареной важнейших политических событий. В письме по тому же адресу, отправленном в разгар Крымской войны, когда обстановка в Закавказье и на Северном Кавказе была предельно накалена, Полонский писал своим тифлисским друзьям: «Мне очень жаль, что я теперь не за Кавказом. Если бы я мог предвидеть, что будет такая страшная борьба — такой пожар со всех сторон, — не покинул бы я Тифлиса. Не дал бог мне испытать, как с осажденными быть под пулями и притворяться совершенно спокойным, совершенно равнодушным к смерти»¹.

Сожаление, высказанное Полонским в связи с отъездом своим из Тифлиса в то время, когда на Кавказе завязался узел острейших политических противоречий и журналисту представилось широко поприще для приложения профессионального труда, вовсе не умаляло активной и полезной общественно-литературной деятельности поэта в предшествовавшее пятилетие его пребывания в Грузии. При этом надо отдать должное Полонскому, прежде всего, как достойному коллеге и сподвижнику П. И. Носелиани в деле издания «Закавказского вестника». Благодаря именно их совместным усилиям газету удалось обесценить весьма солидным авторским активом, который со временем вобрал в себя многих передовых представителей русской и национальных культур кавказских народов предреформенного периода. Среди них в первую очередь следует назвать Г. Г. Гагарина, Г. Д. Орбелиани, Г. Д. Эристави, А. К. Бакиханова, Х. Абовяна, В. А. Соллогуба, Н. В. Ханькова, М. Ф. Ахундова, Д. И. Кипиани, В. Ашхарумова, С. В. Жускаева, И. Сливинского, А. Яновского, А. Н. Муравьева, Л. Я. Люлье, О. И. Константинова, Д. К. Мегвинетухуцеси, ссыльного польского ученого и поэта Ф. Лада-Заблоцкого, известного академик-грузиноведа М. Ф. Броссе и многих других. Общественно-полезная деятельность названного авторского актива во многом способствовала обмену духовными ценностями, взаимному обогащению национальных культур и расширению русско-кавказского общения и сотрудничества.

Вклад Я. П. Полонского в укрепление этого сотрудничества достоин глубокого уважения и преклонения перед его памятью.

¹ ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, л. 28, л. 2, об.

А. С. ПУШКИН И ЕГО ГРУЗИНСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

Изучение жизни и творчества А. С. Пушкина в Грузии всегда носило глубокий и многосторонний характер. В широких аспектах исследований произведений поэта и его жизни особое место занимает тема «Пушкин и Грузия».

Одним из наименее изученных звеньев грузинской «пушкинианы» является вклад, внесенный в нее поэтом-академиком Георгием Леонидзе.

Поэтическое наследие Г. Леонидзе вызывает живейший интерес многих исследователей. Однако исследовательская деятельность самого Г. Леонидзе пока остается вне сферы интересов критики и никем специально не изучалась. В то же время Г. Леонидзе — историк, литературовед и редактор заслуживает не менее пристального внимания, чем Леонидзе-поэт.

Наряду с опубликованными в разные годы исследованиями о классиках грузинской литературы перу Г. Леонидзе принадлежат работы, посвященные А. Пушкину, М. Лермонтову, Вл. Маяковскому, С. Есенину, М. Шолохову, Н. Тихонову и другим. Примечательно, что изданный в 1938 году по его инициативе сборник «Пушкин и Грузия», в который вошли три его статьи, как бы суммировал начальный этап развития грузинского советского пушкиноведения.

Особо следует отметить то обстоятельство, что ни одна работа поэта, будь то монография или небольшая заметка, не имела поверхностного, дилетантского характера, а несла в себе новую, интересную информацию, основываясь на кропотливой работе в архивах, доскональном изучении материала.

Все эти черты характеризуют и его первую статью о Пушкине, опубликованную в 1929 году в журнале «Картули мცერლობა». Работая в рукописном отделе Государственного музея Грузии, Г. Леонидзе установил смысловую тождественность текста стихотворения Дмитрия Туманишвили «Ахал агнаго суло да...» с известными строками А. С. Пушкина из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года»: «Душа, недавно рожденная в раю...»¹. В доказательство автор прибегнул к сравнению оригинала стихотворения с пушкинским переводом первых трех и последней — шестой строфы.

¹ Пушкин А. С., Собрание сочинений в десяти томах, т. V, с. 431. В дальнейшем цитируем по этому изданию с указанием страниц.

Кстати, по свидетельству организатора встречи грузинской общественности с А. С. Пушкиным К. Савостьянова, на празднике в Ортачалском саду исполнялась, среди прочих, песня «Ахало», очень популярная в те годы.

Таким образом, Г. Леонидзе выявил первоисточник песни, о которой Пушкин писал в своих путевых заметках: «Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство» (431).

Прошло несколько лет, и гипотеза грузинского исследователя получила бесспорное подтверждение: по сообщению Л. Моздалевского и В. Дондуа, в собрании Л. Н. Майкова, поступившем в 1931 году в Пушкинский дом, был обнаружен лист бумаги из личного архива А. С. Пушкина, на что указывала красная цифра «25», проставленная жандармами при описи бумаг поэта после его гибели. На лицевой стороне этого документа неизвестным лицом записаны в два столбца грузинский текст и дословный русский перевод стихотворения, озаглавленного «Весенняя песня». На обороте листа несколько собственноручных рисунков Пушкина и среди них — женский профиль грузинского типа в национальном головном уборе.

Это и была песня «Ахал агнаго», полученная Пушкиным в Грузии. Причем выяснилось, что поэт располагал не отдельными ее отрывками, как думал Г. Леонидзе, а полным текстом и даже его подстрочным переводом. Тот факт, что Пушкин перевел песню частично, можно объяснить его нежеланием повторять одинаковые образы и сравнения, что безусловно способствовало лучшему ее восприятию.

В то же время найденный список песни давал возможность изучения самой рукописи. В частности, Г. Леонидзе заинтересовал почерк, которым был написан русский текст. Но хотя и он сам, и другие исследователи выдвигали различные гипотезы об авторстве подстрочного перевода, личность автора пока не установлена.

Вообще вопрос о том, с кем из представителей грузинской общественности встречался Пушкин, а также степень его близости с этими людьми особо интересовали Г. Леонидзе. В 1937 году в газете «Литературули Сакартвело» была опубликована большая статья исследователя «Грузинские знакомые А. Пушкина». В предисловии к ней автор подчеркивал, что это увертюра к задуманной им большой монографии. Причем в будущей книге Г. Леонидзе намеревался писать как об упомянутых Пушкиным грузинских знакомых, так и о тех, знакомство которых с поэтом подтверждает ряд весьма красноречивых фактов, но чьи имена не встречаются в его дневниках и письмах.

С особенным вниманием останавливается Г. Леонидзе на личности Бориса Чилаева (Бабае Чилашвили) — «правителе горных народов в полосе Военно-Грузинской дороги с резиденцией в Квешети». Автор не только излагает подробную биографию самого Б. Чилашвили, но и приводит сведения о его отце Глаха, советнике Вахтаंगा Батонишвили, принимавшем активное участие в политической жизни Грузии на стыке XVIII—

XIX веков, и о братьях Бориса—Егоре (Георгии) и Константине.

Чем же вызван столь пристальный интерес исследователей к этой семье? Ведь сам Пушкин ограничился всего лишь несколькими лаконичными фразами: «Я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу г. Чилиеву, начальствующему в здешней стороне» (425) и «Я почевал на берегу Арагвы, в доме г. Чилиева. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее» (426).

По предположению Г. Леонидзе, Б. Чилашвили, будучи воспитанником Петербургского кадетского корпуса, представителем петербургского высшего общества, близким другом Б. Вестушева-Марлинского, скорее всего не был случайным встречным для русского поэта, что и давало ему право обратиться к Б. Чилашвили с просьбой от имени своих попутчиков. В то же время исследователь задается вопросом: почему, описав мимолетную встречу с ранее неизвестным ему князем Казбеги, Пушкин как бы забывает более интересную и продолжительную беседу со старым знакомым, которая могла пополнить его записи подробностями о Грузии, ее народе и его обычаях. По мнению Г. Леонидзе, подобная сдержанность путешественника была обусловлена рядом причин: по примеру элиты русской молодежи, все три брата Чилашвили были масонами. Борис, в частности, числился членом Лабзинской ложи масонов. В 1826 году, после декабрьских событий, царское правительство начало жестокую борьбу с тайными обществами. Закрытие масонских лож отразилось и на Б. Чилашвили, который был вынужден покинуть Петербург. Следует принять во внимание и другое обстоятельство: старший брат Бориса, Егор, был связан с участниками заговора 1832 года, которые прочили его на пост министра внутренних дел и народного просвещения будущего грузинского правительства. Ко времени опубликования «Путешествия в Арзрум» он уже был в ссылке в Ленкорани. Поэтому неудивительно, что Пушкин, сам находящийся под негласным наблюдением тайной полиции, не мог подчеркивать своего давнишнего знакомства с братьями Чилашвили, столь «скомпрометировавшими» себя в глазах официальных кругов.

Черновик письма А. С. Пушкина к Б. Чилашвили, найденный (уже после опубликования данной статьи Г. Леонидзе и, естественно, неизвестный ему, дает возможность несколько иного толкования некоторых фактов. 24 мая 1829 года Пушкин писал: «Несколько путешественников, следующих по казенной надобности, находятся здесь в самом затруднительном положении и, зная по слухам Вашу снисходительность, решились прибегнуть к Вашему покровительству. Сделайте милость послать к старшине аробщиков. О чем просят убедительнейше артиллерии подполковник Бауман, граф Мусин-Пушкин и я. Примите и т. д.» (т. IX, 293).

По мнению некоторых исследователей, слова «зная по слухам Вашу снисходительность...» полностью исключают вероятность более раннего знакомства поэта с адресатом записки. Однако подобная безапелляционность выводов нам кажется спорной. Ведь сам Пушкин особо подчеркивал, что им была на-

писана официальная просьба «от имени всего каравана». Это, объясняя общий стиль письма, отнюдь не отрицает возможности существования между ним и Чилашвили более близких контактов.

Каждый исследователь, как бы скрупулезно и всесторонне ни рассматривал он интересующую его тему, не застрахован от неточностей в своих работах. Эти, так сказать, «издержки» исследовательской работы обусловлены в первую очередь ее сложностью и трудоемкостью, а также недостатком или, наоборот, излишним обилием сведений, порой весьма разноречивых, намеренным или случайным искажением фактов.

Так, например, по сей день не удалось установить, кто был тот первый грузин, с которым встретился А. С. Пушкин, путешествуя по Военно-Грузинской дороге, хотя многие исследователи в своих трудах отождествляют его с вполне определенным лицом или, вернее, лицами, т. к. существуют разные мнения по этому поводу.

На первом этапе изучения грузинских связей А. С. Пушкина предполагалось, что это был Габриэл Казбеги, дед известного грузинского писателя. Это мнение разделял и Г. Леонидзе, по-видимому, не знакомый тогда с воспоминаниями современника и попутчика Пушкина Н. Б. Потокского, опираясь на которые большинство исследователей впоследствии пришло к выводу, что поэт встречался не с Габриэлом Казбеги, а с его сыном Михаилом.

Г. Леонидзе, исходя из источника, т. е. соответствующего отрывка из «Путешествия в Арзрум» Пушкина, ищет такое историческое лицо, чей возраст и положение соответствовали бы данному автором описанию: «...Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане. В дверях лежал пузатый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями» (424).

Однако, следуя в принципе по верному пути, Г. Леонидзе не избежал существенной ошибки — не учел дату смерти Г. Казбеги (1817 г.). Это объясняется тем, что в использованных автором архивных документах нет на этот счет никаких указаний. В то же время этот материал настолько выпукло и живо представил колоритную и масштабную фигуру одного из верных слуг Ираклия II, что поэтическое воображение Г. Леонидзе, очевидно, возобладало над беспристрастностью историка, и в своей статье он создает, к сожалению, не соответствующую истине, но весьма впечатляющую картину встречи великого русского поэта с человеком, сыгравшим немаловажную роль в деле присоединения Грузии к России.

Что же касается второй версии, то ее сторонники всецело доверяли источнику, спорность которого допускала даже редакция публикующего его журнала, отмечая: «В настоящей статье есть некоторые разногласия с показаниями биографов Пушкина, тем не менее в виду интереса, какой вызывает к себе

все, что относится до Пушкина, мы с удовольствием даем место в рассказу Н. Б. Потокского»¹.

Вспоминая свою поездку по Военно-Грузинской дороге вместе с великим русским поэтом, Потокский полвека спустя так описывал встречу с Казбег: «Обходя церковь, мы увидели сидящего на камне, на самом обрыве над рекой, молодого горца красивой наружности, с русыми волосами и голубыми глазами, чисто одетого в черкеску. Пушкин первый подошел к нему и сделал вопрос по-русски: «Чья эта деревня?» Тот ответил чистым русским языком: «Моя», — и гордо окинул всех нас своими прекрасными глазами; разговаривая с ним, мы узнали, что этот молодой человек был владелец вышеупомянутого селения князь Михаил Казбек».

Несомненно, что Пушкин и Потокский говорят о совершенно разных людях. Тут противоречие и в возрасте — мужчина лет сорока пяти у Пушкина и молодой человек у Потокского (Михайлу Казбегу в то время действительно было 24 года), и в описании места встречи: духан и камень у реки близ церкви, внешности — подробно описывая внешность «молодого, красивого горца», Потокский вряд ли забыл бы указать его рост «выше преображенского флигельмана», столь поразивший поэта. Различие наблюдается даже в стиле общения Пушкина и Казбегу. Если, по словам самого поэта, он отвечал на вопросы князя «с почтением, подобаемым его званию и росту», то у Потокского Пушкин сам является инициатором беседы.

Следовательно, ценность приведенного Потокским эпизода не в том, что он представляет собой дополнение к пушкинскому воспоминанию, а в том, что благодаря ему расширяется наше знание о круге людей, с которыми поэт общался по пути в Грузию.

Таким образом, хотя на протяжении десятилетий после опубликования статьи Г. Леонидзе многие видные исследователи пытались уточнить личность князя Казбегу, очевидный результат этого — лишь еще одна неоправдавшаяся гипотеза.

Одним из достоинств рассматриваемой статьи Г. Леонидзе является то, что именно в ней впервые приводятся некоторые сведения о Дмитрие Цицишвили, его внучке А. Смирновой-Росети, Дмитрие Эристави, Барбаре Туркистанишвили и о их связях с Пушкиным.

Среди прочих сведений о петербургских знакомых А. С. Пушкина следует выделить некоторые рассуждения исследователя о взаимоотношениях поэта с семьей Абаmeleri, которая была в свойстве с фамилией Багратиони: царевич Давид, наследник престола, был женат на Елене, дочери тифлисского армянина Свимона Абаmeleri.

Жившие в Петербурге Абаmeleri не прерывали контакта с Тифлисом, члены семьи воспитывались в грузинском духе; о чем свидетельствуют сохранившиеся письма, написанные на грузинском языке.

В апреле 1832 года Пушкин записал в альбом племянницы Елены Абаmeleri, Анны, стихотворение, начинавшееся словами:

¹ Журн. «Русская старина», 1880, № 6, с. 575.

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем...

(т. II, 352).

По мнению Г. Леонидзе, это посвящение лишний раз подтверждает тот немаловажный факт, что Пушкин был близок с грузинской колонией в Петербурге и мог встречаться в семьях Елены Абамелик и ее брата со многими выдающимися грузинами. В частности, в 1831—1835 гг. у Елены Свионовны часто бывал ее крестник, известный впоследствии грузинский историограф Платон Иоселиани. Так как стихотворение, посвященное А. Абамелик, написано как раз в это время, гипотезу Г. Леонидзе о вероятности знакомства Пушкина и Иоселиани можно считать вполне обоснованной.

Пытливая исследовательская мысль, истинно творческое начало присущи и последующим работам Г. Леонидзе. В центре его внимания уже не лица, знакомство Пушкина с которыми не подлежит сомнению, а те грузинские современники поэта, с которыми жизнь неминуемо должна была его столкнуться. В то же время Г. Леонидзе пытается объяснить причины умалчивания Пушкиным встреч с ними.

Эти вопросы были затронуты исследователем еще в 1936 году в статье «По поводу пребывания Пушкина в Грузии» и в дальнейшем освещены в таких работах, как «Гость Грузии», «Певец свободы», «Великий Пушкин» и др.

В первую очередь Г. Леонидзе интересуется вопросом: неужели тифлисское общество, с которым, по его же словам, познакомился А. С. Пушкин, составляли лишь названные им губернатор Стрекалов, редактор Санковский и молодые титулярные советники, приезжавшие в Грузию «за чином ассессорским, толико вожденным» и смотревшие на нее, как на место изгнания? (432). Между тем, время посещения Грузии Пушкиным совпало с весьма значительным периодом в жизни грузинской интеллигенции. Именно тогда было создано так называемое «Тайное содружество», во главе которого встали лучшие представители грузинской общественности. По мнению Г. Леонидзе, если даже Пушкин и не знал ничего об этом политическом факте в жизни Грузии, то полная его неосведомленность о деятельности грузинских писателей того времени просто удивительна.

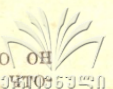
Вполне обосновано предположение исследователя о том, что поэт обязательно должен был познакомиться с переводчиком его произведений на грузинский язык Александром Чавчавадзе, прославленным поэтом, тестем А. Грибоедова, близким другом товарищей Пушкина — Раевского, Вольховского, Чаадаева. Тем более, что литературный салон Ал. Чавчавадзе был местом встреч представителей грузинской общественности с лучшими людьми своего времени. Свою уверенность в том, что имя Ал. Чавчавадзе было хорошо известно А. С. Пушкину, исследователь подкрепляет весьма красноречивым фактом: французский дипломат Виктор Фонтанье искажает в своей книге фамилию грузинского поэта, преподнося ее как «Чичевадзе». Пушкин же, в одном из вариантов предисловия

к своему «Путешествию», дает более правильную русскую транскрипцию — «Чавчавадзе». Нельзя не согласиться также с предположением Г. Леонидзе о том, что, побывав в Тифлисе, Пушкин несомненно поспешил бы выразить свое соболезнование Нине Чавчавадзе, вдове близкого ему Ал. Грибоедова, воспоминания о котором занимают в «Путешествии» довольно обширное место. Кстати, Пушкин упоминает и саму Нину: «Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни» (436). Ведь посетил же А. С. Пушкин, по свидетельству того же Потокского, могилу Грибоедова на Мтацминде, перед которой «преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы». Кроме того, в 1835 году, еще при жизни Пушкина, брат его Лев Сергеевич две недели гостил в имении Ал. Чавчавадзе в Цинандали, что еще раз указывает на близкое знакомство семьи А. Пушкина с Ал. Чавчавадзе.

К числу лиц, возможно знакомых с А. С. Пушкиным, Г. Леонидзе относит редактора грузинского издания «Тифлиских ведомостей» Соломона Додашвили, который напечатал в своей газете первые грузинские переводы стихов Пушкина. По мнению исследователя, с С. Додашвили поэта мог познакомиться П. Санковский. Не исключает он и вероятность их более раннего знакомства, т. к. в 1824—1827 годах С. Додашвили учился в Петербурге, был близок к тамошним литературным кругам, опубликовал свою «Логикку» в издательстве Смирдина, в своеобразный «литературный клуб» которого был вхож и Пушкин.

Подробно изучая «Путешествие в Арарум», Г. Леонидзе подчеркивает то обстоятельство, что у Пушкина сложилось вполне определенное отношение к Грузии, выразившееся и в его интересе к истории этой страны. Поэт отмечает храбрость, общительность, веселый нрав ее народа, доверчиво вверившегося покровительству России, что — по его ироническому замечанию — «не поменало славному Ага-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795)». (431). По заключению Г. Леонидзе, лишь очень расположенный к Грузии человек мог столь тонко отметить в те годы этот исторический факт. К тому же подобный вывод не мог быть следствием только тех сведений, которые приобрел Пушкин во время поездки по Грузии, а, несомненно, имел под собой более глубокую основу: непосредственные впечатления поэта накладывались на информацию, полученную им ранее из рассказов петербургских знакомых, а также на соответствующих литературных источников. Одним из таких источников исследователь называет сохранившуюся в личной библиотеке поэта книгу Артема Араратского, содержащую в себе подробные сведения о нашествии Ага-Мохамеда.

Тем не менее, делясь с читателями своими впечатлениями о поездке в Грузию, А. С. Пушкин крайне немногословен. Он как бы сознательно обходит молчанием ряд фактов, заслуживающих с его стороны большего внимания и способных создать более полную и подробную картину пребывания поэта в стра-

не, давно его интересующей. Создается впечатление, что он как бы нехотя публикует свои записи, и то лишь для того, чтобы опровергнуть несправедливое обвинение В. Фонтаньё¹.

В чем же кроется причина всех недомолвок А. С. Пушкина? Решившись, наконец, через несколько лет по возвращении из Грузии, опубликовать свои путевые записи, он крайне сдержан и осторожен в высказываниях, большинство встретившихся ему людей называет лишь по инициалам, а о некоторых, несомненно ему знакомых, даже не упоминает. Г. Леонидзе предлагает свое объяснение этому, учитывая своеобразие политической обстановки тех лет: ко времени представления Пушкиным рукописи «Путешествия» в цензурный комитет многие видные грузинские общественные деятели понесли наказание за участие в заговоре 1832 года. «Писать о них, о «государственных преступниках», самому «политически неблагонадёжному» Пушкину, усиленно преследуемому Николаем I и Бенкендорфом, было делом совершенно невозможным».

Вывод этот носит весьма общий характер и, естественно, не дает полного ответа на заданный вопрос. В дальнейшем грузинские исследователи внесли в него соответствующие коррективы.

Некоторые противоречия в гипотезах и суждениях Г. Леонидзе объясняются тем, что он первый затрагивал многие спорные проблемы, а также тем, что степень изученности материала была в его время совершенно иной, чем на современном этапе. Однако надо сказать, что и в наши дни, когда многие ранее неизвестные факты и документы уже введены в научный обиход, профессор В. С. Шадури в книге «Шумит Арава предо мною» сетует на бедность фактического материала о пребывании А. С. Пушкина в Грузии в 1829 году, которым ныне располагают литературоведы.

Тем более велика заслуга Г. Леонидзе, сумевшего первым, несмотря на недостаток информации, интересно и творчески осветить многие вопросы, сделать в основном верные заключения и, дав материал для раздумий следующим поколениям ученых, стимулировать появление новых работ, дополняющих и развивающих его выводы и наблюдения.

Учитывая все вышесказанное, нельзя не причислить большого поэта Г. Леонидзе к тем исследователям, которые, находясь у истоков грузинского пушкиноведения, заложили основу научного подхода к изучению важнейших проблем этой неиссякаемой и всегда актуальной темы.

¹ См. предисловие «Путешествия в Арзрум», т. V, с. 412.

ПОЭЗИЯ СБЛИЖАЕТ НАРОДЫ

На протяжении веков Армения и Грузия скрепляли свой братский союз не только словом, но и кровью. В числе поэтов, взваливших на себя бремя сохранения и укрепления традиций дружбы этих народов, с полным правом можно назвать Степанэ Мхаргрдзели. Его стихи проникнуты духом верности священному долгу певца дружбы двух древних народов, продиктованы большой любовью и уважением к Армении и ее многострадальному народу.

В годы Великой Отечественной войны С. Мхаргрдзели служил в 349-й стрелковой дивизии, стоявшей в Армении. Работая в редакции газеты «На страже Родины», он глубже узнал жизнь армянского народа, его характер. Эти впечатления и послужили импульсом к освоению армянской темы.

Частые поездки в Армению, постоянная связь с армянскими общественными деятелями и писателями способствовали углублению интереса к истории Армении и ее современной действительности.

С. Мхаргрдзели серьезно изучает историю, культуру, этнографию армянского народа, уклад его жизни. Его внимание особенно привлекают памятники культуры Армении, он публикует в газетах и журналах статьи и заметки, посвященные этому вопросу, проявляя большой интерес к героическому прошлому братского народа, идущий от сознания общности исторических судеб наших народов. Наши предки прошли одинаково сложный жизненный путь. Им приходилось вместе бороться и побеждать. Этим и определяется то понимание и тепло, которые поэт проявляет к армянскому народу.

Первое знакомство С. Мхаргрдзели с армянской литературой связано с народным эпосом «Давид Сасунский». «Именно тогда мне показалось, что я читаю эпос моего народа «Амирани», — говорит С. Мхаргрдзели, — и я почувствовал, как одинаковы судьбы наших народов, их характер, мужественная, нестигаемая воля. После «Ануш» я еще больше полюбил Туманяна и его соотечественников». (Из нашей беседы с поэтом). В то же время он посвящает великому армянскому поэту стихотворение «Ованесу Туманяну».

Как уже отмечалось выше, в 1942—1946 гг. поэт служил в 349-й стрелковой дивизии. Это было первое «посещение» С. Мхаргрдзели Армении. Суровая природа Армении, ее горы и скалы, тихое течение реки Арпачай, непривычные беседы с воинами и сельчанами в солдатских палатках о трагической судьбе несгибаемого армянского народа произвели на поэта неизгладимое впечатление.

Для того чтобы глубже понять душу Армении, ее радости и печали, Мхаргрдзели штудировал армянскую литературу. Он зачитывается произведениями Кучака, Нарекаци, Абовяна, Сундукяна, Ширванзаде, Ов. Туманяна, Исаакяна, Демирчяна.

Событием в его жизни стало знакомство с А. Исаакяном. Произошло это во время службы в Армении. «Варпет» любил в одиночестве бродить по улицам и скверам родного города, поглощенный своими думами. «Я часто видел его на улице и мечтал познакомиться с ним — вспоминает Мхаргрдзели. — Но присущая юности робость мешала осуществить эту мечту. И вот однажды, когда Исаакян спускался по улице Кирова, я подошел к поэту и представился как грузинский солдат и молодой поэт. «Варпет» улыбнулся, пожал мне руку, и мы вместе пошли в сторону городского парка, беседуя о литературе и искусстве». На прощание «Варпет» сказал: — Поэт всегда должен быть бойцом. В этом и состоит цель его жизни.

В архиве Мхаргрдзели мы обнаружили его первое стихотворение из армянского цикла «Вчера я видел Исаакяна», датированное 1949 годом.

Мхаргрдзели знакомится и с другими армянскими общественными и литературными деятелями. Особенно часто посещал воинов Н. Зарьян. Своими стихотворениями он поднимал боевой дух солдат. В сентябре 1945 года в зале Ленинаканской филармонии состоялся вечер интернациональной дружбы. Поэты читали свои стихи. Внимание Мхаргрдзели привлек Н. Зарьян. После этой встречи они сблизились, часто беседовали об актуальных вопросах современной советской поэзии. Их дружеские контакты не прерывались и после. В 1960 году Мхаргрдзели посылает Н. Зарьяну для перевода свое стихотворение «Николоз Бараташвили». Вскоре из Армении приходит дружеское письмо и перевод, которые и сейчас хранятся в архиве поэта. Несколько позднее свою любовь к армянскому писателю он выразил в стихотворении «Наири Зарьяну», где вспоминает свою первую встречу с ним на вечере армянских и грузинских поэтов в Ленинакане. Искренне скорбя по поводу кончины армянского поэта, он пишет: «И вот в твоём письме последнем еще горит пламя братской любви и ласки». Заканчивается стихотворение уверенностью в бессмертии друга-поэта.

В дальнейшем связи Мхаргрдзели с Арменией расширяются еще больше. Он с удовольствием посещает братскую республику. Во время этих поездок изучает историю, культуру и уклад жизни армянского народа, знакомится с деятелями армянской культуры М. Сарьяном, Ст. Куртияном, В. Каренцом, В. Давтяном, М. Корюном, Ш. Торосьяном и другими. Близкие взаимоотношения сложились у Мхаргрдзели с М. Корюном и В. Атрыаном. С последним он был знаком, когда тот

еще жил в Тбилиси. Эта дружба продолжается и после переезда Атрыяна в Ереван. В 1965 году, будучи в Ереване, Мхаргрдзели дарит ему сборник его рассказов «Сказка жизни»¹, изданный на грузинском языке.

Главное, что привлекает Мхаргрдзели в личности Атрыяна,—это то, что ведущей темой его творчества является дружба грузинского и армянского народов, а это было созвучно творчеству самого Мхаргрдзели. И вообще характерной чертой Мхаргрдзели — поэта и переводчика было то, что он переводил и завязывал узы дружбы с писателями, главной темой литературной деятельности которых являлась дружба народов. Именно эту черту творчества Атрыяна подчеркивает Мхаргрдзели в своей статье «У певца дружбы».

Об огромном интересе Мхаргрдзели к армянскому народу свидетельствует его статья «Думы у Арарата». Поэт восхищен достопримечательностями Армении. Для него дороги Арарат и Гарни, Эчмиадзин и Звартноц. Он путешествует по Армении, любуется ее суровой природой, трудолюбивыми людьми, возвращающимися на каменной почве виноградную лозу... А светлые города Армении? Раздан, Туманян, Аштарак... Не случайно поэт размышляет: «Счастливы старый Масис, так много переживший при виде того, как цветет его любимая Армения, и не жаль ему пролитых в прошлом слез...» («Соплис цховреба», 1961, 26 марта). В 1960 году Мхаргрдзели снова в Ереване. На этот раз он знакомится с Мартиросом Сарьяном. Он увидел на полотнах Сарьяна предмет своей нежной любви — Армению, ее высокие горы и голубое небо. «В Ереване говорят: тот, кто приезжает к нам на короткий срок и не успевает познакомиться со страной, пусть посетит мастерскую Сарьяна. Здесь он увидит Армению. И это действительно так,— пишет Мхаргрдзели, а затем добавляет:—Сарьян снова в своем саду, ласкает развесистые плоды персиков и абрикосов, приглаживает виноградную лозу, согнувшуюся в дугу подобно ему самому, и как пчела несет в свой улей пыльцу с цветов, так и художник—аромат своей земли в свою мастерскую. В садах Армении он ищет краски для своих натюрмортов и с их помощью создает свои бессмертные холсты» («Соплис цховреба», 1961, 6 мая).

Величие таланта М. Сарьяна, а также природу Армении он воспевает в стихотворениях «Видел я Армению в мастерской Сарьяна», «По дороге в Севан», «Ночь в Арташате», «Воспеваю армянскую землю».

С. Мхаргрдзели часто выступал на страницах периодической печати со статьями об А. Аконяне, Мурацане, Нар-Досе и других армянских писателях, в основном касаясь их переводческой деятельности либо переводов их произведений на грузинский язык.

В своей автобиографии он пишет: «В моем творчестве особое место занимают стихи об Армении и переводы из армянской поэзии. Долгое время я работал над циклом «Стихи об Армении». В этом деле мне помогли частые посещения Армении, а также военная служба на ее территории».

Разнообразна тематика его стихотворений, но в каждом из них чувствуется ритм времени. Восхищение сегодняшней Ар-

менней, ее стройками выражено в стихотворении «У Пушкинского перевала». Новый перевал и древняя земля Наири рождают трепет в душе поэта. И настолько велико его восхищение, что ему даже трудно подобрать подходящие цвета на своей художественной палитре для изображения красот армянской природы. Он вспоминает в стихотворении и Комитаса, чье имя в поэзии Мхаргрдзели является символом трагедии армянского народа и в то же время символом бессмертного духа и творческого гения Армении.

Тонким лиризмом пронизано стихотворение «Армянский цветок». Поэт одушевляет цветок «апрем-чапрем», по его же выражению, «не счесть цветов на сарьянской земле».

Армянская земля рождает чудо, все изливает красоту, поэтому поэта удивляет вопрос цветка:

Жить иль не жить? К чему гаданье это?
Себе или цветку что мне сказать?
Весенний день фиалкового цвета
Ответ подскажет: что за благодать!

Цвета Сарьяна, радостные краски
Согреют, обласкают сердце тут.

Разве можно задаваться подобным вопросом, если вы видели озеро Севан.

Жить иль не жить? Кто видел синь Севана,
Раздумывать не будет, надо ль жить?

И разве не преступление, живя в такой сказочной, красивой стране, думать о смерти, когда все несчастья твоего народа, земли твоей уже позади...

Взгляни, как Арарат очерчен ясно,
Как зреют вишни... Спрашивать зачем?
Поверь мне, сомневаешься напрасно —
Ответит: Жить! — цветок «апрем-чапрем».

(Перевод с грузинского В. Звягинцевой).

Уверенность в прекрасном будущем красной нитью проходит в стихах «Армения», «Цветет сад у берега Араза» и «В Санаинском храме». К первому из них эпитафией взяты слова Исаакяна: «Был бы у меня огород у берегов Араза». Поэт противопоставляет старой Армении новую, цветущую. Мечта «Варпета» сбылась. У берегов Араза цветет вся Армения, которая стоит на пути к коммунизму. И эта цветущая Армения — часть «огромного нашего сада» — многонациональной Советской страны.

С. Мхаргрдзели несколько раз бывал в Алаверди, посетил Санаинский храм. Здесь и родились его стихотворения «В Санаинском храме» и «Алаверди». Замшелые стены храма, его камни, дыхание старины навевают мысли о прошлом Армении. Но сегодняшней день врывается в размышления поэ-

та, дает им иное направление, иное содержание. Стихотворение проникнуто пафосом героизма, оптимизма.

В 1975 году, когда праздновалось столетие Исаакяна, поэт написал стихотворение «Орел зовет орла».

Символическое название его говорит о том, что наши народы сильны как орлы. Подтверждением тому — весь текст стихотворения.

В стихотворении «Танцуют горы» поэт воспевае творческий труд армянского народа.

В 1976 г. вместе с другими народами нашей страны грузинский народ торжественно отмечал 150-летие со дня рождения Г. Сундукяна. Поэт посвятил Сундукяну свое стихотворение «Цветущий персик». Говоря о дружбе Г. Сундукяна и А. Церетели, поэт воспевае дружбу наших народов. Заметим, кстати, что дружба двух писателей оставила огромный след в истории литературных взаимосвязей грузинского и армянского народов.

В своем стихотворении Мхаргрдзели рисует встречу великих писателей—Сундукяна и Церетели в саду. Сбылась их давняя мечта о свободе. Армянский драматург считает грузинскую землю своим вторым домом, ведь здесь он родился, жил и творил. И неудивительно, что дружба этих писателей повлекла за собой дружбу новых поколений.

Источником поэтического вдохновения для Мхаргрдзели являлся также образ Саят-Новы, певца трех кавказских народов.

Важное место в развитии армяно-грузинских связей занимают и переводы Мхаргрдзели, над которыми поэт трудился с такой же творческой энергией и самоотдачей, с какой работал и над собственными стихотворениями.

Среди переведенных им поэтов мы встречаем имена Туманяна, Исаакяна, Ованесяна, Терьяна, Чаренца, Капутикян, Зарьяна, Давтяна и других. Он переводил большей частью с оригинала и стремился быть верен духу подлинника.

Этот список говорит не только о хорошей осведомленности Мхаргрдзели в области армянской поэзии, но также и о широте его интересов, которая позволила грузинскому читателю познакомиться с наилучшими образцами армянской поэзии.

Давид АНДРИАСОВ

МОНУМЕНТЫ— ГИМНЫ ГЕРОИЗМУ

«Элгуджа Амашукели — один из основоположников новой грузинской монументальной скульптуры» — эти слова принадлежат выдающемуся грузинскому художнику современности Ладю Гуднашвили.

Приход Амашукели в грузинскую советскую скульптуру с самого же начала отмечен серьезной тенденцией его к масштабным, широко обобщенным художественно-пластическим задачам, о чем свидетельствуют такие работы, как «Мать-Грузия» (1958), памятник Вахтангу Горгасалу (1967), Нико Пироманашвили (1975) — в Тбилиси; памятник победы «Мать Колхети» (1967) — в Потти; монумент в честь погибших героев «Раненый орел» (1970) — в Зестафони и множество других, давно занявших весьма значительное место во всей советской монументальной скульптуре.

В 1979 году одновременно увидели свет две работы скульптора — Мемориал славы героическим морякам в Потти и монумент Победы в Гори. Архитектором их является Вахтанг Давитая, с которым Эл. Амашукели связывает долголетняя творческая дружба.

В одном из древнейших городов Грузии — Гори воздвигнут монумент, на первый взгляд, довольно традиционный по своей общей сути для грузинского национального художественного мышления, решенный путем емкого символического осмысления, творчески заостренного подхода к теме.

Народный художник Грузинской ССР, скульптор Эл. Амашукели и архитектор В. Давитая за создание Мемориала славы героям-морякам в г. Потти и монумента Победы в г. Гори представлены на соискание Государственной премии 1980 года.

Композиция геометризирована с целью осмысленного сочетания пластических форм, художественно-пластического контраста. Стремительное движение правой руки рыцаря — верхом на льве, одновременно и художественное средство призыва конкретно к борьбе и пластическое выражение постоянной национальной готовности к ней, а наклоненный меч в левой руке, обвитый ветвью виноградной лозы, вызывающий своим общим графическим очертанием и силуэтной структуро-выразительностью ассоциацию с крестом и даже не ассоциацию, а четкое сходство с формой и чертами креста, — весьма точно и осмысленно найденная доминанта, несущая смысловую и содержательную нагрузку, объединяющая все в неделимый символический образ.

Основной компонент композиции — символ креста — меча — лозы опущен вниз, и это незаметное движение полспудно вносит во всю скульптуру, в ее эмоциональную партитуру

Монумент Победы в г. Гори (1979 год).

своего рода интонацию скорби-печали, которая обогащает духовное начало художественного образа. И это не случайно, ибо каждая великая победа подразумевает не менее великие физические жертвы, игнорировать или забывать которые — уменьшить радость победы, а духовное начало самого произведения лишить внутреннего единства. Поэтому подсознательная тема скорби не нарушает общего лапоса произведения и первичной его целеустановки. Внесение данной темы в скульптуру продиктовано многогранностью общей художественной идеи произведения, ее неоднородностью и масштабностью.

Движение фигуры прекрасного юноши, выявленное достаточно остро и выразительно, еще более усиливает внутренне напряженная, отмеченная каким-то неосознанным, подсознательным динамизмом фигура льва. В пластическо-художественном осмыслении обра-

за царя зверей опознаются старые, знаковые историко-пластические рамки, уходящие корнями в глубинные пласты грузинской национальной духовной культуры, искусства (в частности живописи), в анналы возвышенной темы добра, мира и благодеяния, которые в процессе работы над произведением должны были служить для скульптора действенным художественным ориентиром и стилистическом и содержательно-смысловом отношении. Пластический рисунок льва — полнокровный и упругий, осязаемые формы его вызывают одновременно далекие ассоциации с пластическими конструкциями древневосточной скульптуры. Вместе с тем в монументе Эл. Амашукели лев осмысливается как выражение древнейшей, весьма близкой грузинам символической модели, как воплощение легенды о верности вере и идеалу.

Вахтанг Горгасали (1967 год).

Всю структуру произведения создает авторская концепция, вызывающая из реалий мира соответствующие бытий-

но-стилистические образы и превращающая их в неделимый художественный организм. Героическая тема мужества и стойкости поднята на высоту обобщенной категории человеческой энергии, что еще более углубляет, оттеняет, усиливает эстетический план произведения, тот широкий смысловой масштаб, который во всей полноте проявляется в весьма своеобразной пластической концепции. Это воплощенный образ национального нравственного идеала, символический и емкий по мысли. Художественный образ героя-идеи — не только результат импульсивного воображения или аффектации скульптора. Произведение подобного масштаба не создается вдруг, оно — логический результат эпической обобщенности внутреннего мира, основанного на разумно-интеллектуальных началах, приобщенного к активному творческому и нравственно-духовному идеалу, содержащего сложную символическую информацию. Достоинство скульптуры, как самостоятельной художественной ценности, заключено в ее пластической идее.

Общую идею этой скульптуры можно выразить в двух словах — лев и человек, а еще лучше в одном — богатырь. Вера и добро воплощены в физической форме льва, однако это не только телесная, материальная форма. Элгуджа Амашукели воплощает в фигуре льва дух непобедимости, веры, несокру-

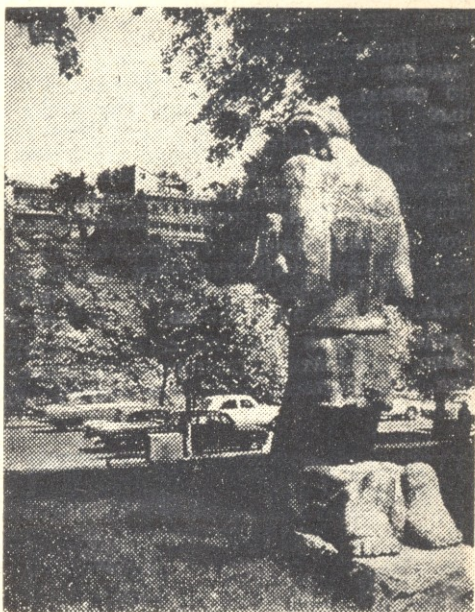
«Баллада о тигре и юноше».

ишмой силы национального высокого идеала. Вот какого сложного символично-смыслового выражения это произведение, посвященное памяти героев, принесших свои жизни на алтарь добра и мужества.

Новая монументальная скульптура Элгуджи Амашукели «Добро, побеждающее зло» — произведение и огромной художественной и пластической ценности. Эта композиция из двух фигур, несмотря на характерную монументальность и обобщенное осмысление форм, не лишена образной лирико-романтической мотивировки, которая в общей сути скульптуры направлена на поиски и проявления ее же внутреннего мира.

Фигура юноши, его художественное осмысление великолепно передает специфические черты монументальной скульптуры, для ее пластической характеристики художник прибегает к полной, нерасчлененной форме, поскольку форма здесь (как, впрочем, во всех произведениях Эл. Амашукели), достигает окончательного полного звучания и раскрытия лишь после того, как займет свое место в пространстве. Тогда в облике скульптуры Эл. Амашукели проявляются эпико-монументальные начала чувства, выявляется национальная сущность произведения, тот динамичный поток настроения, который вскрывается в сдержанной пластической характеристике.

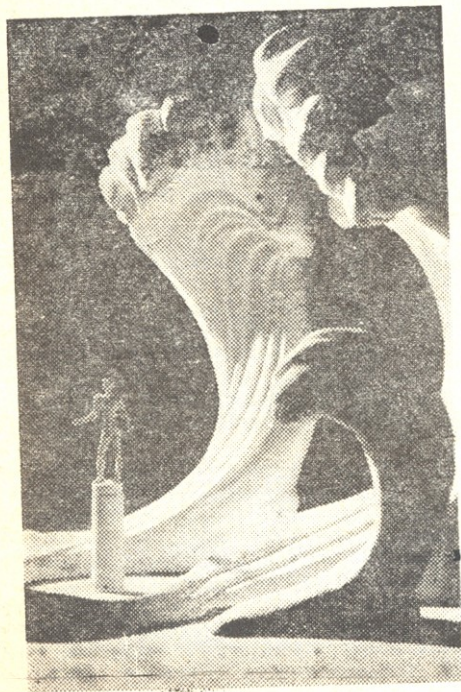
Пластическое моделирование скульптуры опирается на единый принцип, содержащий архитектурную логику конструкции самой композиции. Он создает взаимосвязанную художественную модель единой, нерасчлененной, спрессованной формы, глубоко выразительной пластической линии, динамичного организма. Контраст между вогнутыми и выгнутыми плоскостями скульптуры — резкого характера, что еще раз подчеркивает сильное и мужественное звучание образа. Контрастное движение конечностей и торса создает впечатление еще более мощной внутренней напряженности. Главное здесь —

Нико Пиросманашвили (1975 год).

в особенной организованности скульптурных масс — их объемно-пространственных отношениях, которые в каждом отдельном аспекте с одинаковой силой выявляют единую и целостную пластическую структуру скульптуры, являющуюся носителем необычной устойчивости, прочной архитектурной нагрузки.

Интересен следующий момент: из любой точки скульптура видится зрителю по-разному и одинаково эффектно. Нужно сказать, что вопрос о том, как впишется монументальный ансамбль в окрестности Гори, был сложнейшим как для скульптора, так и для архитектора, поскольку они, эти окрестности, весьма богаты и давно сформированы в архитектурном отношении. Поэтому перед художниками стояла задача создания такого пластического организма, который мог бы соперничать с колоритными и в некотором роде «искушающими» окрестностями горийской крепости. Но главное, скульптура своей внутренней энергией должна была противопоставить себя пространству и не просто пространству, а той среде, которая сама по себе — эстетический момент, должно было произойти гармоничное слияние ее с окружающей средой. Мы считаем, что это в полной мере удалось авторам композиции.

Мемориал славы героям-морьякам в г. Потти (1979 год).

Сам монумент развивается на оси зубцов горийской крепости, это — логический и кульминационный венец веками формировавшегося ансамбля, который после окончания строительства музея Славы примет законченный вид. Именно тогда и станет ясным результат органического синтеза архитектурно-пластических задач всего комплекса.

Воздвигнутый в Гори памятник Славы прекрасно выявляет общий характер особенностей пространственных связей скульптуры. И все это служит одной великой цели — четко и общезыримым образом выразить высокую и глубокомысленную идею, заряженную и насыщенную силой национальной, нравственной, гуманистической и гражданственной символики.

В горийском мемориале проявился весьма своеобразный и широкий подход к подчинению характера монумента архитектурно-пространственной среде.

Пластическое и фактурное моделирование самой скульптуры почти полностью вытекает из особенностей архитектурно-стилевой природы «Цхракаррани» и горийской крепости. Пластическая структура и тектоника построения объемных масс тела льва, его добротное изваяние, крайне конкретная, совершенная и стройная архитектурная конструкция прочно оседлали пластическое тело льва. Вообще довольно упорядоченный силуэтный рисунок скульптуры органически вписывается в объемную форму композиции, становясь как бы частью ее пластической структуры. Здесь достойна внимания еще одна деталь. Правда материала, верное, удачное соотношение его с фактурными данными пространственной среды — одно из значительных и принципиальных условий амалукелевского понимания синтеза искусств, ибо наряду с другими специфическими, основными чертами художественно-пластического видения художественную сущность монументальной скульптуры определяют несомненно и достоинства фактурной выразительности.

Генри Муру, выдающемуся скульптору XX века, принадлежат слова: «Главное в скульптуре — правда материала». Во всяком случае, если не главное, то одно из определяющих, — чувство правды материала, тем более в монументальной скульптуре.

Как уже отмечалось, пластический образ воздвигнутого в Гори монумента вытекает, безусловно, из стилевой природы архитектурной среды. Место монумента на оси горийской крепости определено ниспадающими каскадами зубцов стен и их динамичным ходом, и композиционное расположение всего монумента в целом — как бы органическое продолжение, развитие их победного шествия. Своеобразная архитектоника простого, чуть суженного в верхней части гранитного постаamenta (автор архитектурной части мемориала В. Давитая) тоже вытекает из зубцевой композиции, а бронзовая фигура богатыря венчает весь архитектурный ансамбль «Цхракаррани». Фигура самого льва одновременно выявляет и условный характер скульптуры, но в ней все же максимально ослаблены признаки отчетливой стилизации или подчеркнутой декоративности, хотя архаическое происхождение и характер льва очевидны, они однако вытекают из типичной природы скульптуры. Фигура

юноши отчетливо подвижна, тяжесть тела равномерно распределена между всеми ее точками. Силует ее строг и очень выразителен. Еще один ритмико-ассоциативный поток, выявленный уже пластическим образом юноши, его конструкцией, характер густых волос и опоясывающий его пояс — тоже средство, объясняемое ритмико-объемными особенностями образа, и, что главное, все это способствует созданию живой, животворной формы, глубоко эмоциональной и метафорически обобщенной.

В данном случае скульптура в контексте среды, действующей в архитектурном и историко-смысловом отношении, получает и конкретный характер, вернее, признак конкретности, заложенный с самого начала в общей ее сути. Два потока — эпический и лирический, действующие в композиции бок о бок, обретают общие смыслово-содержательные опоры, а их сосуществование придает образу более естественную и убедительную, внутренне пульсирующую интонацию. Обогащаются мировоззренческие аспекты образа, что вообще является принципиально важной особенностью произведений Эл. Амашукели, созданных за последнее время (70-е годы). Это — стремление к соответствующей мотивировке внутренних психологических пластов художественного образа, выдвигению на передний план лирико-эмоциональных или драматических аспектов, когда основное внимание направлено не на общий смыслово-пластический образ произведения, а конкретно на выявление в глубинном плане духовного мира героя (безразлично, создается портретная или символическая скульптура), что естественно расширяет границы и масштабы осмысления монументального образа, направляет творческий интерес скульптора дорогами новых, весьма примечательных поисков. Стремление к конкретности, точности, пластической ясности художественной формы с особенной силой проявилось в последних произведениях Эл. Амашукели. Жанрово-стилистическая структура созданного им характера бесспорно свидетельствует о способности скульптора представить художественный образ в логическом и динамическом единстве его монументального, романтического, символического, психологического или драматического планов. В этом нас убеждают и другие работы скульптора, установленные за последние годы в различных городах, в особенности же памятник Пиросмани в Тбилиси и мемориальный ансамбль в Пути, посвященный героическим морякам, в котором проявились совершенно новые, конкретные стороны творчества замечательного скульптора. Эти особенности, конечно же, были заметны и в произведениях монументальной либо станковой скульптуры, созданных им в 60-е годы.

Однако принципиальный, систематический, мы бы даже сказали, типологический и методологический характер они обрели в последних работах скульптора. Интересно, что проект горийского мемориала осуществлен в 1979 году, в процессе окончательного совершенствования в нем четко выявились отмеченные художественно-стилистические черты, и по завершении он предстал перед нами в образе художественного организма — яркого выразителя упомянутой тенденции.

Следует отметить, что эта тенденция характерна для грузинской монументальной скульптуры вообще, в общем итоге она подразумевает утверждение духовного единства и высокой нравственной и гуманистической концепции художественно-монументального образа.

Созданная Элгуджей Амашукели монументальная скульптура «Добро, побеждающее зло» — новаторское произведение, опирающееся на национальные начала, которое само по себе подразумевает глубочайшие духовно-ассоциативные связи с памятниками не только грузинской, но и всей мировой культуры, что так естественно и понятно по отношению к творчеству Эл. Амашукели.

Творческие принципы Эл. Амашукели всегда характеризовались единой мировоззренческой концепцией, идейно-эстетическими убеждениями, которыми пропитана каждая клетка стилистической системы любого его произведения. И на сей раз он блеснул своим даром, под которым мы подразумеваем осязаемый союз национальных глубинных слоев с опытом человеческой культуры, удивительно духовной, внутренне свободной и творчески воспринятой. И на сей раз нашел он надежные опоры в этом союзе с великим искусством, обогатив тем самым свое произведение не только пластически-образными структурами, но в первую очередь глубоким философским содержанием, проникнутым гуманистическими идеями. И, что главное, эта идейно-пластическая основа значительно расширена, существенно трансформирована, она представляется нам отмеченной историческими катаклизмами, многострадальным сложным национальным характером, который сблизают и роднят с предками глубокие духовные связи. Скульптура Эл. Амашукели отмечена и характерным осмыслением весьма своеобразных духовных факторов восстановления связи времен, возведенным в совершенно новое символическое измерение.

В решении Мемориала славы, воздвигнутого в Потти, Эл. Амашукели обращается к монументальным и масштабным формам. Эта грандиозность характеров и форм, берущая начало в необычайно смелой и глубоко эмоциональной художественной концепции задуманного, находит преломление в сфере нравственно-эстетической проблематики. В таком контексте предстает основная тема произведения. Именно здесь проявляется ее высокое гражданское звучание, одновременно подчеркиваются значительность стилистических связей современной прогрессивной скульптуры, особенности художественных форм и значение символов. Произведения Эл. Амашукели характеризуют патетическая тональность, сильная, выразительная метафоричность, масштаб чувства формы, способность увидеть в единстве основной проблемно-пластический образ монумента.

Скульптор Элгуджа Амашукели и архитектор Вахтанг Давитая в мемориале, воздвигнутом в гор. Потти, добились органического слияния идейного монументализма с широко пластическими структурами. Скульптор верно определил внутренний настрой всего комплекса в целом и с помощью конструкций экспрессивно бьющихся волн придал напряженный ритм всей композиции.

Мемориал находится в четырех километрах от города Поти. Три ослепительно белые застывшие волны, стоящий на пьедестале юноша и четыре мемориальные плиты — отдельные компоненты ансамбля расположены на подиуме формы рывистого конуса, к которому устремлены шесть облицованных «дорог», связывающих различные точки и ракурсы мемориала. Логический пластическо-эмоциональный их результат — символика волн в центре подиума, перед которым находится площадь, предназначенная для праздничных церемоний и митингов. Тут же — мемориальные могилы погибших в войне воинов, на которых высечены их фамилии. Психологическая или эмоциональная реакция каждого входящего на территорию ансамбля уже подготовлена для восприятия всей композиции. В центре волн, поднявшихся обелиском, возникает фигура героического юноши. Потийский мемориал с точки зрения пластики и архитектуры — весьма сложное и многоплановое произведение. В основе его сущность взаимодействия и синтеза двух пластических форм — свободного объема (морские волны) и «традиционного» (в условном значении этого слова). В данном случае идейно-образная динамика произведения усилена связью с той широкой и многообразной пространственной средой, в которой расположен весь мемориальный комплекс и его стержень — скульптурная композиция. А в последней нашла воплощение такого рода синтез форм, что она обретает особое звучание и большую внутреннюю энергию. Поэтому именно в этом произведении проявляются с такой силой полет и глубина амашукелевского пластического мышления.

Морская тема — пластика, получившая развитие в метафоричном образе волн, содержит в себе потенцию конкретизации пластического и смыслового образа, выраженную не аналогичной формовой структурой, но именно сформировавшимся характером историко-документальных признаков образа. Подобную нагрузку несет на себе фигура юноши, в которой выражена идея вечности героев во времени и пространстве, героев, выдержавших страшные испытания судьбы, до конца оставшихся верными своим убеждениям и идеалам, с честью исполнивших свою личную и историческую миссию и увековечивших себя вендом бессмертия. Скульптор ищет в их героизме самые дорогие и возвышенные чувства. Их боевой дух, бессмертный мятеж, непримиримая ненависть к фашизму усиливают веру автора во всемогущество человека. И прекрасный юноша Эл. Амашукели, противостоящий огромной, слепой стихийной силе, — обыкновенный человек (физически), он, подобно Давиду, простой, но сильная духом личность, олицетворение всех погибших, чья романтическая возвышенность и неуемный боевой дух проявляются в самоотверженности и бескомпромиссной верности идеалу. Эта вера делает произведение романтическим, а акцент на романтичность способствует единству духовного содержания конкретного художественно-пластического образа, дает возможность исследовать и объяснить главное и существенное — истинную суть горения и борьбы этого мира. Поскольку памятник возведен на земле древней Колхиды, античный дух культуры и стихия волн органически сливаются с

общей настроенностью приморского города. Здесь жанровую природу произведения определяет не только сам характер бес- смертного явления, но и связь этого явления с локально-исторической ситуацией и ее воплощение.

Автор ищет также средства и формы для внутренней связи между войной и героизмом вообще и конкретно подвигом героических колхских моряков, которые позволили бы ему изобразить их нравственный облик так, чтобы это соответствовало действительности, — показать их простыми, но достойными людьми, не отказываясь, впрочем, от определенной степени обобщения. Поэтому в образе юноши Эл. Амашукели прибегает к лаконичной художественно-эмоциональной структуре, в подобного рода форме он ищет внутренний пафос характера героя и его романтический дух. Героический юноша-колх — один из тех многих, кто всей своей жизнью, активной внутренней верой явился выразителем мыслей и чувств своих современников. Мораль потийского мемориала заключена в логическом развитии характеров именно таких обыкновенных, хотя и сильных духом людей. Это произведение возводит в новую качественную степень утвердившуюся не только в творчестве Эл. Амашукели, но и в сфере всей нашей монументальной скульптуры природу героическо-романтических настроений, в которой проявляется и гражданская позиция автора и его отношение к тематике подобных масштабных форм и характеров, закономерности создания их обобщенных образов. В моменте взаимосвязи между метафорой волн и юношей читается еще более глубокая идейная концепция. Внося свободные формы в контекст общего замысла произведения, автор утверждает идею бессилия любой слепой и стихийной силы перед истинными, высокочеловеческими, гуманистическими идеалами. Эти силы во все времена и исторические ситуации всегда противопоставлялись всему возвышенному и благородному. Идея по следам этой идеи, внутреннее стремление жизненного, одновременно земного и возвышенного, бытия скульптор выразил в конкретно-пластическом реалистическом образе юноши, а метафору сил, разрушающих бытийно-жизненную пластику, — в символике волн, естественно, сохранив в последней силу эстетического воздействия и приведя в действие все художественно-эмоциональное содержание работы, монолитная и в то же время утонченная пластика которой, пропорционально-симметричная гармония, четкая и стройная выразительность силуэтов, внутреннее напряжение формы и экспрессия покоряют нас своим воздействием. Все это вместе, включая слияние глубоко жизненного содержания с концентрированной и лаконичной художественной формой, создает ценное новаторское единство формы и содержания. Произведения, созданные в творческом содружестве скульптора Элгудии Амашукели и архитектора Вахтаंगा Давитая, — Монумент победы в Гори и Мемориал славы героическим морякам в Потн — замечательные явления монументального искусства нашего времени в сфере обобщения и отображения понятия героической морали.

Виктор КАЛНИН

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ АРХИВЫ...

Об участии грузинских студентов-медиков
Тартуского университета в революционном движении

Тартуский (б. Юрьевский) университет сыграл значительную роль в развитии грузинской культуры. В нем получило образование до Октябрьской революции около 400 выходцев из Грузии, многие из которых изучали медицину. Некоторые из них стали известными грузинскими учеными и врачами (терапевт **А. С. Аладашвили**, хирург **К. Д. Эристави**, маляриолог **С. П. Канделаки**, офтальмолог **А. Н. Шатилов**, уролог **Е. В. Тодадзе**, педиатр **В. А. Тохадзе**, канд. мед. наук **М. Н. Жоржолани**, заслуженные врачи Гр. ССР **А. А. Ломсадзе**, **Г. Б. Маргвелашвили**, **В. Е. Чиргадзе** и др.).

Большой наплыв грузинских студентов наблюдался в Тарту в начале XX в., особенно после революции 1905 — 1907 гг. Этому способствовало несколько причин, среди них то, что сюда с 1897 г. принимались лица, окончившие духовные семинарии (в прочие университеты, за исключением Варшавского и Томского, их не принимали); в Тартуский университет удавалось поступить «политически неблагонадежным» людям, которых к тому времени в Грузию было немало¹.

Грузинские студенты, как подлинные интернационалисты, принимали активное участие в общественно-политической жизни Тарту тех лет. Без преувеличения можно сказать, что тартуское грузинское студенчество шло в авангарде местного революционного движения. Почти в каждом выступлении тартуских студентов участвовали и грузины-медики.

Первым студентом из Грузии на медицинском факультете Тартуского университета был **А. Н. Шатилов**. В 1887 г. он поступил в Московский университет, но через два года за участие в студенческих выступлениях был арестован и исключен из университета. В 1891 г. Шатилов не без труда поступил в Тартуский университет, который и закончил в 1897 г. В Тарту он был в 1894 — 1896 гг. членом тартуской группы марксистов. Эта группа была создана в 1893 г. по инициативе Общества русских студентов. Одним из руководителей ее был исклю-

¹ Исаков С. Сквозь годы и расстояния. Таллин, 1969, с. 112—113.

ченый из Московского университета И. А. Давыдов. Ему первому из тартуских студентов посчастливилось увидеть и услышать В. И. Ленина 9 января 1894 г. на нелегальном собрании в Москве. Об этой встрече Давыдов рассказал тартуским студентам-марксистам². По воспоминаниям З. Г. Френкеля, впоследствии выдающегося советского гигиениста, члены группы много читали, реферировали социально-экономическую и философскую литературу, дискутировали. У группы были тесные связи с кружками эстонских и латышских студентов. В эти годы Френкель (следовательно и Шатилов) впервые познакомился с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса на немецком языке, а также с первыми работами В. И. Ленина³. Вернувшись на родину, Шатилов стал работать в Михайловской больнице в Тбилиси, тотчас после создания в 1898 г. Тбилисского комитета РСДРП стал его членом. Он принял активное участие в революционном движении, много сделал для распространения знаний в массах, несколько раз подвергался аресту. В советское время Шатилов стал видным ученым-офтальмологом, с 1933 г. — заведующим кафедрой глазных болезней Тбилисского мединститута, создателем целой школы грузинских окулистов⁴.

В феврале 1898 г. студенты Тартуского университета устроили впервые в истории Тарту всеобщую забастовку в знак протеста против избияния студентов полицией в Петербурге. С большим трудом властям удалось подавить студенческие волнения, прибегнув к репрессиям и помощи войск. Все студенты были исключены из университета, их принимали обратно только по индивидуальным заявлениям⁵. Из грузин, обучавшихся в университете, половина оказалась в числе деятельнейших участников студенческих «беспорядков», среди них активную роль играли студенты-медики **Н. Г. Мревлишвили, Н. М. Меликишвили, М. И. Чхенкели, Г. Ф. Натишвили, И. Е. Джаши, З. М. Цхетадзе**⁶. Последний работал с 1903 г. по 1906 г. ассистентом глазной клиники Тартуского университета⁷ и, как активный участник студенческих выступлений в свое время, был под полицейским надзором до 1904 г.

Еще больший размах приобрело революционное движение тартуского студенчества в начале XX в. в связи с общим обострением революционной ситуации в России. От требований академической свободы студенты переходят к требованиям политическим. В феврале-марте 1901 г. произошли студенче-

² Исаков С. Тартуский студент и В. И. Ленин. «Советская Эстония», 1970, № 55, с. 2.

³ Алексеева А. П., Мерабишвили В. М., З. Г. Френкель, М., 1971, с. 15—16.

⁴ Цулукидзе А. П. Врачи-грузины XIX столетия. Тбилиси, 1961, с. 86—88. (на грузинском языке).

⁵ Янсен Э. О революционном движении тартуских студентов в конце XIX и начале XX в. Ученые записки ТГУ, вып. 35. Тарту, 1954, с. 12—14.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 72, л. 425—426, 525—526.

⁷ Там же, оп. 3, ед. хр. 1820, л. 1—15.

ские волнения — студенты прекратили занятия в знак протеста против сдачи киевских студентов в солдаты. Участники сходки были разделены по степени виновности на три группы⁸ и соответственно наказаны. Студенты-медики **Д. С. Коберидзе** и **Я. М. Бухбидер** были отнесены к числу «наиболее видных или совершенно нераскаявшихся участников обструкционной сходки». Им был объявлен выговор с предупреждением, что в случае нового проступка они будут немедленно исключены из университета⁸. **Я. Н. Муджири** было объявлено предостережение относительно участия в нелегальных собраниях студентов⁹. За участие в обструкции 5 марта были исключены из университета 20 студентов - медиков и 3 слушателя фармации без права поступить обратно в Тартуский университет. Среди них был и **И. И. Шавгулидзе**. Правда, попечитель затем разрешил принять его обратно, однако не ранее 1 января 1902 г.¹⁰

17 и 18 февраля 1902 г. состоялись вновь массовые сходки тартуских студентов, на которых были приняты смелые резолюции с требованием политических свобод и решено было приступить к активным действиям. 19 февраля после сходки студенты вышли на улицу и с пением «Марсельезы» направились к Каменному мосту. Среди них были грузинские студенты-медики **К. С. Кавтарадзе**, **М. С. Коберидзе** (один из них при этом нес красное знамя), **Р. М. Арсенидзе** и **К. Ф. Ткешелашвили**. Коберидзе был арестован в ночь на 25 февраля, Кавтарадзе и Арсенидзе — 22 марта и находились, по сведениям тартуского полицеймейстера, в казарме военного начальника. Все они были исключены из университета на определенное время: Арсенидзе (позже поступил на юридический факультет) до января 1904 г., Кавтарадзе до августа 1903 г., Коберидзе до января 1903 г., Ткешелашвили до августа 1902 г. Для обратного приема требовалась справка о благонадежности, а ее многие не смогли получить. Большие мытарства, связанные с обратным приемом в университет, пришлось испытать, например, **К. С. Кавтарадзе**¹¹, привлеченному в 1902 г. «к дознанию при Лифляндском губернском жандармском управлении». Он был принят обратно в университет только в начале 1905 г.¹¹.

Впоследствии **К. С. Кавтарадзе** вместе со своим братом **Давидом** (учился на историко-филологическом факультете и в 1902 г. навсегда был исключен из университета) активно участвовал в революционном движении в Грузии и в 1908 г. привлекался в качестве обвиняемого по делу о Мингрельской организации РСДРП. Кутаисский губернатор сообщал об этом ректору Тартуского университета 12 марта 1908 г., заявив, что помощнику начальника Лифляндского губернского жандармского управления в Тартуском уезде выслано требование о дозна-

⁸ Там же, оп. 7, ед. хр. 373, л. 102—104.

⁹ Там же, л. 107.

¹⁰ Там же, л. 100—101, 119.

¹¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 373, л. 169—170, 193 — 195; Исаков С., указ. соч., 1969, с. 122—125.

нии и взятии его под стражу¹². **Я. В. Хочолава**, поступивший в 1910 г. на медицинский факультет, был вынужден покинуть границы Кутаисского генерал-губернаторства за принадлежность к антиправительственному сообществу¹³.

Студенческим движением в Тарту в начале XX в. руководил «Союзный Совет дерптских студенческих землячеств и организаций». В 1903 г. Союзный Совет пополнил свой состав (в нем стали теперь доминировать социал-демократы), поредешний несколько после арестов и репрессий 1902 г., и еще больше расширил свою деятельность. Была налажена связь с рабочими Тарту, регулярно выпускались листовки и прокламации. В 1903 г. была создана также Тартуская группа РСДРП. Празднование 1 мая 1903 г. намеревались сопроводить революционными выступлениями. Однако полиция устроила в ночь на 18 апреля обыски у лиц, которых по агентурным сведениям считали деятелями Союзного Совета и агитаторами по устройству «беспорядков». Обыски были проведены и у грузинских студентов-медиков **П. Д. Гедеванова** и **П. И. Кереселидзе**. Они были арестованы «впредь до выяснения обстоятельств дела»¹⁴.

Активное участие тартуское многонациональное студенчество приняло в первой русской революции. Демократическая часть его смело встала на сторону революционного народа и боролась под лозунгами большевиков. Особую активность в политическом воспитании как самих студентов, так и рабочих проявляли Общество русских студентов и Общество студентов-медиков, в которые входил и ряд грузин. Так, **Г. К. Хирсели** стал в те годы лидером тартуского студенчества, позже председателем Общества русских студентов, членом местной социал-демократической организации, за что неоднократно подвергался обыскам и арестам¹⁵. В основном Общество студентов-медиков занималось закупкой и хранением оружия, в его помещениях часто происходили совещания и собрания, в частности 18 октября 1905 г. заседание тартуской группы РСДРП. В тот же день была организована большая демонстрация у городской тюрьмы и все политзаключенные были освобождены. Перепуганная полиция и университетская администрация, желая избавиться от наиболее активной революционной силы, в принудительном порядке отправляли иногородних студентов на родину. Университет был закрыт с осени 1905 г. по осень 1906 г.¹⁶

После поражения революции началось активное наступление реакции. Несмотря на это, демократические силы студенчества продолжали борьбу. В конце 1907 г. в стенах Тартуского университета постоянно происходили сходки студентов. Одна из таких сходок произошла 29 ноября. Одним из председателей сходки был избран **П. И. Кереселидзе**, а среди участ-

¹² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 663, л. 41.

¹³ Там же, ед. хр. 784, л. 5.

¹⁴ Там же, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 373, л. 196.

¹⁵ Исаков С., указ. соч., 1969, с. 127, 130—131.

¹⁶ Эрингсон Л. Тартуский университет в 1905 году. Ученые записки ТГУ, вып. 56. Тарту, 1957, с. 28—37.

ников — грузины-медики С. П. Канделаки, Н. З. Гулисашвили, Г. Гульбани, А. Шакаришвили, И. Цхведадзе и др.¹⁷

В феврале 1908 г. полиция предприняла ряд мер по ликвидации Информационного бюро студентов Тартуского университета — нового руководящего органа местного студенчества. По данным жандармов, в это бюро входило 25 человек, принадлежащих в большинстве к социал-демократам или эсерам. Среди них были грузинские студенты-медики П. И. Кереселидзе, И. И. Шавгулидзе, И. Г. Тогонидзе, Д. Л. Кигурадзе, А. Шакаришвили. Они были после обыска арестованы, но вскоре освобождены из-под стражи¹⁸.

25 сентября тартуские студенты примкнули к всероссийской студенческой забастовке, начатой в сентябре 1908 г. по инициативе петербургского студенчества в знак протеста против реакционных мер министра народного просвещения А. Н. Шварца, направленных на ликвидацию университетской автономии. Тартуские студенты бастовали около трех недель. По сообщению министерства внутренних дел, одним из наиболее видных руководителей забастовочного движения в Тарту являлся Р. М. Арсенидзе. В ноябре был произведен обыск у него, Г. К. Хирели и И. В. Ахметели, руководителя Общества кавказских студентов. Последний же являлся библиотекарем Общества русских студентов и одним из активных деятелей в начале 1909 г.¹⁹ В ночь на 7 марта 1909 г. были произведены обыски в помещениях Общества русских студентов и у его виднейших деятелей, восемь из них (в их числе И. В. Ахметели) за принадлежность к студенческой фракции РСДРП, и как самые «опасные» деятели, были арестованы. По решению министра внутренних дел Ахметели был выслан на два года в Псков²⁰. Уже в октябре 1909 г. он был принят обратно в университет, так как согласно телеграмме псковского губернатора он был освобожден от надзора полиции. Закончил университет со званием лекаря в 1911 г.²¹ Затем он работал ассистентом в хирургической клинике проф. М. П. Ростовцева при Частных университетских курсах в Тарту²².

В ноябре 1910 г. произошло оживление студенческого движения. В ночь на 1 ноября был обыск у М. С. Чхеидзе, И. П. Гегелашвили и ученицы зубоучебной школы Н. В. Бахтадзе. В связи с известием о смерти Л. Н. Толстого 8 и 17 ноября в актовом зале университета состоялись массовые сходки студентов. А. А. Ломсадзе с тремя товарищами всю ночь печатали листовки, в которых освещалась личность Л. Толстого и содержался призыв к усилению революционной борьбы против самодержавия и даже к забастовке²³. В конце сходки 17 ноября студенты устроили демонстрацию, направляясь к Ра-

¹⁷ Исаков С., указ. соч., 1969, с. 127—128.

¹⁸ Там же, с. 129.

¹⁹ Там же, с. 130.

²⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 419, л. 170—171; ед. хр. 468, л. 89—90.

²¹ Там же, оп. 1, ед. хр. 1139, л. 21—22, 39.

²² ЦГИА ЭССР, ф. 1734, о. 1, ед. хр. 162, л. 11 на обороте.

²³ Исаков С., указ. соч., 1969, стр. 133.

тушной площади. Они несли плакат «Долой смертную казнь!» и пели «Вечную память» и «Вы жертвою пали». Наряд полиции разогнал демонстрантов и переписал 65 участников. Среди них были медики **М. С. Чхеидзе**, **А. Шакаришвили**, **Г. Б. Маргвелашвили** и **В. Чигогидзе**; последнего, как наиболее «виновного», подвергли трехмесячному аресту, на прочих участников демонстрации был наложен штраф в 50 рублей с каждого²⁴.

В ночь с 22 на 23 декабря полиция и жандармы произвели обыск и осмотр Грузинского землячества и в квартире по Ботанической улице, где помещались Общество русских студентов и Общество кавказских студентов. При этом была изъята нелегальная литература. В ту же ночь был произведен обыск и у студентов **Р. М. Арсенидзе**, **Г. К. Хирсели** и **Д. Л. Кигурадзе**, при этом они были арестованы, как «занимающиеся антиправительственной агитацией среди студентов с целью вызвать беспорядки в учебных заведениях»²⁵.

Грузинское землячество и Общество кавказских студентов фактически образовались раньше, однако легализованы они были лишь в феврале 1908 г.²⁶. Среди учредителей Грузинского землячества были студенты-медики **Б. Мирианишвили**, **А. Кутателадзе** и **Г. Гульбани**²⁷. В 1913 г. оно насчитывало 33 члена²⁸.

Фактически грузинским объединением было также Общество кавказских студентов. В 1909 — 1915 гг. в нем перебивало 40 студентов, из них 25 грузин. Во главе Общества чаще всего также стояли грузины, в числе их медики **Г. К. Хирсели**, **И. В. Ахметели**, **К. Д. Эристави**, **А. А. Ломсадзе**, **Л. А. Саралидзе**, **Г. Б. Маргвелашвили**, **Н. П. Рухадзе** и бывший медик **Р. М. Арсенидзе**²⁹. Почти все члены его одновременно состояли в Обществе русских студентов, зачастую у этих двух организаций были общие руководители, поэтому для всей деятельности кавказского объединения было характерным социал-демократическое направление³⁰. Имелось еще Общество студентов Северного Кавказа, устав которого был утвержден в ноябре 1907 г. Председателем был медик **А. Ф. Георгадзе**. Однако ввиду малочисленности членов и отсутствия материальных средств это общество в марте 1911 г. ликвидировалось. При этом библиотека была передана в виде пожертвования Грузинскому землячеству³¹.

В начале февраля 1911 г. студенты действительно намеревались устроить обструкцию с тем, чтобы прервать учебные занятия в знак протеста против новых реакционных мер царского правительства, фактически запрещавшего студенческие сходки и организации. Выступлением, имевшим целью добить-

²⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 373, л. 266—268.

²⁵ Исаков С., указ. соч., 1969, с. 134—135.

²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 468, л. 3 на обороте.

²⁷ Там же, ед. хр. 628, л. 5.

²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 864, л. 13.

²⁹ Там же, ед. хр. 625, л. 4—14.

³⁰ Исаков С., указ. соч., 1969, с. 149—150.

³¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 617, л. 1—10.

ся университетской автономии, руководит Комитетом по-
вет и созданный им забастовочный комитет. 2 февраля были
отпечатаны прокламации, призывавшие студентов на забастовку. Полиция и жандармы провели обыски в помещениях
студенческих землячеств и обществ. 2 февраля были арестованы
почти все члены Грузинского землячества за «незаконное
сборище с преступной целью», они были подвергнуты аресту
на 6 дней. Кто-то предал забастовочный комитет. 3 февраля
был арестован **К. Д. Эристави**, представлявший в нем социал-
демократов³².

По подозрению в организации забастовочного движения
были арестованы и другие студенты-грузины, в том числе ме-
дики **К. Т. Шервашидзе**, впоследствии активный участник ре-
волюционного движения в Грузии³³, и **К. Талаквадзе**. Одно-
временно были взяты под стражу впредь до выяснения обстоя-
тельств слушатели медицинского факультета Частных уни-
верситетских курсов **Н. С. Хачиану** и **Е. В. Тодадзе**³⁴.

Кстати, следует отметить, что в 1908—1918 гг. в Тарту
существовали Частные университетские курсы проф. М. И.
Ростовцева, дававшие также высшее медицинское образование.
По официальным данным в 1911—1912 гг. на курсах занима-
лось 19 слушателей и 2 слушательницы из Кутаисской и Тиф-
лисской губерний³⁵. В 1913—1918 гг. 16 грузин получили вы-
пускные свидетельства медицинского факультета указанных
курсов. Среди них **С. И. Никурадзе**, **Д. И. Жордания**, **А. С.**
Вадачгория, **Е. В. Тодадзе** и др., сдавшие затем экзамены на
звание лекаря в испытательной комиссии при Тартуском уни-
верситете, а также грузинки **Вера Гелелашвили** и **Зоя Шерва-**
шидзе³⁶. Ряд из них входил также в Грузинское землячество
при Тартуском университете.

Таким образом, грузинские студенты-медики сыграли важ-
ную роль в истории революционного движения тартуского студ-
денчества, а вместе с тем и в истории революционной борьбы
в Эстонии. Некоторые из них стали профессиональными рево-
люционерами, действовавшими впоследствии в Грузии и России.

³² Исаков С., указ. соч., 1969, с. 135—137.

³³ Су-рманидзе Р. Д. Грузинские врачи-революционеры —
воспитанники Тартуского университета. Материалы VIII конферен-
ции по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1970, с. 150—151.

³⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1734, оп. 1, ед. хр. 118, л. 12.

³⁵ Там же, ед. хр. 162.

³⁶ Там же, ед. хр. 175, л. 1—30.

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

Представленные здесь переводы произведений французских поэтов на русский язык выполнены переводчиком В. Козовым. Примечательно, что эти переводы впервые печатаются в нашем журнале. Дело в том, что первоосновы новаторских поисков и совершенство формы грузинской поэзии начала XX века связаны со всеми тремя авторами — Лотреамоном, Рембо, Бодлером, равно как и многими другими выдающимися представителями французского символизма. Интерес к европейскому, и в частности к французскому, символизму проявился и в переводческой деятельности грузинских поэтов. Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили, Сандро Цирекидзе, Микел Патаридзе и др. интенсивно переводили стихи французских символистов и парнасцев (в 1919 году в Кутаиси вышел небольшой сборник поэзии и прозы Малларме). В творчестве голубороговцев того периода часты прямые реминисценции из французских поэтов — Бодлера, Рембо, Верлена, Лотреамона, Лафорга, Роллина и др. С точки зрения обновления эстетической культуры грузинской лирики XX века это был верный путь, поскольку национальная поэзия широкого диапазона немыслима без учета поэтических достижений других стран, тем более, если эти достижения универсального характера. Мне кажется, переводы В. Козового одинаково интересуют как любителей французской поэзии, так и исследователей грузинской поэзии, изучающих истоки грузинского символизма.

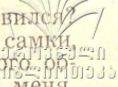
Бачана БРЕГВАДЗЕ

ЛОТРЕАМОН ПЕСНИ МАЛЬДОРРА ИЗ КНИГИ ПЕРВОЙ

При свете луны, у моря, в затерянных сельских местах, когда погружаешься в горькие думы, замечаешь, как все вокруг приобретает желтоватые, зыбкие, призрачные очертания. Тень от деревьев, ленивая или стремительная, пробегает, крадется, снует, расплываясь, стелясь по земле изменчивыми фигурами. В ту пору, когда уносили меня крылья юности, все это навевало мечты, казалось диковинным; теперь я привык. Стонущий ветер струит сквозь листву свои томные ноты, и сова голосит заунывную жалобу, так что у слышащих встают волосы дыбом. Тогда собаки приходят в неистовство и, сорвавшись с цепей, бегут прочь с отдаленных ферм; во власти безумия, они носятся бесну-

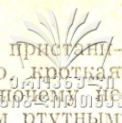

рядочно среди природы. Вдруг они замирают, озираясь в дикой тревоге, с пылающим взглядом; и как слоны перед смертью, опустив уши, отчаянно вытянув хобот, обращают в пустыне поведенный взгляд к небесам, так и собаки, с опущенными ушами, вытягивают голову, вздувают страшную шею и принимаются лаять, одна за другой — то подобно ребенку, надрывающемуся от голода, то подобно кошке, раненной на крыше в живот, то подобно женщине в родовых схватках, то подобно чумному в больнице перед агонией, то подобно девушке, поющей возвышенную песнь, — на звезды севера, на звезды востока, на звезды юга, на звезды запада; на луну; на горы, схожие вдалеке с чудовищными утесами, покоящимися во тьме; на стылый воздух, который вливают они полной грудью, отчего ноздри их в глубине становятся алыми, пламенеющими; на безмолвие ночи; на сов, пролетающих вкось, у самой их морды, несущих в клюве лягушку или крысу — живую, нежную пищу для своих малышей; на зайцев, скрывающихся во мгновение ока; на вора, который, свершив злое дело, скачет на лошади прочь галопом; на змей, что тревожат вереск, вызывая у них шкурный трепет и скрежет зубов; на собственный лай, пугающий их самих; на жаб, которых они разгрызают одним щелчком челюсти (зачем покинули свое болото?); на деревья, где каждый листок являет им, вяло колышась, еще одну необъяснимую тайну, какую стремятся они постичь своим пристальным умным взглядом; на виснувших, с длинными лапками, пауков, что спасаются бегством, карабкаясь по деревьям; на изголодавшихся за день в поисках корма ворон, которые машут усталым крылом, спеша восвояси; на прибрежные скалы; на мелькающие с мачт огни неразличимых кораблей; на глухой ропот волн; на проплывающих рыбин, которые выставят вдруг над водой свою черную спину, а затем погружаются в бездну; и на человека, который обращает их в рабство. После чего они снова срываются с места, пускаясь на окровавленных лапах вскачь через рвы, по полям и дорогам, в траве и по острым камням. Кажется, будто они взбесились, будто ищут для утоления жажды какой-то огромный пруд. Их протяжные завывания ужасают природу. Беда запоздалому путнику! Любители кладбищ на него бросятся, его растерзают, погребут его в своей пасти, откуда капает кровь; ибо прогневивших зубов у них нет. Дикие звери, не решаясь приблизиться, чтобы принять участие в мясной трапезе, разбегаются в трепете насколько хватает глаз. Спустя несколько часов собаки, изнуренные беспорядочной беготней, еле живые, с высунутым языком, не сознавая того, что творят, эдруп набрасываются друг на дружку и с небывалым проворством разрывают одна другую на тысячи кусков. Они поступают так не из кровожадности. Мать однажды, с потухшим взглядом, сказала мне: «Когда будешь в постели и услышишь с желей завывание псов, укутайся в одеяло и не смейся над ними: в них живет, как в тебе и во мне, как и во всех прочих людях, бледных и длиннолицых, неутолимая жажда безмерного. Я даже позволю тебе стать у окна, чтобы понаблюдать это вполне величественное зрелище». По сей день блюду я этот завет усопшей. Подобно собакам, я тоже испытываю потребность в безмерном... И я не могу, не могу ее удовлетворить! Я, как мне говорили, сын мужчины и женщины. Удивляюсь... я мнил себя чем-

то большим! Впрочем, не все ли равно мне, откуда я появился? Будь это в моей воле, лучше б уж стал я сыном акульей самки, чей голод под стать ураганам, и тигра, свирепость которого все шепризнава: я был бы менее злобен. Вы, вззирающие на меня, удалитесь прочь, ибо мое дыхание источает миазмы. Никто еще не видал зеленоватых морщин у меня на лбу, ни торчащих костей на моем исхудалом лице, подобных ребрам какой-нибудь рыбины или усеявшим взморье утесам, или обрывистым альпийским склонам, по которым я часто взбегал, когда волосы на голове у меня были другого цвета. И когда в грозовые ночи я слышюсь вокруг жилищ человека, одинокий, как камень посреди дороги, и взгляд мой пылает, а мои пряди исхлестаны ветром бурь, я прикрываю свое обескровленное лицо куском бархата, черного, точно коготь, набившаяся внутри дымохода: ни чьи глаза не должны стать свидетелями уродства, каким наделило меня с улыбкой всеильной ненависти Высшее Существо. Каждое утро, когда солнце встает для других, изливая на всю природу целебную радость и теплоту, — я в это время, глядя пристально, с застывшими чертами, в пространство, полное мрака, погруженный в отчаяние, которое пьянит меня, как вино, терзаю могучей рукой свою грудь под лохмотьями. И все же я чувствую, что ярости нет во мне! И я чувствую все же, что не один на свете страдаю! И все же я чувствую, что дышу! Как осужденный ощущивает свои мускулы, раздумывая об их участи, ибо взойдет скоро на эшафот, так, стоя на своей подстилке, закрыв глаза, я поворачиваю шею, неторопливо, справа налево, слева направо, целыми часами: и я не падаю замертво. Порой, когда шея уже не может вращаться в одном направлении, когда, замерев, она готова опять вращаться в обратном, я внезапно бросаю взгляд на горизонт, сквозь редкие щели в густом кустарнике, закрывающем вход: я ничего не вижу! Ничего... лишь поля в ураганной пляске вместе с деревьями и вереницами птиц, пролетающих в небе. Это волнует во мне кровь и мысли... Кто же это по голове колотит меня железным брусом, как молотом по наковальне?

Я собираюсь громко, не будучи взволнован, прочесть серьезную и трезвую строфу, которую вам предстоит услышать. Следите же за ее смыслом усердно и берегитесь гнетущего чувства, какое, подобно клейму, она не замедлит оставить в ваших смятенных умах. Не подумайте, что мои дни сочтены: я пока еще не скелет, и лицо мое не подернуто дряхлостью. Отвергнем поэтому, в числе сравнений, и всякую ссылку на лебедя, когда он прощается с жизнью, вообразите лишь, что перед вами чудовище, лик которого, к моему счастью, скрыт от вашего взора; но душой оно еще ужасней, чем с виду. И все-таки я не злодей... Довольно об этом. Недавно я снова встретился с морем, ступал по палубам кораблей, и память об этом во мне столь сильна, будто бы я с ним расстался только вчера. Впрочем, останьтесь, как я, если сможете, невозмутимы над этим чтением, которое, уже каюсь, я вам предложил, и не краснейте при мысли о том, каково оно — сердце людское. О спрут с шелковистым взглядом! ты, чья душа нераздельна с моей; прекраснейший из обитателей земного шара, властвующий над сералем в четыре сотни присосок; ты, в

ком покоятся благородно, как в естественном своем пристанище, с обоюдного согласия, связанные неразсторжимо, крепкая сила внушения и божественная пленительность, — ~~вот почему~~ сидишь ты теперь со мной рядом, прикавашись своим ртутным брюхом к моей алюминиевой груди, где-нибудь на прибрежном утесе, откуда мы вместе могли бы впивать зрелище, которое я обожаю?

О древний океан с хрустальными волнами, ты напоминаешь, в иных измерениях, те синеватые пятна, какие можно увидеть на истерзанных спинах юнг; ты — исполинская голубизна, нанесенная на тело земли: мне нравится это уподобление. Так что, едва ты явишься взору, долгий печальный вздох, точно ропот твоего сладостного дуновения, уносится, оставляя неизгладимый след в глубоко потрясенной душе; и ты пробуждаешь в своих обожателях подчас безотчетные воспоминания о мучительных истоках живущего, когда человек познает страдание, которое больше не покидает его. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, гармония твоей сферической формы, которая радуется строгий лик геометрии, уж очень напоминает мне крохотные глаза человека, похожие этой крохотностью на кабаны и на глаза ночных птиц — округлой законченностью своих очертаний. И однако во все времена человек был уверен в своей красоте. Я же думаю, что человек воображает себя красивым только из гордости, но что в действительности он некрасив и об этом догадывается; иначе зачем бы ему глядеть в лицо ближнего с таким презрением? Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, ты символ тождественности: всегда равен себе. Ты не изменяешься в чем-то существенном, и если волны твои где-либо свирепствуют, то чуть подальше, в какой-то другой полосе, они пребывают в полнейшем спокойствии. Ты не то, что человек, который останавливается на улице, чтобы понаблюдать за сцепившейся парой бульдогов, но который не останавливается при виде похоронной процессии; который с утра благодушен, а к вечеру дурно настроен; который сегодня смеется, а завтра плачет. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, нет ничего удивительного, если ты в своем лоне хранишь еще новые выгоды для человека. Ты уже отдал ему кита. Ты не позволяешь алчному взору естественная разгадывать с легкостью тысячи тайн твоего сокровитного организма: ты скромна. Человек постоянно бахвалится — по пустякам. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, различные породы рыб, которых ты питаешь, не поклялись жить по-братски. Каждая держится обособленно. Характер, строение тела, у всех непохожие, объясняют достаточно то, что кажется поначалу лишь аномалией. Таков и человек, лишенный, однако, подобных оправдывающих причин. Если какой-то клочок земли населяют тридцать миллионов человеческих душ, они считают своим долгом не вмешиваться в жизнь соседей, выросших, как корни, в следующий клочок. Переходя от большого к малому, убеждаемся,

что человек живет в своем логове, как дикарь, и нечасто его покидает, чтобы наведаться к ближнему, который, в свой черед, затаился в другой берлоге. Великая мировая семья человечества — это утопия, достойная самой посредственной фантастики. И кроме того, само зрелище твоих тучных сосков наводит на мысль о неблагодарности, ибо мы сразу же вспоминаем, как много родителей столь неблагодарны к Создателю, что бросают плод своей жалкой связи на произвол судьбы. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, твоя материальная величина сравнима лишь с воображаемыми размерами той действующей силы, которая сумела породить твою совокупную массу. Тебя не охватишь взглядом. Чтобы тебя созерцать, зрению следует обращаться непрерывным движением свой телескоп к четырем сторонам горизонта, так же как математик, решая алгебраическое уравнение, должен поочередно, пока не подыщет ключ, рассмотреть целый ряд возможностей. Человек, чтобы выгладеть грузным, поглощает питательные вещества и совершает иные усилия, достойные лучшего применения. Пусть она раздувается сколько угодно — эта очаровательная лягушка. Будь спокоен, она не сравнится с тобою объемом; во всяком случае, я так думаю. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, твои воды горьки. Вкус у них точно такой, как у желчи, которую критика изливает на искусства, науку, на все что угодно. Если кто-либо гениален, его выдают за болвана, если кто-то прекрасен телом, значит он мерзкий горбун. Разумеется, чтобы так обличать свое несовершенство, которое, кстати, на три четверти ему же обзано, человек должен сильно его ощущать. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, даже самые превосходные методы еще не позволили людям, вооруженным орудиями научного поиска, измерить головокружительную глубину твоих бездн: самые длинные, самые тяжеловесные лоты вынуждены признать недостаточными твои пучины. Рыбы... им это позволено; только не людям. Я часто задумывался: что легче исследовать — глубь океана или глубины людского сердца? Часто, стоя на палубе, прижимая ладонь ко лбу, когда луна прихотливо раскачивалась среди мачт, я замечал вдруг, что позабыл обо всем, кроме искомой цели, — только бы разрешить этот головоломный вопрос! В самом деле, что же бездонней и что непостижней — океан или сердце людское? Если тридцатилетний жизненный опыт способен хоть сколько-нибудь склонить весы к одному из решений, мне позволено будет сказать, что, как бы ни был глубок океан, в этом качестве он не может сравниться с человеческим сердцем. Я знавал в своей жизни людей добродетельных. В шестьдесят лет они умирали, и каждый потом восклицал непременно: «Они творили добро на земле и, стало быть, следовали закону любви; ничего больше, дело нехитрое, так всякий сумеет». Кто поймет, почему двое любящих, которые лишь накануне друг друга боготворили, из-за какого-то превратно понятого слова внезапно расходятся, гонимые ненавистью и местью, любовью и раскаянием, один на запад, другой на восток, чтобы, облачившись в гордое одиночество, бо-

лее не увидеться? Это — чудо, которое повторяется ^{каждо-}дневно и тем не менее остается чудом. Кто поймет, почему мы упиваемся не только всеобщими невзгодами ближних, ^{но} и невзгодами личными наших самых любимых друзей, ^{с которыми} которых мы в то же время скорбим? Неоспоримый пример подведет итог: человек говорит лицемерно «да», а думает «нет». Вот отчего молодые кабанчики людского племени так доверяют друг другу и лишены эгоизма. Психология еще немало должна совершенствоваться. Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, ты настолько могуч, что люди познали это на собственной шкуре. Тщетно они прилагают все силы своего гения... им с тобой не совладать. Они нашли себе повелителя. Я говорю, что они нашли нечто сильнее себя. У этого нечто есть имя. Имя ему — океан! Страх, который ты им внушаешь, таков, что они тебя чтят. И все же ты заставляешь их самые тяжеловесные машины плясать с легкостью, изяществом и непринужденностью. Ты заставляешь их совершать гимнастические прыжки до небес и восхитительные погружения к подножию твоих владений: трюки, которым позавидует и акробат. Счастливы же они, если ты не укроешь их невозвратно в кипящих складках, чтобы без всяких железных дорог они направились в твои водные недра узнать, как там чувствуют себя рыбы, а главное, как себя чувствуют они сами. Человек говорит: «Я умней океана». Возможно — и даже вполне справедливо: но океан ему более страшен, чем он океану: доказательств не требуется. Этот всевидящий патриарх, современник древнейших эпох нашего всячего шара, снисходительно улыбается, когда взирает на морские битвы народов. Вот она — сотня левиафанов, которые вышли из рук человечества. Высокопарные приказы командиров, крики раненых, пушечные залпы — весь этот шум производится лишь для того, чтобы убить пару-другую минут. По-видимому, драма окончена и океан все поглотил в своем чреве. Пасть чудовищна. Похоже, она расширяется книзу в направлении к неисследимому! Наконец, в завершение этой глупой и попросту неинтересной комедии, замечаешь под небесами усталого анста, отставшего от других, который на полном лету вдруг начинает кричать: «Ну и ну!.. Тут что-то неладное! Внизу были черные точки; я закрыл глаза — и они исчезли». Приветствую тебя, о древний океан!

О древний океан, величественный одиночка, когда ты обозреваешь блистательную пустыньность своих невозмутимых владений, ты по праву гордишься их прирожденным величием и непритворными славословиями, которые я усердно тебе возношу. Сладостно зыблемый веющей негой той величавой размеренности, в которой явлен самый бездонный из всех атрибутов, какие тебе даровала высшая сила, ты катишь, окутанный сумрачной тайной, свои бесподобные волны на всем протяжении царственной глади, в спокойном сознании своего извечного всемогущества. Они чередуются параллельно, перемежаемые короткими промежутками. Едва одна из них убывает, как вслед ей, вздуваясь, стремится другая, под

меланхолический ропот пены, которая тает, напоминая нам, что все в мире — пена. (Так человеческие существа, эти вые волны, умирают, сменяясь в однообразном порядке, но не оставляя и пенного ропота). Перелетная птица доверчиво на них садится и отдается их колыханиям, исполненным гордой грации, пока в костяке ее крыльев не восстановится необходимая сила, чтобы продолжить небесное странничество. Я хотел бы, чтобы величие человека было лишь воплощенным отблеском твоего. Я прошу многого, и это искреннее пожелание — во славу тебе. Возвышенность твоего благородства, олицетворяющая беспредельность, неизмерима, как мысль философа, как любовь женщины, как божественная красота птицы, как раздумья поэта. Ты прекраснее ночи. Ответь, океан, хочешь ли ты быть моим братом? Всколыхнись же неистово... сильнее... еще сильнее...если хочешь, чтобы я уподобил тебя божьему мщению; выпусти свои свинцовые когти и проложи себе путь в собственном лоне... вот так. Раскатывай свои жуткие волны, страшилище-океан, — ты, к чьим стопам я, один лишь появив тебя, припадаю, простершийся. Величие человека заемное; он не заставит меня трепетать; ты — можешь. О, когда ты надвигаешься, подняв высоко свой чудовищный гребень, катя свои волны одну за другой, окруженный, как свитой, змеистыми складками, завораживающий и неистовый, в полном сознании того, что ты есть, когда, словно бы отягченный жгучими угрызениями, ты выпускаешь из бездонной груди то глухое и бесконечное завывание, которое так ужасает людей, даже если они созерцают тебя в безопасности, стоя, полные дрожи, на берегу, — тогда я убеждаюсь, что нет у меня небывалого права называть себя равным тебе. Вот почему я готов, перед лицом твоего превосходства, отдать тебе всю любовь (а сколько любви в моей тяге к прекрасному, того не знает никто), если бы только ты не напоминал мне мучительно о моих ближних, с которыми ты образуешь самый иронический контраст, самую гротескную антитезу, какие когда-либо являло творение: я не могу любить тебя, я тебя ненавижу. Зачем же я снова, в тысячный раз, возвращаюсь к твоим дружелюбным рукам, которые раздвигаются, чтобы нежить мое пылающее лицо, и, касаясь его, избавляют от жары? Мне неведом твой тайный жребий; но все, что с тобою связано, для меня важно. Ответь же мне: ты ли служишь обителью князю тьмы? Ответь мне... ответь, океан (и лишь мне одному, дабы не опечалить тех, кто знал покамест только иллюзии), и скажи: не сатана ли своим дыханием рождает бури, взметающие твою соленую влагу до облаков? Ты должен мне это сказать, ибо я возликую, узнав, что ад так близко от человека. Я хочу, чтобы эта строфа стала последней в моем обращении. Я, следовательно, хочу еще раз тебя приветствовать — и с тобою проститься. О древний океан с хрустальными волнами... Глаза мои утопают в обильных слезах, и я больше не в состоянии продолжать, ибо чувствую, что пришло время вернуться к людям, в гулцу свирепых лиц; смелее же! Приложим все силы и с сознанием долга исполним свое назначение на земле. Приветствую тебя, о древний океан!

Полночь: от Бастилии до Мадлен* больше видно omnibusов. Я ошибся; вот один появляется из-под земли. Несколько запоздалых прохожих озирают его внимательно, ибо он, по-видимому, не похож на другие. На империале сидят люди с застывшими, как у дохлой рыбы, глазами. Они тесно прижаты друг к другу, и кажется, жизни в них нет; впрочем, положенное число не превышено. Когда кучер стегает лошадей, впечатление таково, будто кнут движет его рукой, а не рука кнутом. Что должно думать об этом сборище даковинных и безмолвных существ? Кто они — лунные жители? Эта мысль временами напрашивается; но они больше похожи на трупы. Omnibus спешит к конечной остановке и, одолевая пространство, скрежещет по мостовой... Он уносится!.. Но нечто бесформенное гонится неступленно следом за ним в гуще пыли. «Остановитесь, молю вас, остановитесь!.. мои ноги распухли, я шагал целый день... я не ел со вчерашнего... родители меня бросили... я не знаю теперь, что делать... я хочу непременно вернуться домой, и я доберусь туда быстро, если вы мне дадите место... я восьмилетний ребенок, и я надеюсь на вас...» Он уносится!.. Он уносится!.. Но нечто бесформенное гонится неступленно следом за ним в гуще пыли. Один из этих людей с ледяными глазами толкает локтем соседа и как будто высказывает ему недовольство стенаниями которые, серебристо звуча, доносятся до его слуха. Тот едва заметно кивает ему в знак согласия и затем вновь погружается в оцепенение своего эгоизма, как черепаха под панцирь. В чертах остальных пассажиров читаются те же чувства, что и у этих двоих. Крики, с каждым мгновением все пронзительнее, еще раздаются две-три минуты. Видно, как распахиваются на бульваре окна, и чья-то испуганная фигура, с лампой в руке, бросив взгляд на проезжую часть, закрывает яростно ставню, чтобы более не появляться... Он уносится!.. Он уносится!.. Но нечто бесформенное гонится неступленно следом за ним в гуще пыли. Лишь один юноша, погруженный в мечтательность среди этих каменных изваяний, испытывает как будто жалость к несчастью. В защиту ребенка, который, с болью в ножонках, рассчитывает их догнать, он не решается возвысить голос, ибо другие поглядывают на него презрительно и властно, и ему ясно, что против всех он бессилен. Упершись локтями в колени и в ладонях сжав голову, он вопрошает себя с изумлением, таково ли оно и впрямь — то, что названо человеческим милосердием. Он согласен теперь, что это всего лишь пустые слова, которых не найдешь даже в словаре поэзии, и он сознается искренне в своем заблуждении. Он говорит себе: «Стоит ли, в самом деле, думать о малом ребенке? Забудем его». Но уже покатила по щеке подростка, который конуествовала лишь минуту назад, обжигающая слеза. Он мучительно погирает лоб, как будто хочет

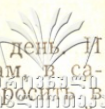
* Площадь Бастилии и улица Мадлен в Париже — прим. перев.

рассеять завесу, пеленой отуманившую его мысль. Он яростно, хотя и тщетно, рвется прочь из эпохи, в какую его заточили; он чувствует, что ему нет в ней места, и однако не может ее покинуть. Чудовищная тюрьма! Мерзкая предопределенность! Ломбано, я отныне доволен тобой! Я неотрывно за тобой наблюдаю, покамест лицо мое дышало общим с окружающими равнодушием. Подросток, движимый негодованием, встанет и намеревается удалиться, чтобы не соучаствовать в дурном поступке. Я киваю ему, и он снова садится рядом... Он уносится!.. Он уносится!.. Но нечто бесформенное гонится испуганно следом за ним в гуще пыли. Крики вдруг обрываются, ибо ребенок споткнулся об острый торец и в падении расшиб голову. Омнибус исчез на горизонте, и перед глазами остается лишь безмолвная улица... Он уносится!.. Он уносится!.. Но нечто бесформенное больше не гонится испуганно следом за ним в гуще пыли. Взгляните-ка на этого тряпичника, который проходит, согнувшись под тяжестью бледноватого фонаря; его сердце отзывчивей, чем у всех ему соприродных в омнибусе. Вот он поднял ребенка; будьте уверены, он его вылечит и не оставит, подобно родителям. Он уносится!.. Он уносится!.. Но с того места, где тряпичник стоит, его пронзительный взгляд гонится испуганно следом за ним в гуще пыли!.. Племя тупое и слабоумное! Ты раскаешься в своем поведении. Это я тебе говорю. Ты в этом раскаешься, погоди! ты в этом раскаешься. Моя поэзия только и будет крушить человека, этого лютого зверя, и Творца, который не должен был создавать подобную нечисть! Тома, до конца моих дней, будут нагромождаться горой, но в них не найдут ничего, кроме этой единственной мысли, вечно живущей в моей душе!

ИЗ ПЕСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

Два столба, которые было нетрудно и еще менее невозможно принять за баобабы, вырисовывались в долине, ростом выше, чем две булавки. В действительности то были две исполнинские башни. И хотя два баобаба не похожи на две булавки, ни даже на две башни, однако, умело использовав хитросплетения осторожности, можно утверждать, не боясь ошибиться (так как, если бы это утверждение сопровождалось лишь малой крупницей боязни, оно уже не было бы утверждением; хотя неизменно слово, которое выражает два этих душевных явления, достаточно четких по своим признакам, чтобы не спутать их легкомысленно), что баобаб не отличается чрезмерно от столба и что недопустимо сравнение между этими архитектурными формами... или геометрическими... или той и другой... или ни той, ни другой... или, лучше сказать, между формами всящимися и массивными. Я только что обнаружил — и не тшусь провозглашать обратное, — эпитеты, подходящие для существительных «столб» и «баобаб»; да будет известно, что не без удовольствия, смешанного с гордостью, извещаю я об этом тех, кто, подняв веки, принял весьма похвальное решение пробежать эти страницы, пока го-

рит свеча — если ночь, пока светит солнце — если день. И вдобавок, пускай даже высшая сила повелела бы нам, в самых ясных по недвусмысленности выражениях, отбросить в пропасти хаоса здравомысленное сравнение, каким всякий, конечно же, мог безнаказанно упиваться, — даже тогда, и прежде всего тогда, надлежит не терять из виду ту решающую аксиому, по которой усвоенные с годами привычки, книги, общение с ближними и характер, присущий каждому и складывающийся в бурном цветении, наложили на человеческий дух несмыслимое клеймо рецидива в преступном использовании (преступном, если мгновенно и произвольно занять точку зрения высшей силы) риторической фигуры, каковую некоторые презирают, но многие возводят в кумир. Если читатель нашел эту фразу слишком растянutoй, пусть он примет мои извинения, но пусть не ждет низостей с моей стороны. Я должен сознаться в своих прегрешениях, — но не усугублять их ничтожеством. Мои рассуждения столкнутся подчас с погрешкой безумия и с кажущейся серьезностью того, что, в сущности, лишь гротескно (хотя, согласно некоторым философам, отличить шутовское от меланхолического довольно сложно, поскольку сама жизнь — это комическая драма или драматическая комедия); между тем каждому позволено убивать мух и даже носорогов, чтобы передохнуть иногда от чересчур непосильной работы. Для того чтобы убивать мух, скорейший, хотя и не лучший, метод таков: давить их между большим и указательным пальцами. Большинство писателей, рассматривавших этот вопрос досконально, рассчитали с немалой правдоподобностью, что в ряде случаев предпочтительнее отрывать им голову. Если кто-либо упрекнет меня в том, что я толкую о булавках, то есть о предмете решительно малосущественном, пусть беспристрастно заметит, что наименее значительные следствия нередко порождаются ничтожнейшими причинами. И чтобы более не выходить за рамки этой бумажной страницы, — не очевидно ли, что многотрудный литературный фрагмент, над которым с начала этой строфы я работаю неустанно, ценился бы, вероятно, меньше, если бы точкой опоры избрал он какой-нибудь шекотливый вопрос из химии или внутренней патологии? К тому же, все вкусы верны природе; и когда я сравнил в начале, столь метко, башни с булавками (не думая, разумеется, что однажды меня надумают в этом упрекнуть), я основывался на законах оптики, установивших, что, чем дальше луч зрения от предмета, тем меньше в зрачке отразившийся образ.

То, например, в чем склонность нашего разума к фарсу видит жалкую потугу остроумия, представляется мысли автора, по большей части, ничем иным, как важной и величаво провозглашенной истиной! О, безрассудный философ, который расхохотался, увидев осла, поедающего смокву! Я ничего не выдумываю: древние книги поведали в самых обширных подробностях об этом добровольном и постыдном отречении от человеческого благородства. Лично я не умею смеяться. Я никогда не мог рассмеяться, хотя и пытался неоднократно. Очень трудно научиться смеяться. Вернее же, думаю, чувство брезгливости к этой чудовищности составляет одну из суще-

ственных черт моего характера. Так вот, я был свидетелем кое-чего похлеще: я видел смовку, поедающую осла! И тем не менее я не смеялся; воистину, ни одна щечная мышца не шелохнулась. Потребность заплакать овладела мною столь сильно, что глаза мои обронили слезу. «Природа! Природа!» вскричал я в рыданиях. — Ястреб рвет на куски воробья, смовка поедает осла, и солитер ест человека!» Не задаваясь целью продолжать в том же духе, я в глубине души себя спрашиваю: не рассуждал ли я о способах уничтожения мух? Ведь так? И все же сущая правда, что я не рассуждал об истреблении носорогов! Если бы некоторые друзья уверяли меня в обратном, я не стал бы их слушать и вспомнил, что похвала и лесть суть два камня преткновения. Но чтобы удовлетворить, насколько это возможно, свою совесть, я не могу удержаться от ссылки на то, что такое рассуждение о носороге увлекло бы меня за пределы терпения и хладнокровия, и, в свой черед, обескуражило бы, возможно (наберемся смелости и скажем даже: наверняка), нынешние поколения. После мухи — ни слова о носороге! По крайней мере, мне надлежало бы, в качестве приемлемого оправдания, упомянуть поспешно (чего я не сделал!) это непредумышленное упущение, которое не удивит тех, кто изучил досконально действительные и необъяснимые противоречия, гнездящиеся в каждой доле человеческого мозга. Для глубокого и простого ума нет ничего недостойного: ничтожнейший феномен природы, коль скоро есть в нем тайна, станет в мудром неясняемой пищей для размышления. Если кто-то видит осла, поедающего смовку, или же смовку, поедающую осла (оба эти случая представляются нечасто, за исключением, разве что, поэзии), не сомневайтесь, что, поразмыслив две-три минуты, чтобы решить, как вести себя, он покинет стезю добродетели и расхохочется, как петух! И не с точностью ли доказано, что петухи намеренно разевают клюв, дабы подражать человеку и строить мучительную гримасу? Я называю птичьей гримасой то, что носит такое же имя в среде человеческой! Петух не расстается со своей природой не столько по неспособности, сколько из гордости. Научите читать их — они взбунтуются. Это вам не попугай, готовый восторгаться собственной слабостью, невежественной и непростительной! О, мерзостное бесчестье! до чего же мы, когда смеемся, напоминаем козу! Спокойствие чела исчезло, уступив место двум огромным рыбьим глазам, которые (не прискорбно ли?)... которые... которые начинают сверкать, как два маяка. Мне часто придется с торжественностью изрекать суждения самые уморительные... и я не считаю, что это — повод безусловно достаточный, чтобы щерить рот! Я не могу, вы ответите, удержаться от смеха; это нелепое объяснение я принимаю; но пусть, в таком случае, смех будет меланхолическим. Смейтесь, но в то же время и плачьте. Не можете плакать глазами — что ж, плачьте ртом. Невозможно и это — мочитесь; но предупреждаю: какая-то жидкость в этом случае необходима, чтобы умерить сухость, которую несет в своем чреве смех с запрокинувшимся лицом. Я не дам себя обескуражить забавным кудахтаньем и причудливым ревом тех, кто всегда находит, к чему придраться в характере, не похожем на собст-

венный, поскольку любой является одним из бесчисленных духовных модусов, какие Бог, не отступая от первоначального образца, создал, дабы властвовать над людскими скелетами. Поэзия до сего времени шла неверным путем; то возносится к небесам, то припадая к земле, она забыла основы своего бытия и подвергалась, постоянно и не без причины, насмешкам людей достойных. Она лишена была скромности... свойства прекраснейшего, каким обладать должно несовершенное существо! Что до меня, я хочу представить свои достоинства; но я не столь лицемерен, чтобы утаивать свои пороки! Смех, зло, гордыня, безумие, одно за другим, появятся, всеед за чувствительностью и вплоть до любви к справедливости, и послужат примером человеческому изумлению: каждый узнает себя в них не таким, каким должен быть, а таким, каков есть. И однако этот простой идеал, рожденный в моем воображении, превзойдет, может быть, все самое грандиозное и самое сокровенное, что по сей день явила поэзия. Ибо, если на этих страницах я и даю проявиться моим порокам, то тем более укрепится вера в мои добродетели, которые я здесь заставлю блистать и которых сияние вознесу так высоко, что величайшие гении в будущем засвидетельствуют мне свою искреннюю признательность. Таким образом, лицемерие будет решительно изгнано из моего обиталища. В моих песнях пребудет внушительное доказательство силы, способной презреть расхожие мнения. Он поет для себя самого, а не для своих ближних. Он не возлагает меру своего вдохновения на человеческие весы. Свободный, как ураган, он обрушился, выброшенный однажды, на необузданные берега своей ужасающей воли! Никто его не страшит, кроме него самого! Он ополчился победно, в сверхъестественных битвах, на человека и на Творца, как меч-рыба, вонзающая клинок в брюхо кита: да будет проклят — своими детьми и моей костлявой рукой — тот, кто упорствует в непонимании беспощадных кенгуру смеха и доблестных вшей карикатуры!.. Две исполинские башни вырисовывались в долине; я сказал об этом в начале. Умножая их на два, имели четыре... но я не очень-то хорошо различал необходимость этого арифметического действия. Я продолжал, с горящим лицом, свой путь и восклицал непрерывно: «Нет... нет... я не очень-то хорошо различаю необходимость этого арифметического действия!» Я уже слышал скрежет цепей и мучительные стенания. Пусть же никто не сочтет возможным, проходя в этой местности, умножать башни на два, чтобы выходило четыре! Кое-кто подозревает, что я люблю человечество, как будто ему довожусь родной матерью, и что я носил его якобы девять месяцев в своем дымящемся чреве: вот почему я более не прохожу в долине, где возвышаются две части множимого!

Я видел прямо перед собой предмет, стоящий на холме. Не различая отчетливо его головы, я уже догадывался, что она необычной формы, хотя и не мог определить с точностью пропорции ее очертаний. Я не решался приблизиться к этой застывшей колонне; и даже если бы я предполагал двигательными конечностями трех тысяч и более крабов (не говоря уже о тех, что позволяют им хватать и пережевывать пищу), я все еще стоял бы на месте, — когда бы некое событие, само по себе ничтожное, не взыскало у моего любопытства тяжкую дань, которая треском наполнила его плотины. Какой-то скарабей, с мандибулами и связками, который катил по земле шар, преимущественно состоящий из экскрементной массы, приближался быстрым шагом к означенному холму, стараясь продемонстрировать явно свое намерение следовать по избранному пути. Это членистое животное было немногим крупнее коровы! Если в моих словах сомневаются, пускай придут ко мне, и я удовлетворю самых недоверчивых показаниями надежных свидетелей. Что собиралось оно делать с этим внушительным черным шаром? О читатель, хвалящийся без конца своей прозорливостью (и не напрасно), сумеешь ли ты мне это сказать? Но я не хочу подвергать тяжкому испытанию твое общеизвестное пристрастие к тайнам. Знай — и не требуй большего, — что воздать тебе наилегчайшей расплатой я смогу, только дав понять, что эта тайна тебе не будет открыта (она будет тебе открыта) раньше срока, который настанет к концу твоей жизни, когда ты вступишь с агонией, на краю твоего изголовья, в философические объяснения... или даже, быть может, к концу этой строфы. Скарабей между тем достиг подножия холма. Я последовал за ним, однако находился еще на достаточном расстоянии от места действия; потому что, как поморники, эти тревожные, будто бы вечно голодные птицы прекрасно чувствуют себя среди морей, омывающих оба полюса, и лишь случайно залетают в умеренные пояса, так и я не находил покоя и двигался вперед с великой неспешностью. Но к какой же телесной материи я приближался? Я знал, что семейство пеликановых насчитывает четыре вида: глупыш, пеликан, корморан и фрегат. Сероватая форма, которая виделась мне, не была глупышом. Лепная масса, которую я различал, не была фрегатом. Кристаллическая плоть, на которую я взирал, не была кормораном. Я видел его теперь — человека, головной мозг которого был лишен кольцевидного протуберанца! Я смутно искал в тайниках своей памяти, где, в каком знойном или студенном краю, я встречал уже этот длиннейший клюв: широкий, выпуклый, дугообразный, с ярко выраженным, когтевидным, вздутым и на конце весьма крючковатым ребром; эти зубчатые и крутые края; эту нижнюю челюсть с отростками, соединенными лишь у ее оконечности; этот промежуток,

заполненный перепончатой кожей; этот широкий зоб, желтый и сумкообразный, занимающий всю горловую часть и способный изрядно растягиваться; и эти совсем узкие, продолговатые, почти незаметные, прорезанные в базальной полости ноздри. Оставаясь оно всецело птицей, до подошвы ног, а не только по плечи, — это живое существо с простейшим легочным дыханием и телом, снабженным волосяным покровом, — мне тогда было бы легче его узнать: дело, как вы убедитесь сами, вовсе не сложное. На сей раз, однако, я от этого воздержусь; мне бы потребовалось, для наглядности доказательства, чтобы одна из таких птиц стояла, пусть даже в виде набитого чучела, у меня на рабочем столе. Между тем я не столь богат, чтобы мог ее раздобыть. Развивая последовательно предшествующую гипотезу, я бы установил затем ее истинную природу и нашел место, в рамках естествознания, тому, чье благородство, в этой болезненной позе, меня восхищало. С каким удовлетворенным сознанием того, что не совсем несведущ в тайнах его двоякого организма, и с какой жадной узнать о нем еще больше я созерцал его в этой длительной метаморфозе! Хотя и не обладая лицом человека, он казался мне прекрасным, как пара длинных щупальцевых волосков насекомого; или, лучше сказать, как торопливое погребение; или же как закон восстановления разрушенных органов; но прежде всего, как подверженная сплошному гниению жидкость! Не обращая, однако, никакого внимания на происходящее в окружности, незнакомец с головой пеликана глядел прямо перед собой! Как-нибудь в другой раз я вернусь еще к завершению этой истории. А впрочем, продолжу рассказ с мрачным рвением; ибо, как вы, со своей стороны, спешите узнать, к чему клонит мое воображение (о если бы, небо, и впрямь все это было лишь воображением!), так и я, с моей, вознамерился разом (а не двумя!) закончить то, что должен вам высказать, хотя никто не вправе упрекать меня в чрезмерной робости. Но ведь многие, оказавшись мы перед лицом таких обстоятельств, услышат, как бьется их сердце, пульсируя под ладонью. Он умер недавно, почти в безвестности, в маленьком порту Бретани, — каботажный шкипер, старый моряк, который стал героем ужасной истории. Он был тогда капитаном дальнего плавания и совершал рейсы для одного судовладельца из Сен-Мало. И вот после тринадцатимесячного отсутствия он увидел наконец семейный очаг в минуту, когда его жена, еще прикованная к постели, только что подарила ему наследника, признать которого он не признавал за собой ни малейшего права. Капитан не выдал никак своего изумления и гнева; он холодно попросил жену одеться и пройтись вместе с ним к городским стенам. Был январь. Эти стены в Сен-Мало высоки, и когда дует северный ветер, отступают и самые неустрашимые. Несчастливая повиновалась спокойно и безропотно; вернувшись, она стала бредить. Ночью она скончалась. Но то была всего лишь женщина. Тогда как я, мужчина, — я не уверен: сумел ли, в присутствии драмы не меньшей, овладеть собою настолько.

что на лице у меня не дрогнули мышцы? Едва скарабей достиг подножия холма, человек вытянул руку к западу (в этом как раз направлении гриф-ягнятник и виргинский филин вступили в сражение под небесами), утер с клюва большую слезу, которая имела вид некой системы алмазного цвета, и сказал скарабей: «Несчастный шар! Не достаточно ли ты катил его? Твоя месть до сих пор не утолена, а этой женщине, чьи руки и ноги ты связал жемчужными ожерельями, так, чтобы, получив бесформенный многогранник, толкать его лапками по полям и дорогам, сквозь дикий кустарник и груды камней (позволь мне приблизиться и убедиться: она ли это еще?), пришлось узнать, как ее кости иссыхают от ран, как члены ее сглаживаются, в силу закона вращательного трения, и сливаются в один запекшийся сгусток, как ее тело, лишаясь первоначальных очертаний и естественных изгибов, являет унылую видимость однородного целого, которое слишком похоже, в смещении всевозможных раздробленных элементов, на сферическую массу! Она уже давно мертва; предоставь же эти останки земле и поостерегись нагнетать в непоправимых размерах испеляющую тебя ярость; это больше не правосудие, поскольку грозно потер задними стегнами о края надкрылий, издав пронзительный звук и воскликнув: «Кто же ты, о малодушное существо? Ты, по-видимому, забыл кое-какие странные обстоятельства из минувшего; ты не хранишь их в памяти, брат мой. Эта женщина предала нас, одного за другим. Сначала тебя, а потом меня. Мне кажется, это оскорбление не должно (не должно!) так легко забываться! Да, так легко! Ты-то можешь, великодушный, прощать. Но уверен ли ты, даже зная об аномальном состоянии атомов этой женщины, перемолотой в клейкое месиво (теперь уже безразлично, не решат ли при первом же разбирательстве, что значительным приростом плотности это тело обязано скорее сцеплению двух мощных колес, нежели действию моей бурной страсти), что ее больше нет? Молчи и дай мне отомстить». Он снова взялся за дело и удалился, толкая шар перед собой. Когда он был уже далеко, пеликан воскликнул: «Эта женщина своей магической властью наделила меня головой пеликана и обратила моего брата в скарабей: быть может, она заслуживает еще худших глумлений, чем названные». И я, сомневаясь, наяву ли все это, но угадывая благодаря услышанному природу враждебных отношений, связывающих надо мной в кровавом единоборстве грифа-ягнятника и виргинского филина, — я откинул голову, как капюшон, чтобы придать игре моих легких чувствительную гибкость и непринужденность, и, устремив глаза ввысь,

прокричал им: «Эй, вы там, прекратите ваши распри! Вы правы оба; ведь каждому из вас она обещала свою любовь и, следовательно, обманула вас вместе. Но вы не одни. Кроме того, она лишила вас человеческого обличья, жестоко насмеявшись над вашими самыми святыми страданиями. И вы еще усомнитесь в моей правоте? К тому же, она мертва; и скарабей, вопреки состраданию первого из обманутых, нанес ей несмываемое клеймо возмездия». При этих словах они прекратили раздоры и перестали вырывать друг у друга перья и клочья мяса; они поступили правильно. Виргинский филин, прекрасный, как рассуждение о кривой, какую описывает собака, бегущая за хозяином, погрузился в расщелины монастырских развалин. Гриф-ягнятник, прекрасный, как закон предела в развитии груди у взрослых, чья предрасположенность к росту не соответствует числу молекул, усваиваемых их организмом, растаял в верхних слоях атмосферы. Пеликан, великодушное прощение которого произвело на меня сильное впечатление, потому что казалось мне противоестественным, вновь обретая на своем холме величественную невозмутимость маяка, как бы в предупреждение мореплавателям человечества оглядываться на его пример и оберегать свою участь от любви зловещих колдуний, глядел прямо перед собой. Скарабей, прекрасный, как дрожание рук при алкоголизме, исчезал на горизонте. Еще четыре существования, которые можно вычеркнуть из книги жизни. Я вырвал из своей левой руки целый мускул, поскольку уже не помнил себя, так меня взволновало это четверное злосчастье. А я-то думал, что предо мной экскрементная масса. Экий глупец, ну-ну!

АРТЮР РЕМБО

Из книги «ОЗАРЕНИЯ»

ДЕТСТВО

I

Этот идол — глаза черны, грива желтая, ни двора, ни родни, благороднее сказки — мексиканский, фламандский: его царство — кричащая зелень, лазурь — пробегает по взморьям, именованным волнами без кораблей в именах люто греческих, славянских, кельтических.

На опушке в лесу — цветы сна дребезжат, озаряются, светят, — девочка с губками апельсинными, сплетя колени в потоке светящемся, бьющем с лугов: нагота, затененная, разодетая и пронизанная радугами, флорой, морем.

Дамы, кружащиеся на террасах у моря: малышки с гигантшами, спесивицы черные в пене меднозеленой. жемчужины стоймя на тучной земле роц и оттаявших палисадников, — юные матери и взрослые сестры, чьи взгляды полны святых

мест, султанши, принцессы статью и тиранством нарядов, ма-
ленькие чужестранки и особы несчастные сладостно.

Что за тоска — это время «милого тельца» и «преми-
го сердца»!

II

Это она — умершая крошка — за кустами шиповника.
— Молодая мамаша, покойница, сходит с крыльца. — Коля-
ска кузена скрипит по песку. — Маленький братец (он в
Индии!) — там, у заката, на лужайке гвоздик. — Старики,
погребенные в полный рост, — под откосом с левкоями.

Золоченые листья обвили роем дом генерала. У них пол-
день. — По раскаленной дороге выходишь к пустой харчев-
не. Замок продается; жалюзи сняты. — Священник еще уне-
сет ключ от церкви. — Вокруг парка сторожки необитаемы.
Частокол так высок, что видны лишь шуршащие маковки.
Впрочем, смотреть внутри не на что.

Луга протянулись к фермам без наковален, без петухов.
Шлюз закрыт. О, голгофы и ветряки пустыни, отмели и жер-
нова!

Жужжали магические цветы. Его укачивали холмы. Рас-
хаживали баснословно-изящные звери. Слоились тучи над
ширью моря, сотканной вечностью жгучих слез.

III

В лесу есть птица: ее напев заставляет вас оцепенеть и
краснеть.

Есть куранты не бьющие.

Есть овраг с гнездом зверья белоснежного.

Есть собор опускающийся и озеро высыхающее.

Есть забытая в гуще маленькая карета — или спускаю-
щаяся стремглав по тропе, в цвете бантов.

Есть труппа маленьких комедиантов в нарядах, на доро-
ге замеченная сквозь кромку леса.

Есть, наконец, когда голод и жажда, кто-то гонящий вас.

IV

Я — святой на террасе в молитве: как мирные звери
пасутся до самого Палестинского моря.

Я — ученый в сумрачном кресле. Ветки и дождь хле-
щут в стекла библиотеки.

Я — пешеход на проезжей дороге сквозь карликовые ле-
са; рокот шлюзов заглушает мой шаг. Я вижу в золоте долго
меланхолическую стирку заката.

Пусть я буду забытым ребенком на молу, уходящем в широкое море, малюткой-лакеем, который идет по аллее, достающей лицом до небес.

Тропы круты. Бугры одеваются дроком. Воздух недвижим. Как далеко родники и птицы! Следуя дальше, нечего ждать, кроме конца света.

V

Пусть наконец мне наймут эту могилу, беленую известью с выпуклыми штрихами цемента, — так глубоко под землей!

Я опираюсь о стол; лампа так красочно озаряет эти газеты, которые я бессмысленно перечитываю, все эти убогие книги.

В бескрайней дали над моей подземной гостиной вырастают дома, густеют туманы. Грязь багрова или черна. Город чудовищный, ночь без конца!

Ниже — сточные воды. По бокам — ничего, кроме толщи планеты. Быть может, пучины лазури, бездны огня. Среди этих пластов, может быть, как раз и встречаются кометы с лунами, сказки с морями.

В часы уныния я рисую себе шары металлические, сапфирные. Я — властелин тишины. Почему это призрак отдушины вдруг стал бы меркнуть в уголке свода?

ПАРАД

Дюжие бестии. Не один из них грабил ваши миры. Без нужды и не торопясь пускать в ход свою великолепную хватку и знание ваших душ. Что за зрелый народ! Глаза с придурью наподобие летней ночи, красные и черные, трехцветные или как сталь в крапинах золота звезд; тип лица деформированный, свинцовый, обескровленный, выжженный; хрипотца разудалая! Свирепая поступь лохмотьев! — Есть и юнцы — как взглянут они на Херувима? — наделенные устрашающим голосом и кое-какими опасными средствами. Их посылают в город пообтрепаться, вырядив в тошнотворную роскошь.

О, жесточайший Рай разъяренной гримасы! Ничего общего с вашими факирами и прочей сценической буффонадой. В костюмах, сметанных со вкусом дурного сна, они разыгрывают плач, трагедии побродяг и духовных полубогов, каких никогда не знали история и религии. Китайцы, готтентоты, цыгане, юродивые, гены, молохи, застарелые сумасбродства, зловещие демоны, — они сочетают ухватки народные, материнские со скотскими нежностями и позами. Им безразлично: исполнить новую пьесу или песенку-«душечку».

Заправские шарлатаны, они преображают фигуры и место, используют магнетическую комедию. Глаза пылают, кровь

звонит, кости ширятся, слезы и алые струйки сочатся. Их насмешка или террор длится минуту — или целые месяцы. Лишь у меня есть ключ к этому варварскому параду.

BEING BEAUTEOUS*

У снежной кромки — высокого роста Творение Красоты, Хрипы смерти, круги приглушенной музыки вздымают, ширят, зыбят, будто призрак, это боготворимое тело; багряные, черные раны вспыхивают на возлюбленной плоти. Жизни присущие краски сгущаются, пляшут и тают вокруг Видения на помосте. И возносятся, рокочут трепеты, и покуда насыщенность этих картин наливается, буйная, смертными хрипами и сильными нотами, которые мир, далеко у нас за спиной, мечет в нашу мать красоты, — она отступает, она распрямляется. О, наши кости — их облачило новое влюбленное тело!

* * *

О, лицо пепельное, чеканка гривы, руки хрустальные! пушка, на которую должен я рухнуть сквозь побоище веток и легкого воздуха!

ЖИЗНИ

I

О, чудовищные проспекты священной страны, террасы храма! Куда подевали брахмана, который растолковал мне Пословицы? Оттуда, от той поры я еще вижу даже старух! Я вспоминаю часы в серебре и солнце у рек, руку подруги у себя на плече и наши стоячие ласки в пряных долинах. — Мою мысль овеивает гулом алый взлет голубей. — Здесь, в изгнании, нашел я подмостки, где играть бы сценические шедевры всяческих литератур. Я указал бы вам на богатства неслыханные. Я обзираю историю отысканных вами сокровищ. Я вижу дальнейшее! Моя мудрость в таком же презрении, как и хаос. Сравнится ли мое ничтожество с ожидающим вас изумлением?

II

Я — изобретатель намного достойнейший, чем любой мой предшественник: музыкант даже, открывший такое, что назвать можно ключом к любви. Теперь, дворянин под невзрачным небом в угрюмой глуши, я пытаюсь растрогаться, вспоминая о нищем детстве, об учении или приходе в сабо, о наших спорах, о пяти или шести вдовствах и о кое-каких разгульях, когда крепкая голова не позволила мне угнаться

* Прекрасное существо (англ.)

за моими товарищами. Я не скорблю об утерянной доле божественного веселья: строгий воздух этой угрюмой глуши питает в полную силу мой убийственный скептицизм. Но, поскольку для этого скептицизма применения больше нет, да и сам я, вдобавок, вручил себя новой тревоге, — я готовлюсь к свирепому донельзя помешательству.

III

На чердаке, где я заперт был двенадцатилетним, я познал свет, я украсил человеческую комедию. В погребе изучил я историю. На каком-то ночном балу в людской гуще Севера я повстречал всех женщин старинных художников. В Париже, под старыми сводами, мне преподали науки классические. В роскошном жилище, которому сенью был весь Восток, я завершил свой безмерный труд и прожил со славою свое на покое. Я взмешал свою кровь. Мне указано должное. Не нужно больше и думать об этом. Я и впрямь замогилен — и никаких поручений.

КОРОЛЕВСТВО

В одно прекрасное утро, среди народа кротчайшего, восхитительные мужчина и женщина кричали на городской площади: «Друзья мои, я хочу, чтоб она была королевой!» — «Я хочу быть королевой!» Она смеялась и трепетала. Он обращался к друзьям по тайнству, по свершившемуся испытанию. Они млели, прижавшись друг к другу.

И действительно, они пробыли королями все утро, когда карминная драпировка приподнялась над домами, и весь день до вечера, когда они направились к садовым пальмам.

ФРАЗЫ

Когда мир превратится сплошь в темный лес для нашей дивящейся четверки глаз, — в одно взморье для двоих прилежных детей, — в один мелодический дом для нашей светлой призраки, — я вас отыщу.

Пусть останется в мире одинокий старик, тихий и статный, окруженный «неслыханной роскошью», — и я у ваших ног.

Пусть исполню я все, что вам памятно, — пусть буду той, что умеет скрутить вас, — я вас удушю.

Когда мы куда как сильны, — кто пьется? куда как веселы, — кто ныкнет посмешищем? Когда мы куда как злы, — что с нами сделают?

Рядитесь, пляшите, смейтесь. — Я никогда не смогу вышвырнуть любовь в окно.

Исдружка моя, попрошайка, дитя уродливое! до чего безразличны тебе эти бедняжки и эти уловки, и мои замешательства! Примкни к нам своим немислимым голосом —

твоим голосом! единственным проблеском в этом подлом, отчаянье.

Пасмурность утра, июль. Привкус пепла носится в духе, — запах древесный, сыреющий в очаге, — затхлость цветов, — беспутство прогулок, — морось каналов в полях, — почему б наконец не игрушки и ладан?

От колокольни к другой натянул я канаты; гирлянды — от окна к окну; золотую цепь — от звезды до звезды; и танцую.

Пруд в вышине дымит непрерывно. Какая колдунья вот-вот распряжится над белым закатом? Какие лиловые обвалятся кущи!

Покуда общественная казна испаряется в праздниках братства, в облаках гудит колокол розового огня.

Навеяв сладостный привкус туши, черный порох нежно дождит падо мной, полуночником. — Я приглушаю свет люстры, бросаюсь ничком на кровать, и, повернувшись к тени лицом, я вижу вас, мои девочки! мои королевны!

МОСТЫ

Хрустально-серые небеса. Причудливый очерк мостов, то ровных, то вздувшихся или же ниспадающих в угловатом наклоне над первыми, и фигуры их множатся в прочих освещенных обводах канала, но все это такой легкости и длины, что побережья, под грузом туманов, оседают и свертываются. Кое-какие из этих мостов вдобавок нагружены и лачугами. Иные несут мачты, вымпелы, хрупкие поручни. Аккорды встречаются, разбегаясь в миноре; струны вспыхивают с берегов. Различаешь красную куртку, другие, быть может, костюмы и музыкальные инструменты. Народные ль это мелодии, обрывки ли великокняжских концертов или отзвуки общественных гимнов? Воды серые, синие и шириною с морской рукав.

Белый луч, опустившись с небесных высот, уничтожает эту комедию.

ГОРОД

Я — эфемерный и не слишком ворчливый гражданин метрополии, что слывет современной, ибо от прежних вкусов не оставили и следа в мебелировке и экстерьере домов, равно как и в плане города. Вы не заметите тут и следа какой-либо суеверной реликвии. Мораль и язык сведены к своему простейшему выражению — наконец-то! Эти миллионы людей, которым не нужно друг с другом знаться, ведут столь тождественно воспитание, работу и старость, что этот ход жизни должен быть во сто крат короче того, какой бредовая статистика обнаруживает у народов на материке. Подобно тому как мне видятся из окна новые призраки, катящие сквозь густую и вечную угольную завесу — наша тень от куц, наша летняя ночь! — эриннии новые у моего коттеджа, в котором

и родина мне, и все мое сердце, поскольку все тут похоже на это вот: Смерть без слез, наша рьяная дочь и служанка, Любовь безнадежная и хорошенькое Злодейство, скулящее в уличной слякоти.

КОЛЕИ

Справа летний рассвет пробуждает листья, и дымки, и звуки этой окраины парка, и холмы слева держат в лиловой тени тысячи резвых колеи влажноватой дороги. Вереница феерий. И впрямь: повозки, груженные деревянным с позолотой зверьем, шестью и многоцветьем холстин, в тяжелом галопе двадцати пегих цирковых лошадей, — и дети верхом, и взрослые на диковиннейших животных; двадцать возов шишастых, разубранных и цветущих, как древние или из сказок кареты, где полно детворы, разодетой для пригородной пасторали, — и едва ль не гробы под пологом тьмы, несущие плюмажи из эбена, проносящиеся на рысях налитых кобылиц, и синих, и черных.

ГОРОДА

Общественный акрополь затмевает самые грандиозные замыслы современного варварства. Не опишешь матовый свет, порождаемый невозмутимо-пепельным небом, имперским блеском строений и вечной заснеженностью земли. Здесь воссоздали, с пристрастием к диковатой чудовищности, все классические жемчужины архитектуры. Я присутствую на выставках живописи в помещениях стократ обширней, чем Hampton Court. Что за живопись! Какой-то норвежский Навуходоносор возвел лестницы министерств; даже служители, которых я смог углядеть, — и те надменной брахманов; и я трепетал, завидев часовых у колоссов и распорядителей на строительстве. При размещении зданий сумели, с помощью скверов, дворов и закрытых террас, удалить кучеров. Парки — сама первозданность природы, возделанной с великолепным искусством. В верхнем квартале встречается необъяснимое: морской рукав, без судов, катит льдистую синеву пелены между набережных, уставленных огромными канделябрами. Малый мост ведет к потайному ходу прямо под куполом Святой Часовни. Этот купол являет собой оправу из обработанной стали, примерно в пятнадцать тысяч футов диаметром.

Кое-где с медных мостков, с площадок и лестниц, опоясывающих столбы и рынки, я, казалось мне, мог судить о бездонности города! Это — чудо, которое я был не в силах объять: каковы же уровни прочих кварталов над и под акрополем? Для чужеземца наших времен такой охват невозможен. Торговый квартал — это амфитеатр в одном стиле, с арочными галереями. Лавок не видно, однако снег на проезжей части — изрыт; кое-какие набобы, немногочисленные, как прохожие в Лондоне воскресным утром, направляются к алмаз-

норму дилижансу. Кое-где — алый бархат диванов: подаются напитки арктические, цена которых — от восьмисот до восьми тысяч рупий. При мысли искать в этом амфитеатре таклей я отвечаю себе, что и в лавках, должно быть, сокрыты достаточно мрачные драмы. Полиция, думаю, есть; но закон, вероятно, столь необычен, что я отказываюсь от догадок о здешних сорвиголовах.

Предместье, изящное, как хорошенькая парижская улица, отличается наружным блеском; демократический элемент насчитывает несколько сотен душ. Дома и там стоят порознь; предместье причудливо растворяется в сельской местности — в «графстве», которое заполняют вечный закат лесов и сказочные насаждения, где неотесанное дворянство прокладывает свою летопись в лучах сотворенного света.

БДЕНИЯ

I

Это — светлый отдых, ни жар, ни истома, в постели или на лугу.

Это — друг, ни пылкий, ни слабый. Друг.

Это — милая, ни смущающая, ни смущенная. Милая.

Мир и воздух — не стоит труда. Жизнь.

— Значит, это и было?

— И мечта освежает.

II

Свет возвращается к дереву здания. С двух концов зала, — убранство случайное — сходятся гармонические вертикали. На полуночника смотрит стена: психологическое чередование срезов, фриз, атмосферических слоев и геологических складок. — Греза пронзительная, на миг: задушевные стайки, где существа всех пород и во всевозможных видах.

III

Лампы и ковры бдения рождают в ночи шум волн, вдоль бортов и вокруг твиндека.

Море бдения — как грудь Амелии.

Обои, в полвысоты — поросль кружев, подвеченных изумрудом, куда ныряют горлицы бдения.

Камень у черной печи, настоящие солнца побережья: о, кладесь магий! лишь проблеск зари в этот раз.

МИСТИЧЕСКОЕ

Ангелы в пушистых платьях кружат на склоне холма, где пастбище — сталь с изумрудом.

Лука в пламени скачут к верхушке бугра. Гребень слева: истопан по чернозему всеми битвами, всеми человекоубийст-

вами, и всяческие звуки бедствий уносятся по кривой. За правым гребнем — черта восходов, свершений.

И пока верхняя группа картины образуется скачущим и круговым гулом раковин всех морей и людских ночей,

Нежность дышащая звезд и неба, и прочего на глазах у холма опускается — нам в глаза, — как корзинка, рождая душистую бездну внизу, и голубую.

ЗАРЯ

Я обнял летнюю зарю.

Ничто еще не шелхнулось на фасадах дворцов. Вода стояла. Кочевья тени не покидали лесную тропу. Я шагал, пробуждая живые и влажные дуновенья, и камни взглянули, и крылья раскрылись бесшумно.

Первым соблазном был — на тропинке, уже усеянной свежими и бледноватыми вспышками, — цветок, назвавший мне свое имя.

Я улыбнулся белесому вассерфалю,¹ который пенился в пихтах: на серебристой верхушке распознал я богиню.

Тогда я сорвал, один за другим, покровы. В аллее, размахивая руками. Равниной, где выдал ее петуху. В столице она уносилась среди колоколен и куполов, и я гнался за ней, как нищий, по мраморным набережным.

Где тропа поднималась, у лавровых зарослей, я обвил ее собранными покровами и слегка ощутил ее исполинское тело. Заря и дитя рухнули в гуцу зарослей.

По пробуждении стоял полдень.

ЦВЕТЫ

С уступа в золоте — среди шелковистой тесьмы, дымного флера, зеленых бархаток и кристаллических дисков, чернеющих, точно бронза на солнце, — вижу я, как раскрывается наперстянка на ковре филиграней из серебра, глаз и локонов.

Монеты желтого золота, рассыпанные по агату, столбы акажу, несущие свод изумрудов, букеты атласные в белом и тонкие лозы рубина обступают кольцом розу влаги.

Будто некий бог — снежные формы, огромные голубые глаза, — море и небо к террасам мрамора влекут толпы юных и пышущих роз.

ТРЕВОГА

Возможно ли, что Она мне простит устремления постоянно ничтожимые, — что спокойный конец искупит периоды скудости, — что день успеха нас усыпит над позорищем нашей роковой неспособности?

¹ Водопад (немецк.).

(О, пальмы! алмаз! — Любвы! сила! — прывыше все: радостей и венцов! — всячески, повсеместно, — Демон, бог, личность этого существа: я!)

Что прихотливости научной феерии и движения социального братства дороги как растущее возмещение искренности первозаданной?..

Но Вампирша, при которой мы пайньки, велит нам развлекаться тем, что дает, а иначе пусть будем посумасбродней.

Катиться под ссадины, сквозь воздух томящий и море; под бедствия, сквозь тишину вод и воздуха, смертоносных; под пытки смеющиеся, в их свирепо штормящую тишину.

МЕТРОПОЛИТЕН

Из бирюзы пролива в морях Оссиана на оранжевый и розоватый песок, омытый винными небесами, ступили и пересеклись кристаллические бульвары, заселенные тотчас молодыми и бедными семьями, которые кормятся у зеленчиков. Никакой роскоши. — Город!

Из смоляной пустыни бегут напрямик в беспорядке под мглистыми пеленами, чьи жуткие свитки наслаиваются в небе, которое мнется, кукожится и ниспадает, сплошной черной марью, самой зловещей, какую способен в трауре создать Океан. — каски, лодки, колеса, холки. — Сражение!

Подними голову: этот мост деревянный и выгнутый; последние вертограды Самарии; эти маски в румянах под фонарем, исхлестанным в стылую ночь; придурковатая, в шелесте платья ундина у речного ската; светящиеся, среди гороховых стручков, черепа; и множество прочих фантазмагорий, — деревня.

Дороги, теснимые оградой и стенами, откуда рвутся кущи в простор, и свирепые цветики, которым носить бы имя сердец и сестер, так их булат остер, — вереницы, феерия аристократий зарейнских, японских, гуарани, еще способных воспринимать музыку древних — и тут же харчевни, больше уж им не открыться; и тут же принцессы, и, если ты не совсем изнемог, наука о звездах, — небо.

Поутру, когда вы с Ней барахтались в снеговых блестях, — зеленые губы, льды, черные стяги и голубые лучи, и пунцовые запахи солнца на полюсах, — твоя сила.

ВАРВАРСКОЕ

По забвении дней и сроков, и стран, и существ — Вымпел, кровоточащее мясо над шелком морей и арктических цветиков (их нет в природе).

Воспрянув от прежних фанфар геройства — которые все еще барабанят нам в сердце и в мозг, — вдали от былых убийц.

— О, вымпел! кровоточащее мясо над шелком морей и арктических цветиков (их нет в природе).

Сладость!

Льются костры в хлесте инея, — Сладость! — искры в каскаде алмазных вихрей, который рвется из сердца земного/вечно обугленного ради нас.

— О, мир!

(Вдали от прежних убежищ, огней, какие пышут, какие слышишь.)

Костры и накипи. Музыка, разворот пучин и удар льдин с звезды.

О, Сладость, о, музыка, мир! И там вот — фигура, испарина, глаза и волосы, на лету! И белые слезы, вскипающая, — о, сладость! — и голос женский со дна вулканов и арктических гротов.

Вымпел...

ВОТТОМ¹

Хотя и была действительность слишком терниста для моего норова, я очутился все же у моей дамы — большущей серо-голубоватой птицей, обсыхающей среди лепнин потолка и тянущей крылья в затеми вечера.

Я был — у ног балдахина, несущего ее возлюбленные жемчуга и ее совершенства телесные, — большущим медведем с лиловыми деснами и шерстью в сединах печали, с хрустальным-серебром консолей в глазах.

Все стало — тьма и жгучий аквариум.

Поутру — задорной июньской зарей — я унесся, осел, в поля, трубя, потрясая своей обидой, куда сабинянки из предместья не бросились мне на сивую грудь.

Г*

Все чудовищности уродуют свирепую хватку Гортензии. Ее уединенность — механика эротическая. Ее утомленность — динамика любящая. Под присмотром детства она — в многочисленных эпохи — была пламенной гигиеной рас. Ее двери распахнуты нищете. Там нравственность современного люда развоплощается в ее страсть или власть. — О, трепет нещадный желторотых любвей на почве кровавой и в кислородном светле! найдите Гортензию.

ГЕНИИ

Он — преданность и день насущный, ибо выстроил дом, распахнутый пенной зиме и ропоту лета, — он, кем очищены напитки и пища, в ком чарование неразгаданных мест и сверхчеловеческое блаженство стоянок. Он — преданность и день грядущий, сила и любовь, которые видятся нам, застоявшимся в ярости и тоске, на лету в штормовых небесах и знаменах восторга.

¹ Дно, основа, суть, а в данном случае скорее — жизненная сила (англ.).

Он — любовь, новонайденная безупречная мера, смысл дивный, неожиданный — и вечность: машина возлюбленная роковых совершенств. Все мы познали ужас его безвозвратности с нашей вместе: о, наше ликующее здоровье, порыв способностей, эгонизм влечения и страсть к нему — тому, кто нас любит во имя своей немеркнувшей жизни!..

И мы вспоминаем о нем, и он странствует... Если ж расходуется, звенит Осанна, то звенит его весть: «Прочь эти пути суеверий, уютов, эти ветхие тела и лета! С этой эпохой покончено!»

Он не выйдет, не спустится с неба, не искупит гневливости женщин, веселья мужчин и всей этой скверны: ведь это свершилось, ибо он есть и любим.

О, его вихри, лица, концы: в устрашающей смене чистейших форм и движений!

О, неисчерпаемость разума и безбрежность вселенной! Его тело! вожделенный исход, прибой благодати, скрещенной с новым неистовством!

Его взор, его взор! все былые коленопреклонства и муки возвышены вслед.

Его свет! истребление всяческих звучных и подвижных скорбей в музыке более пламенной.

Его шаг! поступь более неисчислимая, чем нашествия древних.

О, мы и Он! гордость более милостивая, чем благодать утраченная.

О, мир! и светлая песнь новых бедствий!

Он всех нас узнал и всех возлюбил. Сумеет же в эту зимнюю ночь, с мыса к мысу, от буйного полюса к замку, из толпы к взморью, от взгляда ко взгляду, почти без сил и без чувств, его окликать, его видеть и с ним расставаться, и, под бурунами, на гребне снежных пустынь, настигать его вихри, взоры, его тело и свет.

ЮНОСТЬ

I

Воскресенье

Выкладки впрок, неминуемость паденья с небес и сеанс ритмов, и наплыв воспоминаний занимают жилище, голову и мир сознания.

— Пулей летит рысак на загородных бегах, вдоль пахоты и лесополос, ужаленный забубенной чумой. Плачевная дама из драмы где-то в мире вздыхает по несбыточным опозоренностям. Десперадосы изнемогают после грозы, хмеля и ран. Махонькие детишки у рек душат в себе проклятия.

Вернемся к поиску в гуле творения гложущего, которое скапливается и громоздится в массах.

Человек заурядно сложенный, — плоть не была бы самым лучшим плодом в саду плодов, о денечки ребяческие! тело — сокровищем для прожигательства; о, любя, — грозой или силой Психеи? Земля была в косогорах, чреватых принцами и художниками, и порода и раса толкали нас на преступленья и трауры: мир, ваше счастье и ваша гроза. Но теперь — этой каторге в досталь — ты, твои выкладки, ты, твои беспокойства, суть лишь ваш голос и ваша пляска, не связанные и нет, не навязанные, хотя и — двойким фактом изобретательства и успеха — некий смысл в человечестве братском и многогословном среди вселенной без образов; — сила и право обдумывают лишь теперь оцененные голос и пляску...

III

Двадцать лет

Голоса поучительные в изгнании... Наивность физическая и горестно сдержанная... Адажио. Ах, безмерный эгоизм отрочества, усердствующий оптимизм: до чего этим летом мир полон цветов! Напевы и формы, гаснущие... Хор, чтоб утешить беспомощность и забыть. Хор в стеклышках ночных мелодий. Нервы и впрямь вот-вот понесет.

IV

Ты не расстался еще с Антониевым искушением. Выгул куцего рвения, мани ребячьей гордыни, изнеможение, страх. Но ты примешься за эту работу; все архитектурные и гармонические возможности всколыхнутся вокруг твоего угла. Существа совершенные, непредвиденные вручат себя твоим опытам. В твои окрестности нахлынет мечтательно любознательность старинных толп и досужих излишеств. Твоя память и твои чувства будут лишь пищей для твоего творческого инстинкта. Что же до мира, — каким он станет, когда ты выйдешь? Ни следа, в любом случае, от современных личин.

Распродажа

С торгов — чего не продали евреи, чего ни честь, ни скверна не вкусили, чего не знают проклятая страсть и дьявольская неподкупность масс; над чем не властны и время, и наука:

Воссозданные Голоса; братский прилив всех энергий, хоральных и оркестральных, и применение их, немедля; возможность, одна, высвободить наши чувства!

С торгов тела бесценные, вне всякой расы, со всего света, любой породы и пола! Сокровища каскадом с каждой попыткой! Алмазы на распродажу бесконтрольно!

С торгов анархия для масс; улада безудержная для любителей первоклассных; смерть свирепая для преданных и влюбленных!

С торгов недвижимости и нашествия орд, феерии, спорт и уют беспримерный, и скорость, шум, и творимый в них мир!

Порыв безрассудный и беспредельный к светилам незримым, к восторгам неисследимым — и с ним тайны жгучие для любых оргий и лютый хмель для толпы.

С торгов голоса, тела, бездна роскоши неподответной, чего не продать никогда. Торговцам не скоро удастся сбыть весь товар! Скупщикам не сегодня платить комиссионный сбор!

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

БУДУЩИЙ ФЕНОМЕН

Бледное небо над миром, угасающим немощно, быть может, пройдет заодно с облаками: блекнет ветхий лоскутьями пурпур закатов в реке, спящей на горизонте, который затоплен лучами и влагой. Деревья томятся, и под убеленной (пылью времени больше, чем прахом дорог) их листвою возвышается холстинный дом Изобразителя прежде Бывшего; не один фонарь в ожидании сумерек подцвечивает лица несчастной, бессмертной болезнью, грехом столетий раздавленной толпы мужчин вместе с чахлыми, рядом, сообщницами, чьи утробы несут жалкий плод, с которым изнеможет земля. В тревожном безмолвии всех этих глаз, какие там заклиняют солнце, меж тем как оно, уже под водой, проваливается с безнадежностью вопля, — бесхитрое зазывание: «Никакая вас не усладит внутренним зрелищем вывеска, ибо художника нынче нет, способного запечатлеть его печальную тень. Я предлагаю живую (и сквозь века сбереженную неподвластной наукой) Женщину прошлого. Какое безумье, наивное, девственное, золотистый экстаз, нет, не знаю что!.. ею названное своей шевелюрой, извивается с легкостью тканей вокруг лица, озаренного кровавой наготой ее губ. Вместо тщетных одежд у нее — тело; и подобные самоцветам глаза не сравнятся со взглядом, струящимся из ее блаженной плоти: от высокой, как если бы наполнилась молоком вечности, концами к небу, груди до гладких ног, впитавших соль первозданного моря». Мужья, видя мысленно бедных подруг, плешивых, убогих, пронизанных страхом, теснятся толпой; и эти последние тоже, в меланхолии, движимые любопытством, хотят поглазеть.

Когда все наглядятся на это сущее благородство, реликвию некой проклятой уже эпохи, то — один равнодушно, ибо нет у них сил разумения, но иные подавленно, из-под век, увлажненных немymi слезами, — переглянутся; тогда как по-эты этих времен, с прежде тусклым, теперь пылающим взглядом, направятся к своей лампаде, на миг опьяненные туманностью славы и не помня, под наваждением Ритма, что принадлежат эпохе, которая пережила красоту.

С тех пор как Мария меня покинула, улетев на другую звезду — какую же? Орион, Алтаир, или к тебе, зеленая Венера? — я всегда дорожил одиночеством. Сколько долгих дней провел я один со своим котом! Говоря «один», я подразумеваю; без кого-либо во плоти, а мой кот — напарник мистический, дух. Я поэтому вправе сказать, что долгие дни провел один со своим котом и один — с кем-то из последних авторов латинского упадка; ибо странно и необычайно, с тех пор как жемчужного существа больше нет, полюбились мне все, что сводится к одному слову: закат. Так что в году моя избранная пора — последние летние истомленные дни, непосредственно перед осенью, а в течение дня гулять я привык, когда солнце поконится, перед тем как истаять, лучась желтизной меди на серых стенах и медным багрянцем — на стеклах. Также и литературой, от которой душа моя ждет упоения, я назову угасающую поэзию Рима, поскольку лишь, впрочем, она не вливает никак освежающего приближения варваров и не лепечет отнюдь детской латынью начальной христианской прозы.

Итак, я читал одну из этих милых поэм (чи пятна румян меня чаруют больше, чем юношеский румянец), погружая ладонь в меха чистокровного зверя, когда под моим окном истомленно и меланхолично запела шарманка. Она играла в широкой тополевой аллее, где мне кажутся хмурыми листья даже весной, после того как Мария здесь, в последний раз, прошла со свечами. Инструмент опечаленных, что ж, это верно: рояль мерцает, скрипка несет истерзанным чувствам свет, зато шарманка меня заставила, в сумерках воспоминания, безысходно мечтать. Сейчас, когда она щебетала незамысловато-веселый мотив, вселивший радость в сердце предместий, мотив старомодный, избитый, — отчего же ее ритурнель меня трогала за душу и доводила до слез, как романтическая баллада? Я впивал ее медленно и не бросил в окно ни единого су из страха двинуться с места и убедиться, что инструмент пел не один.

БЛЕДНЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ РЕБЕНОК

Бледный несчастный ребенок, зачем распевать во все горло на улице пронзительно-дерзкую песнь, замирающую в кошачьем царстве на крышах? Ведь она не пробьется сквозь нижнеэтажные ставни, за которыми от тебя скрыты тяжкие занавеси бледно-алого шелка.

И все же ты, некуда деться, поешь с непреклонной решимостью мальчугана, который проходит по жизни один и, ни на кого не надеясь, трудится сам. Был ли у тебя отец? Нету даже старухи, чтобы забыть тебе под ее тумакнами о голоде, когда ты возвращаешься без единого су.

Но ты трудишься сам; стоя под окнами, прикрытый выцветшим платьем мужского покроя, истощенный до време-

ни, непомерно для своих лет, ты поешь хлеба ради, ожесточенно, не роняя злобного взгляда на прочих детей, играющих посреди мостовой.

И так сильна твоя жалоба, так сильна, что кажется, будто твоя голова, которая тянется, непокрытая, ввысь по мере того, как растет сила голоса, хочет слететь с твоих детских плеч.

Кто знает, малыш, не сорвется ли она однажды, когда после долгого крика на улицах ты совершишь преступление... ведь совершить его, право, дело нетрудное: достаточно лишь набраться отваги в меру желанья — и такой, что... Твое личико дышит волей.

Ни единого су не падает в ивовую корзину, которую держит твоя худая, безнадежно повисшая вдоль штанины рука; тебя озлобят, и ты однажды совершишь преступление.

Голова твоя тянется, тянется, порываясь сорваться с плеч, как будто знает уже наперед, пока ты поешь с выражением, которое делается угрожающим.

И она распростится с тобой, когда ты расплатишься за меня, за тех, кто еще недостойней. Для того-то, быть может, ты и появился на свет, и с этих пор голодаешь; мы увидим тебя в газетах.

О, несчастный мальчонка!

ТРУБКА

Вчера я нашел свою трубку, мечтая о долгой, весь вечер, работе, славной работе зимней порой. Оставлены в залитом голубиной солнечных листьев муслина прошлом, вместе с ребячеством летних утех, сигареты, и подобрана человеком серьезным, собравшимся долго, не отвлекаясь, курить, строгая трубка, чтобы лучше работалось; но я не готов был к сюрпризу, какой таила эта покинутая: едва затянувшись, я тотчас забыл о еще не рожденных творениях и сизнова, завороченный, растроганный, вдыхал последнюю зиму. Я не казался верной подруги с тех пор, как вернулся во Францию, и Лондон — Лондон, каким он весь вошел в меня год назад, — появился; сперва милые сердцу туманы, у которых там свой, особенный запах, когда, обволакивающие мозг, они проникают в окно... Мой табак отдавал темной комнатой, где сворачивалась, поверх угольной пыли, на кожаной мебели черная тощая кошка: жар очага!.. и красные руки служанки, сыплющей уголь, и шорох его падения в железный ящик из жестяного ведра, под утро — когда раздавался двойной и торжественный стук разносчика, даривший мне жизнь! Вновь я увидел в окнах больные деревья пустынного сквера — и я видел морской простор, который часто пересекал в эту зиму, дрожа на палубе парохода, омываемой изморосью, почернев-

шей от дыма, — рядом с бедной моей возлюбленной, странствующей в дорожном наряде: длинное блеклое платье цвета проселочной пыли, влажное, отяжелевшее на ее ^{плечах} ~~плечах~~ плечах пальто и шляпка, соломенная, без перьев и ^{почти} ~~почти~~ без лент, какую богатые дамы выбрасывают по приезде, такой у нее после моря истрепанный вид, а возлюбленные победнее приводят в порядок, чтобы служила еще много дней. Ее шея была увита страшным платком, каким машут, в душе говоря: прости навсегда.

БЕЛАЯ КУВШИНКА

Греб я долго, и взмахом широким, усыпительно-точным, невидящим взором лелея в себе забытьё, пока время вокруг струило свой смех. Такое коснело оцепенение, что овеянный вялым шорохом, куда наполовину вошел мой ялик, я убедился в стоянке лишь по ровному, на обнажившихся веслах, блеску инициалов, отчего и вернулся к своей мирской принадлежности.

Что случилось, куда я попал?

Пришлось воскресить, для разгадки событий, свое раннее, в этот жгучий июль, отправление по живому просвету, меж спящих зарослей, вечно рассеянной и узкой струи, на поиск водных цветений и с помыслом, отыскав место, где располагалась усадьба некоей подруги друзей, отметитья беглым приветствием. Минуя ландшафты без предпочтений, сквозь полосы трав, к тому или этому в бликах, несомых тождественно по волне мерным взмахом весла, я уткнулся в какие-то тростниковые дебри, тайный рубеж, среди течения, моей прогулки, — где, тотчас разлившись плавучей рощей, оно стелет подернутую, как всякий исток, колебаниями безмятежность пруда.

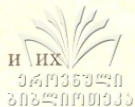
Детальный осмотр показал мне, что эта зелень стены над рекой прятала одинокую арку моста, по суше продолженно-го, здесь и там, замыкавшей газоны оградой. Я понял. Просто-напросто парк госпожи... приветствуемой незнакомки.

Прелестное, на лето бы, соседство, ведь натура избравшей столь непроницаемо-влажный приют мне могла быть только по вкусу. Разумеется, этот кристалл, в стороне от спящей докучности послеполудней, стал ее заветным зеркалом; сюда приходила она, и вскоре серебром леденящий ивы дымок слился с прозрачностью ее взгляда, привыкшего к каждому листику.

Вся она виделась мне — как родник.

Согнувшись в спортивной позе, где удерживало меня любопытство, как под обширной, ведущей к неведомой тишью, я улыбнулся предвестию рабства, навеянному догадкой о женщине, — которое внятно знаменовали ремни, так пригнав-

шие обувь гребца к дереву лодки, будто орудие чар и их жертва — одно.

«...И вот так же любая...» — хотел я закончить.

Шаг затих: отчего?

Неизъяснимо, как ноги, взад и вперед, влекут мысль, куда вздумается милой тени, погруженной в батист и кружева юбки, которая будто и ниспадает к земле, чтоб от пятки до пальца, струящаяся, опутать порыв, открывающий постуши, снизу, где волнисто отброшены складки, просвет для проворной двойной стрелы.

Ей-то известно ль, самой гуляющей, что ее остановило, и не туда ли — уж слишком тяну я шею ввиду этих, превыше глаз, тростников и всей умственной дремы, окутывающей мой взор, — донеслось вопрошание тайны?

«...Ваш, сударыня, облик мне видится в ясности черт, помрачающей то, что вступило сюда с пришлым шелестом, — да! безотчетные, украдкой, чары, коих не утаит от искателя стянутаая безупречнейше, под алмазом пряжки, тесьмой. Смутность этой идеи достаточна — и не нарушит весьма отвлеченной услады, которая дает и требует полностью о лицах забыть, так что явленность одного (не склонение же свое, означив, над скрытым порогом, где я царю) развеет вчуже мой трепет».

Так представиться, в этом наряде речного разбойника, — на случай сославшись, можно попробовать.

Разделенные — вместе: мечта моя, гостьей зыбкой укромности, где медлит миг над водой, льнет к раздумчивой, как не позволит мне, вкупе с последующими, визит. Сколько праздных, в сравнении с тем, что я молвил без звука, слов еще нужно, пока обретешь, столь же непроизвольно, взаимность, когда слух устремлен, вровень с акажу, к сплошь умолкнувшему песку.

Мерой паузы служит время моей решимости.

Посоветуй, о греза моя: что делать?

Смерить взглядом разлитое девственно в этом безлюдье отсутствие и, словно уносишь, в память о месте, одну из чудных спящих кувшинок, которые, вспыхнув, лелеют за млеющей белизной крупцу нетронутых снов и счастья, какому не сбыться, и моего затаенного тут, под страхом встречи, дыхания, с ним удалиться: молча, отчаливая помалу — лишь бы толчком не разбить иллюзию, к ничьим, плеску зримого, вспенившего побег пузырька, стопам не бросить прозрачной схожести с моим, в плену, идеальным цветком.

Ни души — и, сомнениями покинут, словно руки несут и жребий тайного великолепия, слишком бесценный, чтобы раскрылся, трофей! но не тотчас решившись в дневное сумрачное мерничание бессмертных стволов, исходящее некой из свежих человеческих гордостей (так не нужно ли им подтверждения?), проникнуть и переступить тот порог, где факелы, вышней стражей, испепеляют грезы, предшествующие их блеску, откуда в пурпуре туч отразится вселенское, стоит ему войти, освящение царственного пришельца, — я подождал, чтобы стать им, покуда неспешно, снова движимый привычным ходом, в очертаниях детской химеры, уносящей куда-то людей, не растворился поезд, который оставил тут меня одного.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Произведения трех представленных здесь поэтов показывают эволюцию во французской поэзии XIX в. жанра «стихотворения в прозе». Можно сказать без преувеличения: именно в творчестве Лотреамона, Малларме и Рембо этот жанр сформировался окончательно в 60-70-е гг. прошлого столетия. Больше того, эти их произведения оказали огромное воздействие на всю французскую (да и не только французскую) литературу, кардинально изменили само представление о границах и языке поэзии, породив в XX веке необычайное изобилие и разнообразие поэзии прозаической: от М. Жакоба до П. Элюара, от П. Реверди до А. Мишо, от Л.-П. Фарга до Р. Шара.

ЛОТРЕАМОН.

Граф де Лотреамон (настоящее имя — Изидор Дюкасс; 1846 — 1870) — одна из самых загадочных во французской литературе фигур, которую выдающийся поэт XX в. Пьер Реверди назвал и «самой трагической». О короткой жизни И. Дюкасса известно немного. Родился он в Уругвае, в семье служащего французского консульства. В 1859 г. отец посылает его во Францию, где он учится в лицее: сначала в Тарбе, а затем в По. В 1864 году, а быть может, также и позже, он, вероятно, еще возвращается на родину. С 1867 г. он живет в Париже. Догадки о его связях с революционными кружками ничем не подтверждены. Единственная фотография И. Дюкасса, обнаруженная лишь в 1976 г. и плохо сохранившаяся, разумеется, ничего не объясняет в его личности. Остаются тексты.

Первая из шести «Песен Мальдорора» вышла анонимно отдельным изданием в 1868 г. Все произведение целиком и под полным псевдонимом появилось в следующем году.

Эта книга, целиком принадлежа поэзии, все же с трудом поддается жанровому определению. Явное эпатирование буржуазного «вкуса» соседствует здесь с самым зловещим юмором, с уничтожающим самоотрицанием, визионерство — с пародией, заимствования из естественнонаучных трудов — с безудержными, многостраничными, точнее построенными риторическими периодами, а мнимая, разрушительная стилизация романтизма (особенно «черного романа») — с первыми и, быть может, ярчайшими образцами автоматического письма. Неоднократно отмечалось, что это, в сущности, чисто фрагментарное произведение насквозь пронизано строжайшей логикой образного и интонационного движения: используя едва ли не все возможные литературные приемы, оно доводит их до последней черты гротеска или абсурда, ставя под вопрос само существование литературы. И однако все эти качества, весь этот заряд отрицания остались бы мертвы или только достопримечательны, если бы за ними не ощущалась абсолютная, до одержимости, воля к слиянию слова и страсти, не слышался мощный подспудный лиризм. Шесть этих «песен» (которые, в свой черед, делятся на «строфы»), исполненных проклятий окружающей цивилизации, неизбежности миропорядка, объединены демонической личностью — и лирическим голосом! — загадочно отверженного существа по имени Мальдорор.

Вышедшие в 1870 г. под настоящим именем автора два выпуска «Поэзии» (с подзаголовком: «Пролог к будущей книге») знаменуют его отказ от прежней манеры и направления. В них провозглашается намерение поставить поэзию на службу «практической истине», хотя неистовые инвективы и стиль еще позволяют порой узнать прежнего Лотреамона. И далеко не случайна его фраза, которую взяли впоследствии на вооружение Бретон, Элюар, Арагон и их окружение: «Поэзия должна твориться всеми, не кем-то одним».

Многочисленные исследования, посвященные в XX в. «Песням Мальдорора», нередко рассматривают их как грозное пророчество, к которому, естественно, осталось глухо «мирное» предшествующее столетие. Следует также учесть, что это произведение написано неизлечимо больной юношей: Изидор Дюкасс умер от туберкулеза за несколько месяцев до Парижской Коммуны.

«Песни Мальдорора» были долгие годы для читателя почти недоступны. На их появление, правда, положительно отозвался друг Бодлера Пуле-Малассис. Но издатель Лотреамона, считая книгу слишком кощунственной, побоялся пустить ее в продажу. Вторично она вышла в 1890 г., однако тиражом незначительным и быстро затерявшимся. Лишь благодаря усилиям Реми де Гурмона, а затем Валери Ларбо, Леона-Поля Фарга и, наконец, сюрреалистов текст Лотреамона становится известным в литературных кругах и за их пределами. С 20-х гг. «Песни Мальдорора» издаются многократно.

АРТЮР РЕМБО

Артюр Рембо (1854—1891) провел детство в городке Шарлевиль, под деспотической опекой матери. Необычайно восприимчивый, с проблесками гениальности ребенок — на фоне самой затхлой

буржуазно-мещанской среды: эта реальная антитеза стала истоком творчества Рембо, быть может, и побудив его искать в поэзии пре-
ображения жизни.

Писать он начал, сразу же бурно и непрерывно, в 1869 г. казм, гротескные картины косного захолустья, откуда рвется гимны природе, и чувственный, яростный темперамент, — все это, наряду с грубоватостью словаря и полчас свирепой, захлебывающейся интонацией, еще уживается с поэтикой Парнаса. Но поэзия Рембо меняется стремительно. В 1870 — 1871 гг. он несколько раз бежит из дому: Париж, Бельгия, снова Париж. Многие его стихотворения этого периода окрашены революционным духом, восторженной солидарностью с делом Коммуны. Известно, что он составил «Проект коммунистической конституции». Но эти симпатии, особенно после падения Коммуны, становятся все более утопическими; главные надежды он, как некогда Гельдерлин, возлагает на поэзию. В «Письме ясновидца» от 15 мая 1871 г. Рембо сформулировал принципы новой (т. е. цели своей) поэзии, основанной на абсолютном знании и самопознании через могущественное, волевое, сознательное «нарушение всех чувств»; воскрешая по-своему орфическую традицию, он провозглашает ответственность поэта за все живое на земле.

В сентябре 1871 г. Верлен зовет его в Париж, куда Рембо привозит множество стихотворений, в том числе и «Пьяный корабль». Начинается эпоха богемы, причудливой, путаной дружбы с Верленом, их совместной жизни в Лондоне, странствований с короткими возвращениями в Шарлевиль. В 1872 г. начаты «Озарения» (первые изданы в 1886 г.), которые, впрочем, вероятно, писались еще полтора-два года спустя. В 1873 г. завершен и опубликован «Сезон в аду» (или «Сквозь ад»), прощальная книга поэта. Несколько ее экземпляров Рембо раздал друзьям; весь тираж оставался на складе, где был случайно обнаружен в 1902 г. Эти две книги поэзии в прозе и определили место Рембо в мировой поэзии.

«Я — это другой»: вот заповедь поэта, который отрекается от авторской личности во имя прямой, суверенной, вне всяких литературных и прочих обоснований или опосредствований, значимости поэтического текста, образа, слова как такового и возведения поэзии в ранг освобождающей космической силы. Эти притязания, как бы к ним ни относиться, во многом окрасили поэтику важнейших текстов Рембо. Законно поэтому считать односторонним и даже ложным долгое причисление его к символизму. Он тесно связывает поэзию с действием, которое она, по его убеждению, призвана опережать и предвосхищать. С этой точки зрения Рембо был понят многими лучшими поэтами XX века, от Аполлинера до Жува, от Элюара до Шара, как революционер именно в своем творчестве. Каков бы ни был личный крах поэта, уже зафиксированный, вслед за экзотическими, визионерскими, пророческими «Озарениями», беспощадной и ослепительной трезвостью «Сезона в аду», он не будет искать спасения ни в спиритуалистической ностальгии, ни в Упоении «чистой искусства». Хотя бы поэтому его отречение от поэзии, о котором столько гадали, вряд ли можно рассматривать как измену. То был просто человеческий КОНЕЦ поэта, крушение всех надежд.

После 1875 г. Рембо, бунтарь, ненавидящий буржуазный миропорядок, по сути, возвращается в его лоно. Поэзия не только оставлена, но и решительно забыта. Сначала — бродяжничество по всей Европе; затем — долгие годы в Эфиопии, торговля опиумом, коммерческие авантюры. Угрюмый стоицизм его писем граничит с нигилизмом. Все его помыслы — накопить капитал и создать во Франции «крепкую семью». Гангренозное заболевание вынуждает его вернуться на родину, где он умирает в страшных мучениях.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Стефан Малларме (1842 — 1896) по праву считается «некоронированным главой» французского символизма; но его художественные и теоретические искания выходят, как показал опыт всей дальнейшей поэзии, далеко за рамки символической школы.

Всю жизнь Малларме вел скромное и незаметное существование учителя лицея, сперва в провинции, а с 1871 г. в Париже. Его стихотворения, публиковавшиеся в различных журналах, впервые вышли отдельной книгой в 1887 г.; к этому времени, однако, он был уже известен в литературных кругах и приобрел восторженных почитателей. Его «вторники» усердно посещают Лафорг, Реми де Гурмон, Лоран Тайяд, Анри де Ренье, Сен-Поль-Ру, Гюстав Кан, а затем и Пьер Луис, Андре Жид, Валери, Клодель, Фарг; с ним дружат, высоко его ценят Верлен, Вилье де Лиль-Адан, Гюисманс, Мирбо, насмехающиеся в Париж Верхарн, Оскар Уайльд, Стефан Георге, а также художники: Мане, Редон, Дега, Берта Морино, Уистлер. Но за наружной устроенностью жизни Малларме скрывалась трагическая и непрестанная душевная борьба, порожденная непомерностью поэтической цели, какую он поставил себе, и приводившая к длительным периодам бесплодия. Испытав сильное воздействие Бодлера, а затем Эдгара По, Малларме пытался переосмыслить культивируемый парнасцами идеал «совершенства» и выработать нанточнейший поэтический метод. После душевного кризиса 1866 г. он буквально одержим почеркнутой у Гегеля идеей мирового всеединства, которое поэзия, по его убеждению, призвана выразить, создав такую Книгу, где несовершенство окружающего мира будет полностью преодолено в зазвучавшей музыке его внутренних соответствий и отголосков. Он писал Верлену, что Книга должна стать «орфическим объяснением Земли, которое является единственной задачей поэта и литературной игры как таковой». Эта поэтическая утопия Малларме сродни притязаниям Рембо. Но Малларме не видит в поэзии ОРУДИЯ преобразования жизни: САМО поэтическое слово — средство избавления от гнетущего миропорядка и запечатленная тоска по идеалу. Его попытка создать поэтический язык, упраздняющий Случай и отвечающий абсолютным требованиям музыкальности, приводила к «развоплощению» действительности в его поэзии. Отсюда — огромная роль АССОЦИАТИВНЫХ рядов в его текстах, в отличие от экзатичности ПРЕДМЕТНОГО слова в поэзии Рембо. И если в творчестве Рембо поэзия безоговорочно порывает с литературой как частью узаконенной цивилизации, становится актом жизни, то Малларме, напротив, свойственно, по выражению Валери, «обожествление литера-

туры». Он, столь же враждебно относящийся к этой цивилизации, где поэту нет места, где ему остается лишь «ваять собственную могилу», вкладывает в идею деперсонализации творчества всю глубину отрицания, видит в ней отражение безымянной чистоты того последнего прибежища, которым уже теперь, наперекор проклятому миру и за его пределами, призвана становиться поэзия для угнетенного человека. И в этом отождествлении человеческого бытия с вечно движущимися горизонтами поэзии, которая не ищет иных откровений, кроме самой себя, Малларме сближается с Рембо и особенно с Гельдерлином.

К жанру стихотворения в прозе Малларме обратился под влиянием Бодлера, а также высоко им ценимого Алоизия Бертра-на. Прозаические, как и стихотворные, тексты Малларме построены на все более изощренной ломке принятых синтаксических норм (достаточно сравнить первые три из переведенных текстов, написанные в 1864 г., с двумя последними, созданными в 80-х гг.), особенно жестких во французском литературном языке. Однако эта ломка, обусловленная стремлением к предельной ассоциативной сжатости и ритмической музыкальности, везде внутренне обоснована и никогда не приводит к зауми.

Вадим КОЗОВОЙ

ЮБИЛЕЮ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

СБЩЕСТВЕННОСТЬ Украины готовится торжественно отметить 275-летие со дня рождения выдающегося грузинского поэта Давида Гурамишвили, обретшего на этой прекрасной земле вторую родину.

В Институте литературы имени Т. Шевченко Академии наук Украинской ССР создан организационный комитет по проведению юбилея под председательством директора института, члена - корреспондента Академии наук республики И. Дзевешина.

Осенью в столице Украины состоится совместная юбилейная конференция, посвященная юбилейной дате, которую проведут Институт литературы имени Т. Шевченко, Институт истории грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук ГССР и филологический факультет Киевского государственного университета.

Доклады, которые будут прочитаны на конференции, осветят различные аспекты жизни и творчества замечательного сына грузинского народа.

Материалы конференции издадутся отдельной книгой.

Некоторые доклады будут прочитаны в Миргороде, где находится литературно-мемориальный музей Д. Гурамишвили, а также студентам Нежинского и Киевского педаго-

гических институтов. В Институте литературы имени Т. Шевченко Академии наук Украины с лекциями о поэте выступят ученые из Тбилиси — Г. Асатиани и С. Цаншвили.

Издательство «Мистецтво» совместно с грузинским издательством «Хеловнеба» выпустят в свет «Давитиани» Д. Гурамишвили на трех языках — грузинском, русском и украинском в переводах Н. Заболотского и М. Бажана.

В дни юбилея газеты и журналы Украинской ССР поместят на своих страницах материалы о жизни и деятельности Д. Гурамишвили.

«ПУШКИН И ГРИБОЕДОВ НА КAVKAЗE»

ТАК НАЗЫВАЛАСЬ выставка, которая с большим успехом прошла в Государственном музее искусств Грузии.

Эта, уже третья, ставшая традиционной, выставка организована по инициативе Всесоюзного музея А. С. Пушкина, Государственного музея искусств Грузии, Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии.

На экспозиции были представлены работы, рассказывающие о пребывании двух русских поэтов на Кавказе, об их впечатлениях от природы этого края, знакомства с жизнью,

бытом и традициями народов Кавказа.

На выставке экспонировались акварели и гравюры К. Бегррова, Н. Чернецова, Г. Гагарина, фотокопии рукописей А. С. Пушкина с набросками пейзажей и зарисовками, сделанными им во время путешествия по Кавказу.

НА РОДИНЕ ПОЭТА

ТРАДИЦИОННЫЙ народный праздник Важаоба, посвященный дню рождения Важа Пшавела, собрал на родине поэта в селе Чаргали свыше пяти тысяч человек.

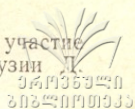
Праздник открыл секретарь правления Союза писателей Грузии И. Нонешвили.

О жизни и творчестве замечательного грузинского писателя на встрече говорили первый секретарь Душетского райкома партии Г. Кереселидзе, поэт М. Лебанидзе, М. Кахидзе, А. Гомишвили, М. Циклаури, профессор А. Хуцишвили, представители общественности республики.

На встрече с чтением произведений В. Пшавела выступили народные сказители, самодеятельные художественные коллективы.

Участников праздника Важаоба приветствовали дочь и сын писателя Гулкан и Вахтанг Разикашвили.

В празднике принял участие секретарь ЦК КП Грузии Д. Патиашвили.

ДНИ ПОЭЗИИ

В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ Богдановского района Грузинской ССР состоялся вечер, посвященный терьяновским дням поэзии.

На встречу прибыли представители Союзов писателей Грузии и Армении.

Торжественный вечер вступительным словом открыл председатель исполкома Богдановского райсовета народных депутатов И. Балишвили.

Перед собравшимися также выступили секретарь правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили, первый секретарь правления Союза писателей Армении В. Петросян и другие.

Праздник поэзии Ваана Терьяна продолжился на следующий день в селе Гандза, где родился поэт.

Многочисленные представители общественности, литераторы двух братских республик Закавказья говорили о том большом вкладе, который внес В. Терьян в укрепление многовековой дружбы грузинского и армянского народов.

Терьяновские дни поэзии вылились в яркий праздник дружбы двух народов, двух культур.

АНДРИАСОВ Давид Сергеевич. Род. в 1958 г. Студент филологического факультета Тбилисского государственного университета. Занимается проблемами современного изобразительного искусства. Печатается в республиканской и всесоюзной прессе.

БОСТАНДЖЯН Анаида Хачатуровна. Окончила филологический факультет Ленинградского педагогического института. Преподаватель гос. педагогического института им. А. С. Пушкина. Работает над проблемами армяно-грузинских литературных взаимосвязей.

БАТЕНЦВИЛИ Джуаншер Иванович. Род. в 1931 г. Доктор исторических наук. Автор многочисленных научных трудов, главным образом по истории культуры и общественной мысли.

ГАБРИАДЗЕ Реваз Леванович. Род. в 1936 г. Прозаик, сценарист, режиссер. Окончил факультет журналистики Тбилисского государственного университета и Высшие сценарные курсы в Москве. Автор повести «Дивная птичка», нескольких сборников рассказов и сценариев широко признанных кино-

фильмов: «Необыкновенная выставка», «Не горюй», «Чудаки», «Кувшины», «Серенада», «Мимино», «Белый камень», сериала «Дорога» и др.

КИАСАШВИЛИ Елена Нодаровна. Окончила факультет востоковедения Тбилисского государственного университета. Работает в отделе литературных взаимосвязей Музея дружбы народов АН ГССР. Автор ряда научных работ и публикаций.

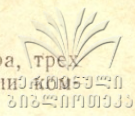
МАЧАВАРИАНИ Мухран Иванович. Род. в 1929 г. Окончил филологический ф-т Тбилисского государственного университета. Редактор журнала «Дила». Печататься начал с 1952 года. Автор множества поэтических сборников. Стихи М. Мачавариани печатаются на языках народов СССР и за рубежом.

МОРЧИЛАДЗЕ Михаил Михайлович. Род. в 1945 г. Студент Литературного института им. Горького. Печататься начал в 1963 г. Автор рассказов и повести «Начало», переведенной на русский и украинский языки. В настоящее время находится в творческой команде

ровке на строительстве ЖинвалиГЭС, где работает проходчиком.

ПАНДЖИКИДЗЕ Гур а м Иванович. Род. в 1933 г. Окончил факультет черной металлургии Грузинского политехнического института. Прозаик. Начал печататься в 50-х гг. Автор многих рассказов, книг пуб-

лицистического характера, трех романов. Лауреат премии имени Сомола Грузии.

РАЗМАДЗЕ Михаил Амбакович. Род. в 1944 г. Журналист, переводчик. Печатался в журналах «Искусство», «Звезда», «Литературное обозрение», республиканской прессе.

683/139

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

НАШ АДРЕС: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: Репродукция с картины Эл. Амашукели «Старый Тбилиси».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული მხატვრობა“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ პოლიტიკური ეურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან. № 8 აპრილში, 1980 წ.

Сдано в набор 14 июля 1980 г. Подписано к печати 29 августа 1980 года. 7 печ. листов, усл. листов 11,76. Формат

84×108¹/₃₂.

Заказ 2055

Тираж 10.000

УЭ 01572

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Гачечиладзе Г. «Художественный перевод и литературные взаимосвязи». Изд. 2-е. Москва, 1980. 255 с. 6.000 экз. 1 р. 20 к.

Гурамишвили Д. «Стихотворения и поэмы». Пер. Н. Заболоцкого. Вступит. статья С. Цаишвили. Ленинград, 1980. 246 с. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). 40.000 экз. 1 р. 20 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Джавахишвили М. «Арсен из Марабды». Роман. Пер. с груз. Б. Корнеева. Вступит. статья Г. Натрошвили. Москва, 1980. 400 с. (Библ. серия). 50.000 экз. 2 р. 10 к.

«МЕРАНИ»

Богомоллов И. «Важа Пшавела и русская действительность». Тбилиси, 1980. 200 с. 2.000 экз. 75 к.

Давитая С. «Обретение». Тбилиси, 1980. 187 с. 5.000 экз. 55 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Церцвадзе И. «Словарь русских словосочетаний с зависимой управляемой формой и их грузинских эквивалентов». Тбилиси, 1980. 710 с. 10.000 экз. 1 р. 80 к.

60 к

ИНДЕКС 76177

ბიბლიოთეკის
სამსახური